

Министерство образования и науки РФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение
высшего профессионального образования
«Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет» (Новосибирский государственный университет, НГУ)

Гуманитарный факультет
кафедра древних языков

Сравнительно-историческая грамматика славянских языков
Курс лекций

Новосибирск 2011

Документ подготовлен в рамках реализации Программы развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный университет» на 2009–2018 гг.

Сравнительно-историческая грамматика славянских языков. Курс лекций / Сост.: канд. филол. наук, доц. О.Г. Щеглова. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011.– 74 с.

Данное пособие содержит лекции, соответствующие трем дисциплинарным модулям программы по сравнительно-исторической грамматике славянских языков, а именно: лекции по сравнительно-исторической фонетике. Курс лекций предназначен для студентов филологического отделения 3-го курса гуманитарного факультета.

Рекомендовано учебно-методическим советом гуманитарного факультета.

Рецензент: д-р филол. наук, проф. Л.Г. Панин

© О.Г. Щеглова, 2011
© Новосибирский государственный университет, 2011

Курс лекций соответствует трем модулям программы по сравнительно-исторической грамматике славянских языков:

<i>Дисциплинарный модуль 1. Введение.</i>
Тема 1. История изучения сравнительно-исторической грамматики славянских языков.
Тема 2. Славянские языки в кругу родственных индоевропейских языков.
Тема 3. Праславянский язык.
<i>Дисциплинарный модуль 2. Фонетические процессы в праславянском языке</i>
Тема 4. Фонетические процессы раннего праславянского периода. Фонетические процессы позднего праславянского периода. Звуковой состав праславянского языка перед его распадом. Фонетические чередования.
<i>Дисциплинарный модуль 3. Сравнительно-историческая фонетика</i>
Тема 5. Рефлексы гласных в славянских языках.
Тема 6. Судьба редуцированных гласных в славянских языках. Судьба слоговых плавных в славянских языках.
Тема 7. Судьба дифтонгов в славянских языках. Сочетания <i>ort, olt</i> . Развитие сочетаний <i>ort, olt</i> .
Тема 8. Согласные в славянских языках.
Тема 9. Палатализация согласных. Лабиовеляризация согласных. Йотация

Лекция 1. Введение

План

1. История изучения сравнительно-исторической грамматики славянских языков
2. Современные славянские народы
3. Генетическое родство славянских языков

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Возникновение сравнительно-исторического индоевропейского языкознания послужило толчком началу научного языкознания вообще, появление работ по сравнительно-историческому языкознанию привело к формированию лингвистики как науки в том ее виде, в каком мы ее воспринимаем в наши дни. Конечно, многие современные лингвистические идеи, подходы, положения и даже термины содержались еще в средневековой филологической традиции и особенно в традициях более ранних — античной (греческой и римской), древнеиндийской, староарабской, древнекитайской и тибетской. Однако создание мировой лингвистики в первую очередь связано с европейской традицией, с началом XIX в., с трудами датского ученого Расмуса Раска (1787-1832), немцев Якоба Грима (1785-1863), Франца Боппа (1791-1867), Александра Христофоровича Востокова (1781-1864), которые несколько десятилетий спустя нашли свое продолжение в исследованиях Августа Шлейхера (1821-1868, Германия), Франца Миклошича (1813-1891, Словения) и других ученых-филологов. С этого времени лингвистика стала интернациональной, то есть перестала быть локально ограниченной. Причем и в отношении методологического подхода к материалу, и в отношении самого материала.

Европейское языкознание первой половины и середины XIX в. отличалось еще одной особенностью, которую, учитывая процесс развития филологической науки в целом, можно для своего времени оценить скорее как положительную, чем негативную. Оно, в отличие от языкознания современного, признающего полезность разнообразных подходов к одному и тому же явлению и к языку вообще, стремилось к единству метода, к установлению единого источника для группы языков — индоевропейского праязыка, а затем и праязыка отдельных индоевропейских языковых семей — прагерманского, праславянского, пракельтского и т.п. Естественно, древний общий язык понимался по-разному: некоторые ученые воспринимали его как некую реальность (например, Август Шлейхер пытался писать басни на индоевропейском языке), другие понимали праязык как модель или инструмент исследования, способ установления генетического родства, определения соответствий между элементами родственных языков, на чем особенно настаивал уже в XX в. известный французский индоевропеист и славист Антуан Мейе.

Историко-генетический подход и метод в XIX в. и в начале XX в. претендовал на главный, основной, почти универсальный метод изучения

языка, притом не только в его историческом, но и в современном аспекте, т.к. и многие грамматики современных языков индоевропейской группы строились по образцу исторических. Что же касается классификации и описания диалектов, то в принципе почти все они были подчинены той же основе. Единство метода способствовало единообразию подхода к материалу, его сбора и систематизации, его пригодности для сравнения на исторической основе. Так, работы сравнительно-исторической "младogramматической" школы (яркие представители этой школы Карл Бругман (1849-1919, Германия), Бертольд Дельбрюк (1842-1922, Германия) и др.) способствовали накоплению множества фактов на единой основе, фактов, которые многими были затем по-разному интерпретированы и объяснены далеко не традиционным для своего времени способом.

На смену младogramматическому подходу пришел системный или структурный подход, придавший языкознанию XX в. иное лицо и иную тональность, чем в веке XIX. Однако основатели и предтечи современного структурного подхода — и Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, и Фердинанд де Соссюр, — занимаясь поисками новых путей, прокладывая их и находя, писали в то же время работы в довольно строгом младogramматическом стиле. И в этом не было особых противоречий, в этом была дисциплина научного труда.

Мы остановились на роли индоевропейской компаративистики в развитии общего языкознания и в отношении методологии, и в отношении охвата языкового материала потому, что история славянского языкознания повторила путь индоевропейского языкознания, с одной стороны, в более узких, с другой — в более широких масштабах. Впрочем, это и не удивительно, историко-лингвистическая славистика в значительной мере является частью индоевропеистики.

Успех и быстрое развитие славистических компаративно-лингвистических исследований был обеспечен появлением в середине XIX в. многотомной "Сравнительной грамматики славянских языков" словенца Франца Миклошича. Книга получила свой цельный и законченный вид при втором авторском издании 1875—1883 гг. и содержала разделы фонетики, морфологии, словообразования и синтаксиса (*Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. Wien. Bde. 1-4, 1852. 1856-1874). Преемник Франца Миклошича по венской славистической кафедре, не менее известный славист хорват Игнатий Викторович (Ватрослав) Ягич считал, что "уже появление первой части сравнительной грамматики Миклошича сделало эпоху" и в то же время отмечал, что "исторический момент в исследованиях Миклошича везде отходил на задний план; языко-сравнительное направление во всех трудах его брало верх над историческим" (Ягич И.В. История славянской филологии. Спб., 1910). Высказывание это характерно в том отношении, что уже на раннем этапе развития сравнительной грамматики славянских языков вопрос об историзме и его характере возникал и трактовался по-разному. Почти полвека спустя после внедрения в науку грамматики Миклошича появилась двухтомная фундаментальная "Сравнительная славянская грамматика" чеха Вацлава Вондрака,

рассматривающая особенности фонетики, словообразования, морфологии и синтаксиса (Vondrak W. Vergleichende slavische Grammatik. Bde. 1,2. Gottingen, 1924-1928). Как и Миклошич, Вондрак предварительно много занимался изучением старославянских памятников и их описанием, как и Миклошич, он, особенно в словообразовательной и синтаксической части своего труда, приводил множество славянских соответствий наряду с неславянскими, не всегда углубляясь в вопрос исторической последовательности и соотношения отдельных языковых процессов.

Уже несколько иначе ставил задачу и распределял материал в своей "Праславянской грамматике" Григорий Андреевич Ильинский, считая, что "если славянская сравнительная грамматика дает нам понятие преимущественно о *конечных* этапах эволюции праславянского языка, то сравнительная грамматика индоевропейских языков знакомит нас с первыми моментами его жизни". "Отсюда, — заключает Г.А. Ильинский, — и вытекает огромное значение сравнительного языкознания для Праславянской грамматики: ведь только установив основные точки развития праславянского языка, можно приступить к изучению тех многочисленных фонетических и морфологических процессов, которые мало-помалу привели к образованию современных славянских языков, конечно, в их эмбриональном состоянии" (Ильинский Г.А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916).

Такая постановка вопроса вела к расширению хронологических рамок праславянского языка и рассматриваемого материала, к необходимости обращения к языковым процессам, явлениям и причинам, вызывающим языковую эволюцию, требовала большей историчности в подходе и описании фактов. Правда, Г.А.Ильинский еще не обосновывал важности системного подхода ко всем уровням языка и к внутриязыковым отношениям и ограничивался рассмотрением лишь фонетической стороны языка. Такое ограничение, впрочем, было характерно для многих славистов.

Женевская и пражская лингвистические школы, к которым был близок и московский лингвистический кружок начала 20-х годов, внесли в теорию и практику славянского сравнительно-исторического языкознания новые начала и принципы. Они не сразу отразились в сравнительных грамматиках славянских языков, ибо каждая такая грамматика есть итог довольно длительного периода развития науки, однако в трудах Николая Сергеевича Трубецкого, Николая Николаевича Дурново, Яна Розвадовского, Тадеуша Лер-Сплавинского и других ученых был заложен структурный подход к историческим явлениям языка, были предложены опыты периодизации праславянского языка, были уточнены или вновь выявлены отдельные праславянские изоглоссы, рассмотрены в историческом (праславянском) аспекте многие факты современных славянских языков и диалектов.

В таких условиях развития славянской компаративистики уже в послевоенный период, в 1950 г. начала выходить "Сравнительная грамматика славянских языков" известного французского слависта Андре Вайана (Vaillant A. Manuel du vieux slave. Paris, 1948). Как и его предшественники Миклошич и Вондрак, А.Вайан много занимался древнеславянскими

текстами и в 1948 г. издал превосходное "Руководство по старославянскому языку". Как и его предшественники, он хорошо знал материал памятников и современных славянских языков и был искусен в этимологическом анализе (ему принадлежит ряд интересных славянских этимологий). Все это мы находим в пяти книгах его сравнительной грамматики (т.1 — Фонетика, т.П — в двух книгах — Морфология имени, т.Ш — Глагол, т.IV — Именное словообразование), где предложена подробная классификация фактов и дан большой, однако в некоторых случаях, как, например, в словообразовании, несколько архаический материал. Общая и частная интерпретация фактов выполнена при этом в довольно традиционной манере, что особенно ощущается в разделе фонетики.

Впрочем, традиционность свойственна и такой полной, содержащей разделы фонетики, морфологии и синтаксиса (раздел словообразования отсутствует), но не очень большой по объему грамматике, как "Славянская сравнительная грамматика" хорватского лингвиста Степана Ившича (Ivsić S. *Slavenska poredbena gramatika*. Zagreb, 1970) и менее полной, охватывающей лишь разделы сравнительной фонетики и морфологии, книге словенского филолога Райко Нахтигала "Славянские языки" (Nahtigal R. *Slsavanski jeziki*. Ljubljana, 1952). Обе книги предназначались студентам-филологам и преследовали не чисто научные, а научно-педагогические цели. С той же задачей в 60-х годах было создано украинское пособие по сравнительно-историческому славянскому языкознанию (под ред. Александра Саввича Мельничука), в котором не только помимо фонетики, морфологии и синтаксиса впервые была дана и лексика, но была также сделана серьезная попытка периодизации и показа процессов развития праславянской и отдельных славянских фонетических и грамматических систем.

В 1969-1973 гг., опираясь отчасти на опыт американской славистики, но в большей мере на собственную фонологическую концепцию, известный польский славист Здзислав Штибер создал компактно и четко изложенную учебную сравнительную грамматику, которую в то же время можно считать значительным вкладом в науку. И хотя ее фонетическая часть, благодаря последовательному фонологическому подходу, относительной хронологизации явлений и связанных с ними преобразований системы, отличается от более обширной и несколько иначе построенной второй части, трактующей судьбы именной и глагольной флексии (словообразование и синтаксис в книге З.Штибера отсутствуют), в основном, в отдельных славянских языках по сравнению с позднепраславянским периодом, в целом книга известного польского слависта ценна своим четким распределением богатого исторического и диалектного материала, принадлежащего всем славянским языковым группам и польскому языку в первую очередь. Национальность авторов почти всегда давала о себе знать тем, что материал родного языка в перечисленных работах был представлен полнее, четче, систематичнее. Здесь, безусловно, сказывался и учет самой аудитории, для которой усвоение сравнительной грамматики прежде всего через факты родного языка было естественно и педагогически

оправдано. Такой "крен" в материале оправдывает себя и в научном отношении, т.к. в целом ведет к более широкому и вместе с тем более глубокому охвату фактов.

В 1955 г. известный чешский славист Карел Горалек предпринял удачную попытку создания фундаментального пособия, сочетающего в себе сравнительную грамматику славянских языков и введения в изучение славянского языкознания (филологии), охватывающего все уровни языка, историю славянской компаративистики, историко-типологическую характеристику современных славянских языков, подробную библиографию (2-е изд. 1962г.).

К особому типу сравнительно-грамматических исследований принадлежит серия книг болгарского компаративиста Ивана Лекова, посвященная тенденциям развития фонетических (фонологических), грамматических, словообразовательных и лексических явлений славянских языков в отдельности и в целом. Лишь в фонологическом исследовании обнаруживается стремление связать относительно поздние фонетико-фонологические процессы с праславянским состоянием, в то время как рассмотрение других уровней ведется без стремления опереться на праславянскую систему или установить ее в общих чертах. Таким образом, сравнительные штудии И.Лекова направлены на современный и так называемый "исторический" период развития отдельных славянских языков, т.е. период, зафиксированный памятниками, хотя автор почти не опирается на материал памятников, а использует преимущественно факты славянских литературных языков нового периода.

В виде курса лекций построена и первая книга сравнительной грамматики Самуила Борисовича Бернштейна, содержащая вводную часть и фонетику. Следует сразу же отметить, что при несомненной доступности изложения, она далеко выходит за пределы обычного университетского курса. Это видно хотя бы из поставленных задач и из понимания предмета науки, который автором определяется следующим образом: "Сравнительная грамматика славянских языков должна содержать историю праславянского языка и историю общеславянских процессов в отдельных славянских языках" (Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков в 2-х т. М., 1961). Грамматика С.Б.Бернштейна была в свое время высоко оценена специалистами и остается до сих пор в нашей стране основным источником сведений по праславянской и общеславянской исторической фонетике. Еще один том сравнительной грамматики того же автора посвящен чередованиям и истории именных основ. Чередования разобраны очень подробно, и это — открытие в компаративной славистике, пока не имеющее прецедента. Столь серьезное внимание к морфонологии открывает широкие горизонты для этого раздела сравнительной грамматики, приближая ее отчасти к грамматике типологической. Сама лингвистическая дисциплина, рассматривающая чередования, — морфонология — возникла на материале славянских языков в первую очередь благодаря работам Николая Сергеевича

Трубецкого. В наше время она переживает период интенсивного развития и совершенствования своей методики.

Свой вклад в изучение сравнительной грамматики славянских языков внес югославский ученый, профессор Белградского университета Радослав Бошкович. Им написана «Сравнительная грамматика славянских языков», была переведена на русский язык в 1984 г., вернее первая ее часть — фонетика.

Имея ясное и вполне четкое представление о праславянском звуковом строе, его историческом развитии и особенностях, автор показывает дискуссионность ряда узловых, и более частных проблем сравнительной фонетики славянских языков, изложить разные точки зрения специалистов и рассмотреть их аргументы. Проф. Р.Бошкович четко осознает диалектное дробление праславянского языка, при этом он не ставит под сомнение единство этого языка — он воспринимает его как реальность, а не как абстрагированную систему соответствий фонетических и грамматических явлений отдельных славянских языков, не как некоторую, говоря словами А.Мейе, "совокупность этих соответствий".

Я перечислила основные сравнительные грамматики славянских языков, появившиеся в свет более чем за вековой период.

2. СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Народы, говорящие на славянских языках, живут на огромной территории Европы и Азии: от Адриатического моря до берегов Тихого океана, от Средней Азии до Балтийского моря и Северного Ледовитого океана, численность их составляет свыше 280 млн. человек. Поражает необыкновенная близость этих языков: в кругу индоевропейских языков мало примеров такой близости. Она очевидна не только специалистам-языковедам, которые могут обнаружить тождество с помощью этимологического анализа, но и всем носителям славянских языков (ср русск. язык, болг. език, слов. jézik, серб.-хорв. jezik, чешск. jazyk, польск. język. Все славяне хорошо осознают свое языковое и этническое родство. Несмотря на огромную территорию распространения, несмотря на различные языковые и этнические влияния, близкое родство славянских народов и теперь очевидно в такой же степени, в какой оно осознавалось русским летописцем: “По мнозех же времях сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне угорьска земля и болгарьска. И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте”.

Современные славянские языки принято делить на 3 группы:

- 1) восточнославянскую (русский, украинский, белорусский языки),
- 2) западнославянскую (чешский, словацкий, польский, кашубский, верхне- и нижнелужицкий языки),
- 3) южнославянскую (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский языки).

Важнейшим признаком самостоятельности каждого славянского языка является наличие соответствующего литературного языка, письменной и устной литературной нормы. А это все определялось не особенностями языков, не собственно лингвистическими факторами, а историческими условиями формирования народностей и наций.

Из современных живых славянских литературных языков самостоятельно развился прежде всего чешский язык (13 в.), в основу которого было положено центральное наречие г. Праги.

После него в 14 в. складывается польский литературный язык с центром в Кракове, в основу которого легло более древнее культурное наречие, возникшее при королевском дворе в Гнезне в Великой Польше. В период 14-15 вв. польский язык находится под сильным влиянием древнечешского языка.

В Древней Руси литературным языком на протяжении 7 веков с 9 по 17-ый был церковнославянский язык, воспринятый от южных славян.

Современный украинский литературный язык засвидетельствован с конца 18 в., белорусский язык — с середины 19 века, но особенно интенсивно они начали развиваться после первой мировой войны.

Два лужицких литературных языка, так же как и словенский литературный язык, пробудила к жизни в 16 в. Реформация.

В 16-17 вв. возник новоболгарский язык, но современный литературный болгарский язык, развившийся на основе восточно-болгарских говоров, породила освободительная война в 19 в.

На основе центрального екавского наречия в первой половине 19 в. сформировался единый новый сербохорватский литературный язык. До этого единого литературного языка не было.

У словаков за основу современного литературного языка были приняты в середине прошлого столетия среднесловацкие говоры под влиянием трудов Людовита Штура (1815-1856) и Мартина Хаттала (1821-1903).

Македонский язык - самый молодой литературный язык - начал развиваться только после первой мировой войны, хотя на македонских говорах писали и раньше.

Общая численность славян в мире – около 300 млн чел., в том числе болгар 8,5 млн., сербов около 9 млн., хорватов 5,7 млн., словенцев 2,3 млн., македонцев около 2 млн., черногорцев менее 1 млн., боснийцев около 2 млн., русских 146 млн (из них в РФ 120 млн.), украинцев 46 млн., белорусов 10,5 млн., поляков 44,5 млн., чехов 11 млн., словаков менее 6 млн., лужичан – около 60 тыс. Славяне составляют основную часть населения РФ, Республик Польши, Чехии, Хорватии, Словакии, Болгарии, Государственного сообщества Сербия и Черногория, проживают также в республиках Прибалтики, Венгрии, Греции, Германии, Австрии, Италии, в странах Америки и в Австралии.

Русский язык принадлежит к числу наиболее распространенных языков мира, это один из официальных языков ООН. Он является средством межнационального общения народов России.

Украинцы, кроме Украины, в России живут на Дону, Северном Кавказе, в Сибири, Алтае и Казахстане. На украинском языке говорят 39,0 млн. чел.

Белорусы - основное население Белоруссии; кроме того, они расселились по западным областям России, Литвы, Латвии, по Украине, Казахстану и по Сибири. На белорусском языке говорят 9,2 млн. чел.

Западные славяне живут главным образом в Чехии, Словакии и Польше. Говорящих на чешском языке 9,4 млн., на словацком - 5,0 млн.

Поляки составляют свыше 98% населения Польши. На польском и кашубском языках говорят 38,0 млн. чел. В восточных и северо-восточных районах страны живут также украинцы и белорусы, на юге - словаки.

В северной части Польши небольшую территорию занимают кашубы. Кашубский язык вместе с говорами словинцев (исчезли в начале XX в., были распространены на территории нынешнего Слупского воеводства Польши) в научной литературе иногда называют поморским; он относится к так называемым микроязыкам: это язык этнической общности, претендующей на роль народности, говорят на нем около 300 тыс. чел. Основной культурный центр кашубов - Гданьск.

Создание литературного кашубского языка происходило в условиях разнородного (гетерогенного) многоязычия, хотя решающее значение имело здесь кашубско-польское двуязычие.

В средние века административными языками у кашубов были латинский, немецкий, польский; латинский господствовал также в церкви, но с эпохи Реформации (XVI в.) его сменил польский.

В XVI в. возникает кашубская письменность, к этому же времени относятся первые серьезные попытки поднять кашубский диалект до уровня литературного языка. Непосредственным толчком, который привел к применению кашубской речи в письменности, был протестантизм. Именно тогда появился первый кашубский печатный памятник - сборник духовных песен Мартина Лютера, переведенный с немецкого Шиманом Крофеем. Но лишь с Флориана Цейновы (1818-1881 гг.), первого кашубского "будителя", начинается непосредственная работа по сознательной кодификации кашубского литературного языка.

К западным славянам относятся также лужицкие сербы, или серболужичане, самоназвание их - serbja, serbu; немецкое название - сорбы, sorben. Серболужичане образуют национальное меньшинство в Германии и являются потомками западных славян, занимавших в прошлом территории между Одером и Эльбой и подвергшихся германизации. Вместе с немцами лужицкие сербы живут по верхнему течению Шпрее, в 12 районах округов Коттбус и Дрезден.

На серболужицком языке говорят 150 тыс. чел., он делится на нижне- и верхнелужицкий. Некоторые ученые считают эти языки серболужицкими диалектами. Административный центр верхних лужичан - Баутцен, восточнее Лейпцига (Саксония), нижних лужичан - Котбус, юго-восточнее Берлина, в районе Бранденбурга. Серболужичане двуязычны: говорят на лужицком и немецком языках.

К западнославянским языкам относится мертвый полабский язык; последние его остатки были зафиксированы в начале XVIII в. В XII-XIV вв. полабы (немцы называли их с давнего времени вендами) попали под власть немецких феодалов, были частично истреблены, частично ассимилированы немцами. Полабские славяне жили в бассейнах Одера и Эльбы и на побережье Балтийского моря. О полабском языке можно судить по отдельным словам и фразам, записанным в XVII-XVIII вв. немецкими учеными, по топонимике и заимствованиям в немецком языке (полабизмам). Язык обнаруживает преимущественные связи с польскими и отчасти серболужицкими говорами.

Южные славяне образуют государства - Болгарию, Сербию, Черногорию, Хорватию, Словению и Македонию. Болгары - основное население Болгарии, но часть их проживает в Румынии, Греции, Турции, на Украине. За пределами Болгарии самую крупную группу образуют болгары в России - 361 тыс. (сер. 1979 г.).

В Сербии основное население составляют сербы, в Черногории -- черногорцы. Значительное число сербов и хорватов живет также в Боснии и Герцеговине. Сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы говорят на диалектах сербохорватского языка, словенцы и македонцы имеют свои разговорные и литературные языки. Сербохорватский язык выступает в двух литературных

разновидностях - сербохорватской (или сербской) и хорватско-сербской (или хорватской). На сербохорватском языке говорят 18 млн. чел. Сербь живут в Сербии (столица - Белград). В состав Сербии входят автономные края Воеводина и Косово. Хорваты - основное население Хорватии (столица - Загреб).

На словенском языке говорят 2,0 млн. словенцев, проживающих в Словении (столица - Любляна). Словенцы назывались в истории по-разному: хорутане, винды, словинцы, с XIX в. - словенцы. Зарождение их письменности и формирование языка происходили в условиях иноязычного господства, главным образом немецкого и венгерского. Германизация и мадьяризация задержали развитие родного языка, и литературный словенский язык сформировался только в XIX в., позже, чем, например, сербохорватский. Словенцы живут также в пограничных с Югославией районах Италии, Австрии, Венгрии.

На македонском языке говорят 1,5 млн. чел. - население территории южнее Скопле. Македонцы составляют большую часть населения Македонии, столицей которой является город Скопле (Скопье). Вместе с болгарским македонский относится к восточной ветви южнославянских языков и является самым молодым из славянских литературных языков. Он сформировался лишь в XX в., был кодифицирован и утвержден в качестве официального языка в мае 1945 г.

В Хорватии и Сербии проживает небольшая славянская народность - русины. Югославо-русинский (русинский язык, старое название: русска бешеда - русская речь) характеризуется гетерогенной основой: восточнославянско-западнославянской. В генеалогической классификации славянских языков язык русин Югославии помещают между восточнославянской и западославянской подгруппами. Русинское население пришло в середине XVIII в. из смешанных украинско-словацких сел Восточной Словакии первоначально в пустовавшие сербские села, а затем расселилось и на другой территории. В настоящее время русины живут в некоторых районах Воеводины и Хорватии (Бачке, Среме и Славонии), культурные центры - Руски Керестур и Новый Сад; пользуется русинским языком около 30 тыс. чел.

Культурная жизнь югославорусин до появления в XX в. собственного литературного языка характеризовалась двуязычием: здесь употреблялся церковнославянский язык в его русской (русско-украинской) редакции преимущественно в религиозной сфере и карпато-русинский в закарпатско-украинских вариантах - в светской жизни (школе, периодике, сборниках светских песен). Лишь в начале XX в. традиции церковнославянского и карпато-русинского языков исчезают и образуется молодой литературный язык на живой народной основе. В начале XX в. Гавриил Костельник впервые начал писать стихи на родном русинском диалекте, доказав и показав необходимость и пригодность родного языка для поэзии. В основу графики молодого литературного языка Г.Костельник взял украинскую разновидность кириллицы.

В целом южнославянские языки составляют две большие группы: болгарскую, к которой очень близок македонский, и сербохорватскую, к которой близок словенский язык.

Для славянского языкового мира характерно, что славянских наций больше, нежели славянских литературных языков.

Славяне - крупнейшая в Европе группа народов, объединенная близостью языков и общностью происхождения. В древности у них была общая родина, но примерно с V-VI вв. н.э. они постепенно расселились по различным территориям, попали под влияние разных культур, и с тех пор в их языках возникали и все больше усиливались различия, формированию которых способствовали многие факторы, в частности то, что одни славянские народы оказались в сфере культурного влияния Византии, приняли христианство¹ в форме православия, другие - в римском культурном ареале, стали исповедовать католичество. Христианство в процессе развития распалось на три основные ветви: католицизм, протестантизм и православие. В каждой ветви имеются ответвления, секты, возникавшие нередко в результате раскола. Причинами расколов обычно являлись изменение социально-экономических отношений и рост различных противоречий. Этими факторами обусловлен раскол 1054 г. - разделение христианства на католичество с центром в Риме и православие с центром в Константинополе.

В XVI в. большую роль в развитии культуры, распространении славянской письменности сыграла Реформация. Это было религиозно-идеологическое движение во многих странах Западной Европы, направленное против католической церкви и средневековой феодальной идеологии. Реформация положила начало новой разновидности христианства - протестантизму. Основной причиной, вызвавшей Реформацию, было появление элементов капитализма в Европе и начало формирования новой идеологии. Сыграли свою роль и противоречия между феодалами и буржуазией, а также между светскими и духовными феодалами. Первое реформационное движение возникло в Чехии в первой половине XV в. в связи с деятельностью великого проповедника Яна Гуса.

Реформация в Германии началась выступлением Мартина Лютера (1483-1546 гг.). Во Франции, Польше и некоторых других странах распространилось реформационное учение Жана Кальвина, во многих европейских странах образовались протестантские церкви, провозглашенные независимыми от римского папы.

В Польше и Чехословакии среди верующих преобладают католики, в Болгарии - православные, в других южнославянских странах наблюдается религиозная пестрота: больше всего православных, но имеются значительные группы католиков среди хорватов и словенцев и мусульман - среди боснийцев и албанцев. Мусульманство стало проникать на Балканский

¹ Христианство внедрялось на территории современных зарубежных славянских стран почти одновременно: в Югославии, Болгарии, Чехословакии - с IX, в Польше - с X в.

полуостров с XV-XVI вв. и в настоящее время оно сосредоточено в республиках Босния и Герцеговина, Македония, а также в автономных областях Косово и Метохия, входящих в состав Сербии.

Данные о религии славян интересны в связи с тем, что церковь оказывает влияние на литературно-языковой процесс, на выбор алфавита при создании письменности. Латинский алфавит лег в основу алфавитов у тех славянских народов, которые примкнули к католицизму, а славянский (кирилловский) - у православных христиан.

Алфавиты на латинской основе существуют у поляков (и кашубов), чехов, словаков, лужицких сербов, хорватов и словенцев.

Латинским алфавитом пользуются в таких славянских странах, как Польша, Чехия, Словакия, Югославия.

3. ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Все славянские языки представляют собою близкородственную группу. Близость их обнаруживается в словарном составе, морфологии, синтаксисе, системе регулярных звуковых соответствий и др. Сходство между славянскими языками так велико, что это может иметь только одно объяснение: все они развились из единого, общего языка. В связи с этим славянские языки генетически, т.е. по происхождению, являются родственными.

Особенно заметно сходство между славянскими языками в словаре. Можно найти много слов, общих всем славянским языкам, или слов, отличающихся близостью морфем. Болгарский языковед проф. Иван Леков установил, что к общему словарному фонду славянских языков относится около 1120 слов. Федот Петрович Филин считал, что праславянских слов более 4000 тысяч. Крупный лексиколог Олег Николаевич Трубачев насчитывал в этимологических словарях 3191 общеславянское слово. На основании совокупных данных он считает, что общеславянских слов сохранилось около 10000.

Общеславянская лексика дошла до современных славянских языков с различными изменениями.

1. Она претерпела фонетические изменения, которые дали регулярные соответствия:

а) в связи с образованием полногласия и неполногласия: корова, болг. крава, чеш. krava, польск. krowa; рус. золото, болг. злато, чеш. zlato, польск. złoto.

б) в связи с изменением гласного, обозначаемого буквой ять: рус. лес, укр. ліс, польск. las, чешск. les.

в) в связи с изменением р' в ж, рж: рус. река, чеш. řeka, польск. rzeka.

2. Праславянская лексика получила своеобразие, обогатившись различными суффиксами и приставками: 1) рус. воробей, белорус. верабей, укр. воробец-горобець, болг. врабец, серб.-хорв. врабац, польск. wróbel, верхнелужицк. wrobel, нижнелужицк. gobel', словацк. vrabec, чешск. vrabec, vrabčak.

3. Значительные изменения произошли в семантике слов: а) наблюдается дифференциация значений в лексике; б) изменяются сами обозначаемые предметы (реалии); в) происходит перенесение значений с одного предмета и понятия на другие; г) на изменение лексики воздействуют внешние экстралингвистические факторы; д) оказывают влияние другие языки, что способствует возникновению новых слов или их утрате. Эти факторы могут действовать в совокупности.

4. Например, в русском языке есть слова *гора* и *лес*. В укр. языке значение слов *ліс* и *гора* совпадает со значением русских слов. Точно также польск. (*las, góra*) и чешск. (*les, hora*) языки сохраняют эти слова с теми же значениями, что и в русском.

В южнославянских языках наблюдаем другую картину. В болгарском языке устарело слово *лес*. Такая реалия, как лес, стала обозначаться словом *гора*, которое устарело с исконным значением. Понятие “гора” в болгарском языке обозначают словами *планина* и *балкан*.

В македонском языке слово *гора* имеет значение “лес”, слово *планина* обозначает “гору”, а слово *лес* устарело.

Очевидно, что значение “лес” стало передаваться словом *гора* переносно, так как лес рос на горах. И тогда для обозначения понятия “гора” понадобилось новое слово, которым стало слово *планина*. В свою очередь слово *планина* было перенесено с названия горного пастбища на понятие “гора”.

Представляет интерес сербохорватский язык. Слово *лес* обозначает в нем переносно стропила, строительный материал, гроб. Со значением “лес” оно устарело, и это значение передается новым словом - *шума* (лес шумит). Слово же *гора* обозначает возвышенность, но может обозначать и “лес”.

На примере этих слов можно видеть: 1) перенесение значения гора ->лес; 2) дифференциацию значения (лес - “стропила”; шума, гора - “лес” в сербохорватском языке; 3) изменение реалий (планина - полонина - ровное, необрабатываемое поле—горное пастбище).

4. Разные слова праславянского происхождения могут получить одинаковые значения в силу принципа избирательности. Так понятие “очень” различно передается в славянских языках. Рус. очень, в диалектной речи - дуже, дюже; укр. вельми, дуже; белорус. вельми, диалектное дуже; чешск. *velmi*; словацк. *velmi*; болг. много; серб-хорв. много; македон. многу; польск. *bardzo*; словен. *zelo*.

Значение “правая рука” различно передается в славянских языках; 1) восточнославянские языки - правая рука, уст. десница; 2) южнославянские языки - десница; 3) западнославянские языки: *prawyca* - польское, верхнелуж.; *prawyca* - чешское, словацкое.

5. В некоторых случаях литературные слова вытесняются диалектными. Например в белорусском языке слово *ворон* вытеснено словом *крумкач*.

6. Различия в лексике славянских языков могут создаваться в результате распространения иноязычных слов в одном или нескольких языках. Нем. слово *Kreide* распространилось во многих славянских языках, создавая дифференциацию значений или вытесняя славянское слово. Так, в украинском языке слово *крейда* имеет значение “мел”. В польском *kreda* - мел, *miał* - пыль, в белорусском - *крэйда* - мел.

Общеславянские слова относятся к различным тематическим группам. Наиболее характерные из них названия животных и зверей, названия птиц, насекомых, рыб, термины родства, названия явлений природы, предметов, растений, орудий труда и сельскохозяйственных культур, названия жилищ, частей человеческого тела. В праславянском языке существовал уже значительный слой лексики, обозначающий отвлеченные понятия. Например: разум, мысль, вера, правда, надежда, молодость, старость, добрый, злой,

мудрый, глупый. Причем совпадают не только существительные, но и глаголы, прилагательные, предлоги и т.д. Приведем несколько примеров:

	русск	украин	сербс	болгар	чешск	польс
ий	ский	кий	кий	ский	ий	кий
	мать	мати	мати	майка, мати	matka, mati	matka
	сестр	сестра	сестра	сестра	sestra	siostra
а						
	сын	син	син	син	syn	syn
	брат	брат	брат	брат	bratr	brat
	чело	чолов'	човек	човек	človek	człowi
век	ік					ек
	вода	вода	вода	вода	voda	woda
	дом	дом	дом	дом	doma	dom
	липа	липа	липа	липа	lipa	lipa
	овес	овес	овас	овес	oves	owies
	овца	вівця	овца	овца	ovce	owca
	коро	корова	крава	крава	krava	krowa
ва						
	несу	несу	несем	нес	nesu	niose
	черн	чорни	црн	черен,	cerny	czarny
ый	й		чърн			

Сходство между славянскими языками наблюдается в склонении, спряжении, в наличии кратких и полных форм прилагательных, в образовании числительных, словообразовании, синтаксисе. Во всех славянских языках развилось противопоставление глаголов по виду.

В сфере синтаксиса можно отметить общую черту в сохранении номинативного строя, характерного для индоевропейских языков. Это объясняется, тем, что грамматические формы в славянских языках, за редкими исключениями, общего происхождения.

Много общего и в фонетических системах славянских языков, а если в словах общего происхождения в разных славянских языках оказываются разные звуки, то между ними существуют закономерные соответствия. Например, рука в чешском, сербохорватском и словенском языках обозначается словом ruка, в болгарском - рѣка (ъ - гласный, средний между о, а, в польском - ręka. Но такое же соотношение гласных есть и во многих других словах (только в чешском на месте и бывает ou, в польском на месте е бывает носовое [o], которое обозначается буквой ą; рус. - муж, сербох. - muž, болг. - мъж, слов. - muž, чеш. - muž, польск. - maż; рус. - суд, сербох. - sud, болг. - съд, слов. - sud, чеш. - soud, польск. - sąd; рус. - дуб, сербох. - dub, болг. - дѣб, слов. - dub, чеш.- dub, польск. - dąb, и др.

Звуковое соответствие возникло в результате изменений первоначально единого звука, которые происходили в различных языках. В данном случае соответствие корневых гласных сложилось после изменения носового [o],

которое было в праславянском языке в корнях слов *rǫka, *mǫzь, *sǫdь, *dǫbь и др.

Звуковые соответствия разных славянских языков позволяют установить исходное состояние звука. Так, изменения, которые претерпел звук, обозначаемый буквой ять, позволяют определить его природу как дифтонга: рус. лес, укр. ліс, белорус. лес, в восточнослав. - *liesь.

В результате общего происхождения в славянских языках имеются также одинаковые чередования звуков. Например, чередуются [к] и [ч], а также [к] и [ц], [г] - [ж], [г] - [з].

Ср.:

рус. И. ед. ч. рука - ручка;

болг. И. ед. ч. ръка - ръчка;

сербох. И. ед. ч. рука - ручица;

чеш. И. ед. ч. ruka - ručka;

польск. И. ед. ч. ręka-rączka

белорус. рука - Д. - П. ед. ч. руцэ;

Особенно важны соответствия на месте носовых гласных, редуцированных ъ и ь, сочетаний гласных с плавными, а также соотношения согласных по твердости и мягкости.

Большие изменения произошли в ударении. В праславянском языке предполагается наличие экспираторного подвижного и разноместного ударения (expirare - выдыхать). Это качество ударения сохранили восточнославянские языки и южнославянские, кроме македонского. В македонском языке возникло закрепленное ударение, которое фиксируется на втором слоге с конца в двусложных словах и на третьем слоге с конца в многосложных словах: вода, водáрина (плата за воду)

Неподвижное одноместное ударение характерно для западнославянских языков. В польском ударение закрепилось на втором с конца слоге, в чешском, словацком, верхне- и нижнелужицких языках - на первом слоге с начала слова.

Помимо экспираторного ударения наблюдались интонации, то есть повышение и понижение тона на всех слогах слова. Интонации сохраняют сербохорватский и словенский языки.

Лекция 2. Индоевропейский и праславянский языки

План

1. Славянские языки в кругу родственных индоевропейских языков. Индоевропейский праязык.
2. Балто-славянское единство.
3. Праславянский язык. Периодизация истории праславянского языка.
4. Вопрос о древнейшей территории праславянского языка
5. Славянские этнонимы

1. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Славянские языки относятся к наиболее распространенной в мире семье языков - индоевропейской, которая включает в себя около 130 языков, являющихся основными почти для 150 народов, живущих во всех частях света. На индоевропейских языках говорит почти половина человечества, в том числе около 90% населения России.

Индоевропейские языки в настоящее время представлены на обширной территории не только Европы и Азии, но и Африки, Америки и Австралии. Еще в античный период и-е языки были известны в северной Африке. Теперь они распространены на всей ее территории. Эта значительная территория и-е языков - результат экспансии. Так в Америке до конца 15 в. и-е языки не были известны. Языки коренного населения Америки принадлежат к языкам иной структуры.

Можно привести много примеров, когда язык распространенный первоначально на небольшой территории, затем становится мировым языком, на основе которого может развиваться новая группа родственных языков. Классический пример в этом отношении дает латинский язык. Первоначально он был одним из италийских диалектов, на нем говорили жители Лациума. Впоследствии с связи с судьбами Римской империи латинский ассимилировал многие языки Европы. На основе народной латыни в различных областях Европы возникла новая группа родственных языков, известная под названием романская.

Общепринятой классификации и-е языков не существует. Некоторые языковеды классифицируют их по территориальному признаку. Выделяют северной-е группу, центральной-е группу и южной-ейскую группу.

Долгое время господствовала классификация и-е языков на языки западной группы кентум и языки восточной группы сатем. В основе этой классификации лежал фонетический признак: судьба и-е палатальных согласных k' и g' . В языках кентум эти согласные сохранились как задненебные (велярные), в языках сатем они изменились в свистящие и шипящие.

В настоящее время этой классификации не придается большого значения. Дело в том, что "восточные" тохарские языки принадлежат по

этому признаку к западной группе. К этой же группе относится и хеттский клинописный, тогда как хеттский иероглифический принадлежит к группе языков сатем.

В настоящее время и-е языки подразделяют на группы. Кроме славянских, к и-е семье относятся следующие группы языков.

Балтийская: литовский, латышский, латгальский (в восточной части Латвии). К этой же группе принадлежал и прусский язык, который был вытеснен немецким в XVII в. (от него сохранилось название территории - Пруссия).

Германская: английский, немецкий, голландский, фламандский (на территории Бельгии), шведский, норвежский, датский, исландский. К этой же группе принадлежал и исчезнувший, но сохранившийся в письменности готский язык, играющий важную роль в сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков, поскольку письменность на нем более древняя, чем на других германских языках.

Романская: французский, провансальский, итальянский, испанский, каталанский, галисийский (два последних - на территории Испании), португальский, сардинский, рето-романский (в Швейцарии), румынский, молдавский. Романские языки образовались в результате дальнейшего развития и разделения латинского языка в условиях различных покоренных Римом стран. Латинский язык вместе с оскским, умбрским и фалиским составлял италийскую группу языков.

Кельтская: ирландский, шотландский, бретонский (на северо-западе Франции), уэльсский, иди валлийский (на юго-западе Англии), мэнский (на острове Мэн). К кельтской группе принадлежали также диалекты галльских племен, которые проживали на территории современной Франции и после завоевания их римлянами перешли постепенно на латинский язык (в его разговорном виде).

Греческий язык - древнейший литературный язык в Европе, сыгравший большую роль в сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков.

Индийская группа: хинди (современный литературный язык значительной части Индии), урду (литературный язык Пакистана), бенгали, синдхи, панджаби, раджастани, орья, маратхи и др. Древний литературный язык санскрит до сих пор широко изучается в Индии и дает очень обширный материал для сравнительного индоевропейского языкознания.

Иранская группа: персидский, таджикский, курдский, белуджский, пушту (в Афганистане), пахто (также), осетинский, татский и др. К этой группе принадлежит и древний письменный авестийский язык, имеющий большое значение в сравнительном языкознании.

К индоевропейской семье принадлежат также языки армянский и албанский.

До нашей эры существовала еще хетто-лувийская группа индоевропейских языков, в которую входили языки хеттский, лувийский, палайский и более поздние (образовавшиеся на их основе) ликийский и

лидийский. Хеттский язык был господствующим языком в хеттском государстве, существовавшем в Малой Азии во втором тысячелетии до н.э. Он сохранился в многочисленных письменных памятниках, выполненных клинописью. Это самый древний из известных индоевропейских языков, вследствие чего он имеет важное значение для их сравнительно-исторического изучения вместе с лувийским и палайским языками.

В первом тысячелетии до н.э. существовала тохарская группа языков, состоявшая из восточно-тохарского и западно-тохарского, сохранившихся в письменности.

Славянская группа по числу говорящих на ее языках занимает в индоевропейской семье четвертое место (после индийской, германской и романской).

Индоевропейские языки имеют много общих черт в своем строе, корнях и грамматических формах слов такого рода, что они не могут быть результатом заимствования из одних языков в другие, а их возникновение объясняется общим происхождением языков. Такие языки, имеющие общее происхождение, называются родственными. Сравнительно-исторический метод исследования этих языков, дающий возможность путем сравнения отдельных соответствующих друг другу элементов в разных языках устанавливать их родство и восстанавливать, достоверно или предположительно, элементы общего языка, из которого они образовались. Между звуками разных языков, имеющими общее происхождение, всегда сохраняется определенное соответствие, которое (наряду с соответствиями значений слов и их частей) и выявляется с помощью сравнительно-исторического метода. Так восстанавливается (отчасти - достоверно, отчасти - предположительно) вся система общего языка, из которого развились родственные языки. Общий язык, к которому восходят индоевропейские языки, принято называть праиндоевропейским (или общеиндоевропейским). Восстановленные элементы этого языка принято обозначать латинскими буквами под звездочкой.

По предположениям ученых, праиндоевропейский язык мог существовать за три-четыре тысячелетия до нашей эры. Относительно территории его распространения существуют различные мнения. До сих пор среди ученых нет единства взглядов по вопросу о территории и-е праязыка. Высказывались разные и даже крайние точки зрения. В настоящее время большинство специалистов (филологов и археологов) склонны искать эту территорию в Европе (средней, восточной, юго-восточной). Нет сомнений, что в западной и юго-западной Европе и-е языки появились позже. Исключают ученые из древнего и-е ареала и Скандинавию.

Область, где происходило образование и развитие индоевропейских племен и откуда они впоследствии расселялись, первоначально представляла не такую большую, как сейчас, территорию). Население объединялось в племена, жившие довольно далеко друг от друга, так как в эпоху родового строя способ производства у охотничьих и пастушеских племен требовал обширного пространства земли, с увеличением численности людей площадь

производства сокращалась и избыточное население вынуждено было покидать родные места. Племенные диалекты в процессе расселения племен все больше расходились и превращались в отдельные языки. Так из одного праязыка с течением времени образовывалось несколько родственных языков. Различие между ними усугублялось тем, что в процессе переселения могли иметь место разного рода перегруппировки племен, в непосредственном контакте могли оказаться племена, находившиеся между собой в сравнительно более отдаленных степенях родства, и даже неродственные. В связи с переходом целых групп племен в различные отдаленные от первоначальных центров расселения области Европы и Азии появлялись и возможности для взаимодействия с иноязычной этнической средой. В эту эпоху некоторые индоевропейские языки исчезли бесследно, постепенно растворившись в языках уже сложившихся народностей древнего мира (например, хеттский язык). В других случаях отдельные группы индоевропейских языков сохранялись, продолжали далее развиваться, но на них оказывали влияние языки народов, которые смешивались с индоевропейцами (например, на некоторые языки индийской группы на северо-западе Индии влияли дравидские языки).

Праиндоевропейский язык, как и всякий другой, состоял из различных диалектов. Дальнейшее разделение диалектов и превращение их в отдельные языки происходило в результате расселения индоевропейских племен в разные места и утраты контактов между ними. Этот процесс не был одновременным. Раньше других обособился хетто-лувийский диалект, как видно из того, что в нем наряду с новообразованиями сохранились такие архаические черты праиндоевропейского, какие во всех остальных индоевропейских языках исчезли. Позже отделялись и становились отдельными языками такие диалекты, как индо-иранский, армянский, греческий, итальянский, кельтский, германский, славянский, балтийский и др. Индо-иранский впоследствии разделился на индийский и иранский. Славянский и балтийский после отделения от праиндоевропейского еще длительное время находились в тесном контакте. В дальнейшем эти языки разделялись и образовывались целые языковые группы, разделение которых в свою очередь тоже происходило неодновременно. Итальянский, кельтский, германский разделились на группы задолго до нашей эры. В то же время распался, по некоторым данным, и балтийский язык. Славянский стал разделяться начиная с VII в. н.э. В течение первого тысячелетия н.э. происходило разделение латинского языка и образование романской группы языков.

Процесс распада и-е праязыка был длительным и сложным. Он шел в связи с расселением людей в послеледниковый период, которое стало особенно интенсивным после 6 тысячелетия до н.э.. Новейшие исследования в области и-е языкознания свидетельствуют, что в середине 2 тысячелетия до н.э. уже существовали различные и сравнительно далекие друг от друга индоевропейские языки, т.е. единого и-е праязыка уже не существовало. Это подтверждают и древнейшие памятники и-е письменности. В частности,

клинописные документы, написанные на хеттском языке в 18 в. до н.э. и расшифрованные чешским ученым Б.Грозным. (Хеттское государство существовало в Малой Азии в 19-12 вв. до н.э.). Следовательно, уже во 2 тысячелетии до н.э. функционировал достаточно развитый хеттский язык, для образования которого понадобился длительный срок. Для 1 тысячелетия до н.э. мы имеем богатую греческую культуру, свидетельствующую о длительном ее образовании.

Время существования и-е общности дает возможность определить и общая и-е лексика. В период развития скотоводства и охоты и-е-цы жили еще сообща, так как сохранилось значительное количество слов, общих для и-е языков, обозначающих животных и зверей: овца, бык, корова, гусь, утка, волк, олень, бобр.

слав. овыца; санскрит *avih* (*avis*); лат. *ovis*; греч. *οις*, лит. *avis*.

Видимо, скотоводство и охота в конечном счете и способствовали расселению и-е-цев. Иначе обстоит дело с земледелием. Большая часть земледельческих терминов знакома только европейской части и-е языка и представляет собой пеструю картину. Очевидно расселение и-е-цев произошло тогда, когда земледелие еще не было развито.

Расселение из “индоевропейской прародины” приводило не только к распаду языков на отдельные диалекты, но и к концентрации отдельных диалектов. В результате такой концентрации возникал единый диалект, который позже мог дать начало новой группе родственных диалектов. Праязыки не только распадались, но и формировались.

Кроме того, нужно всегда допускать возможность длительного контакта между праязыками или их отдельными диалектами в определенный исторический период. Это могло привести к формированию некоторых общих особенностей не только в период контакта, но и позже, когда контакта уже не существовало.

2. Балто-славянское единство

Среди и-е языков славянские языки наиболее близки балтийским, носители которых в прошлом занимали обширные пространства Восточной Европы.

Особое сходство между славянскими и балтийскими языками было замечено уже давно. Шведский ученый К.-О. Фальк подсчитал, что количество общих слов в славянских и балтийских языках достигает 1600, среди них 300 исключительно балтийских и славянских. Сначала ученые объясняли эти связи между славянскими и балтийскими языками происхождением их от единого балто-славянского праязыка, представлявшего, по их мнению, в рамках индоевропейского праязыка отдельный диалект. Эту гипотезу поддерживали такие ученые, как А.Шлейхер, К.Бругман, А.А.Шахматов, В.К.Поржезинский, Т.Лер-Сплавинский, Е.Курилович, Я.Отрембский.

Согласно этой гипотезе из и-е праязыка сначала выделился балто-славянский праязык, который уже позже распался на праславянский и прабалтийский языки. Эту теорию признают и некоторые современные ученые, например болгарский академик Владимир Георгиев, но против нее выдвигаются и возражения. Главным из них является то, что балто-славянский праязык не удастся восстановить. Теперь особую близость славянских и балтийских языков обычно объясняют длительным контактом древних славян и балтов, который начался значительно позже распада и-е языковой общности. По некоторым косвенным данным можно предполагать, что балто-славянский контакт наступил в середине 2-го тысячелетия до н.э. и завершился в середине 1-го тысячелетия до н.э. (до начала первых славяно-иранских контактов). Позже вновь отдельные славянские и балтийские языки оказывали различные взаимные влияния, но все это носило уже локальный характер.

Вопрос балто-славянских отношений уже больше 100 лет волнует ученых. Долгий и в наши дни еще не оконченный спор по вопросу о балто-славянской общности проходил в языкознании через различные фазы. В 19 в. теория балто-славянского праязыка поддерживалась Шлейхером и Бругманом.

1. Известный немецкий языковед Карл Бругман, один из крупнейших представителей сравнительной грамматики индоевропейских языков конца 19 - начала 20 века, выдвинул положение, впервые обосновывая его доказательствами, что языковые предки балтов и славян после распада индоевропейского единства пережили эпоху совместного развития. Следовательно, с исторической точки зрения нельзя считать, что балтийские и славянские языки непосредственно продолжают два отдельных праиндоевропейских диалекта; они, как таковые, продолжают их только опосредствованно, т.к. прошли через балто-славянский праязык.

Бругман обосновывал эту теорию следующими восемью положениями, которые по мнению Бругмана, являются главными чертами балто-славянской общности:

1. И-е слоговой [r] в праславянском и прабалтийском утратил слоговость и изменился в [ir], [ur].

2. Упростились двойные согласные.

3. Причастия на -nt из основ на согласный перешли в склонение основ на -jo (м. и ср. р.)

4. Путем слияния именных прилагательных и указательных местоимений возникли новые местоименные прилагательные, которые в праславянском и прабалтийском выполняли одинаковую функцию.

5. Многие имена с основой на согласный перешли в склонение на -i.

6. Старые и-е местоименные основы на so заменены основами на to.

7. В прабалтийском и праславянском языках формах дат ед. личного местоимения 1 л. образована от основы род. п. ед. ч. (я, мне, меня).

8. Старая падежная форма род. ед. в о-основах заменена и-е формой аблатива.

Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1902-1904

То же по Бошковичу:

1) изменение праиндоевропейских *r, l, n, m* (слоговых) в сочетания *ur, ir, ul, il, un, in, um, im* (эти сочетания сохранились в балтийских языках, в то время как в славянских языках они подверглись дальнейшей эволюции);

2) упрощение геминат, т.е. двойных согласных, например, типа *ss*, независимо от того, находились ли они после кратких или после долгих гласных;

3) возникновение так называемых местоименных форм прилагательных в результате слияния именных форм прилагательных и анафорического местоимения *io*.

4) переход причастий на -nt в большинстве падежных форм в склонение основ на -io (муж. и ср. р.);

5) переход имен с основой на согласный в склонение основ на -i в мест. п. мн. ч. и в формах, где падежные флексии начинались с согласного/и;

6) наличие лит. *tas, ta*, ст.-сл. *ть, та* вместо праиндоевропейских местоименных форм **so(s), *sä*.

7) образование формы дат. п., ед. ч. местоимения 1 л.: лит. *máneĩ*, прус. *тепнеĩ*, ст.-сл. *тьнѣ* от основы род. п.: лит. *manė*, ст.-сл. *мене*.

8) замена старой формы род. п. ед. ч. в о-основах индоевропейской формой аблатива.

II. Точка зрения Бругмана, хотя и довольно поздно, встретила в науке возражение. В двадцатых годах нашего века французский лингвист Антуан Мейе был первым, поставившим под сомнение балто-славянскую общность.

В своей книге "Индоевропейские диалекты" Мейе подверг критическому анализу и переоценке все черты, указанные Бругманом в качестве балто-славянских. К каким выводам он пришел? По мнению Мейе, ни одна из указанных Бругманом черт не может быть принята как черта, характеризующая только балто-славянскую общность, т.к.:

1) одни черты являются лишь обычным продолжением праиндоевропейских черт, например, рефлексы праиндоевропейских *g*, *l*, *m*, *n* (слоговых), упрощение геминат;

2) другие черты кажутся общими и одинаковыми только на первый взгляд: род. п. у о-основ (ср, др.-прус *deiwas*: праслав. **vьlka*), дат. п. личного местоимения (ср. лит. *mánei*, др.-прус. *mennei*, которые не идентичны со ст.-сл. *тънѣ*);

3) третьи черты встречаются и в других индоевропейских языках: склонение местоименных прилагательных, **tos*, **ta* в соответствии с праиндоевропейскими **so*, **sā*, а также все остальные черты, указанные Бругманом.

На этом основании Мейе сделал совершенно логичные выводы: 1) балто-славянская общность никогда не существовала ни как общность, ни как балто-славянский праязык; 2) обе группы, балтийская и славянская, развились из одного и того же источника - из индоевропейского праязыка. Развитие шло без каких-либо структурно-грамматических потрясений и системных отклонений; оно было параллельным и контактным (соседствующим) и протекало в сходных жизненных и культурно-исторических условиях — отсюда большее сходство балтийских и славянских языков друг с другом, чем с другими индоевропейскими языками. Мейе, в частности, писал, что балто-славянского праязыка не было, а многочисленные черты сходства между славянскими и балтийскими языками "вызваны не столько поздним отделением этих языков, сколько параллелизмом их дальнейшего развития".

В адрес Мейе можно сделать — и это делают некоторые исследователи - один довольно серьезный упрек: он принял во внимание, с небольшим добавлением, только те черты, на которые указал Бругман. Однако таких черт гораздо больше, как это мы увидим позднее.

Мнение А.Мейе, хотя полностью было мало кем воспринято, оказало влияние на лингвистику. Оживились дискуссии по этому вопросу.

III. Книга Мейе "Индоевропейские диалекты" вызвала почти одновременно два отклика: статью польского лингвиста В.Поржезинского "Балто-славянская языковая общность" и книгу латышского лингвиста И.Эндзелена "Славянско-балтийские этюды" (1911).

Оба этих ученых признают и доказывают наличие балто-славянской общности. Только каждый делает это по-своему. Поржезинский не высказывает никакого сомнения в наличии балто-славянской общности и придерживается точки зрения, которая была принята еще до Мейе. Эндзелин же внес известную модификацию в прежнюю точку зрения, он высказал мнение, существенно отличавшееся как от теории балто-славянского праязыка, так и от теории параллельного и независимого развития балтийских и славянских языков. Хотя Эндзелин был сторонником теории балто-славянского праязыка, но сам материал исследования в конце концов привел его к выводу, противоположному взглядам Бругмана и его последователей.

Вот как выглядят реконструируемые Эндзелином первичные балто-славянские языковые отношения. По его мнению, славянский и балтийский

диалекты различались кое в чем еще в индоевропейском праязыке. В эпоху индоевропейского праязыка славяне находились между балтами и арийцами. После выделения арийцев славяне сблизились с балтами и пережили вместе с ними эпоху совместного развития. Следовательно, можно - и нужно - говорить о балто-славянской эпохе, но нельзя говорить о балто-славянском праязыке, ибо он никогда не существовал. Эндзелин писал: "Говорить о славяно-балтийском праязыке нельзя. Можно и нужно говорить о периоде длительной совместной жизни славянских и балтийских племен, в результате чего праславянский и прабалтийский языки пережили много общих процессов, многое заимствовали друг у друга. Можно, значит, на мой взгляд, говорить о "славяно-балтийской эпохе"; термином же славяно-балтийский праязык лучше будет не пользоваться, так как это выражение легко порождает мысль о полном единстве в лингвистическом отношении" (с.201).

Бесспорной заслугой Поржезинского и особенно Эндзелина является то, что они открыли и указали те особенности, на основе которых можно вести разговор о балто-славянской общности. Вот некоторые из этих особенностей, именно те, которые являются наименее спорными и которые дополняют черты, указанные Бругманом:

1) возникновение *ch* (слав.) и *š* (лит.) из индоевропейского *s* в определенных фонетических условиях (указанные звуки не являются вполне идентичными в обеих языковых группах);

2) сходное развитие тавтосиллабического и гетеросиллабического *eu*;

3) закон де Соссюра - Фортунатова;

4) наличие непридыхательных звонких взрывных согласных вместо соответствующих индоевропейских придыхательных: *bh, dh > b, d* и т.д.;

5) утрата начального согласного *v* в позиции перед *r* и *l*;

6) наличие согласного *n* вместо *m* в конце слова;

7) утрата согласного *d* в позиции перед *m, v*;

8) утрата согласного *v* после губных;

9) наличие окончания *-tus* (лит.) и *тъ* (слав.) в дат. п. Мн. ч. именного склонения;

10) широкое употребление так называемого твор. предикативного;

11) употребление род. п. при отрицании.

Эндзелин И.М. Славяно-балтийские этюды.

IV. Остроумно и со свойственной ему деликатностью подошел к вопросу о балто-славянской общности польский лингвист Я. Розвадовский (1921?). Он сначала в общих чертах оценил положительную сторону взглядов Мейе и приводимых им аргументов. Затем он детально рассмотрел и дал оценку всем положениям, указанным Эндзелином и Поржезинским. И только после подробных объяснений он счел возможным высказать свою точку зрения по вопросу балто-славянских языковых и племенных отношений. Его взгляды сводятся к следующему.

1) Балто-славянская праобщность является несомненным фактом настолько же, насколько достоверен каждый лингвистический факт.

2) Эта праобщность сохранялась еще в третьем тысячелетии до нашей эры.

3) Ее уже не было во втором и первом тысячелетии до нашей эры: в ту эпоху балты и славяне были отделены друг от друга, поэтому и их языки развивались уже самостоятельно, независимо друг от друга.

4) Где-то в начале нашей эры славяне и балты снова сблизились, стали соседями, что продолжается до наших дней.

V. В настоящее время делаются попытки вновь пересмотреть вопрос о балто-славянской общности. Появляются прежде всего приверженцы теории Мейе. Например, против балто-славянской общности выступают: английский лингвист К.Метьюс, итальянский компаративист Дж.Бонфанте, немецкий балтист А.Зенн. Последний просто исходит из априорного предположения, что во время "так называемой" балто-славянской общности балты и славяне были разделены непроходимыми озерами и болотами.

Андре Вайан верит в существование балто-славянской общности. Он недвусмысленно говорит, что такое множество общих черт, и при этом черт поразительных, таких как, например, формирование склонения местоименных прилагательных, делает очевидным существование балто-славянского единства, которое - после распада индоевропейского единства - сохранялось почти до недавнего времени. Речь идет не о факте отдаленного прошлого, вроде определяемого сравнительной грамматикой единства итало-кельтского, но о факте почти сравнимом с германским единством: в настоящее время балтийские языки не отличаются от славянских более, чем шведский язык от немецкого.[91, 1, 14],

VI. Радослав Бошкович полагает, что существовала эпоха балто-славянского единства. Но она не была длительной. Точнее: она продолжалась столько, сколько было необходимо, чтобы развитие склонения в обеих языковых группах пошло в одном и том же направлении. Отсюда поразительное сходство между балтийским и славянским склонением. Но она не была настолько длительной, чтобы развитие спряжения в обеих группах также пошло в одном и том же направлении. Именно с этим связаны сильные различия в балтийском и славянском спряжениях.

VII. Теорию балто-славянской общности поддержал, теоретически обосновал и развил дальше проф. С.Б. Бернштейн. В современном языкознании эта теория получила широкое распространение. Бернштейн доказал, что теория балто-славянского праязыка не имеет достаточных оснований для существования. Потому что:

1. Многие древнейшие процессы в славянских и балтийских языках имели разную судьбу. В этом отношении весьма показательна история долгих и кратких [o], [a].

2. Многие важнейшие процессы праславянского языка, имевшие место в наиболее древние периоды его существования, не были известны прабалтийскому языку совсем или были отражены слабо в отдельных его диалектах. В этом отношении показательна судьба [s] в этих языках. Как известно, в праславянском [s] изменилось в [x] в определенных фонетических условиях после [i] краткого, [i] долгого, [u] краткого, [u] долгого, сонантов [i], [u], [r], согласного [k] в положении перед гласными.

В балтийских же языках [s] сохранялся после гласных [i] и [u]. А после [r] и [k] звук s изменялся в [s], а затем в ряде диалектов новый [s] вновь изменился в [s].

3. В прошлом вся система доказательств сторонников теории балто-славянского праязыка строилась на сопоставлении фактов праславянского и литовского. Однако ученые переоценили древность литовского языка и его факты просто переносили в прабалтийскую эпоху. А между тем прабалтийский язык еще в очень глубокой древности распался на два основных праязыка. К одному из них восходят языки литовский и латышский, к другому - древнепрусский. Создатели этой теории не учитывали древней балтийской дихотомии и произвольно сравнивали факты праславянского языка с отдельными балтийскими языками (обычно с литовским). Преимущественное сравнение с литовским вызывает тем большие возражения, что праславянские племена находились в тесном общении прежде всего с прусскими и ятвяжскими племенами, а не с литовскими. Литовский язык сблизился тесно с некоторыми славянскими языками в более позднее время.

Таким образом, история праславянского языка свидетельствует, что в период тесного контакта славянских и балтийских племен единого балтийского праязыка собственно уже не было. Поэтому не случайно важнейшие новообразования этой эпохи по-разному связывают праславянский язык с отдельными балтийскими языками. При наличии единого балто-славянского праязыка отношения между славянскими и балтийскими языками должны были бы сложиться иначе.

Балтийские языки, (лит. *báltas* "белый")- Известны три балтийских языка: литовский, латышский и — вымерший в XVII веке — прусский или древнепрусский язык. Эти языки сильно различаются между собой, т.е., во-первых, наблюдается отличие литовского и латышского языков от древнепрусского языка, во-вторых, литовский и латышский языки не находятся на одной и той же ступени исторического развития: первый довольно консервативен, хорошо сохраняет индоевропейское состояние; второй же, наоборот, сильно эволюционировал, т.е. удалился от индоевропейского состояния как в отношении звуковой системы, так и в отношении форм. Оба этих языка — и литовский, и латышский - существуют в качестве литературных языков. Литовский литературный язык возник на основе литовских говоров Восточной Пруссии, латышский же - на основе среднелатышских диалектов.

Памятники письменности балтийских языков довольно поздние, Наиболее древние литовские и латышские памятники относятся только к XVI веку (лит. катехизис 1547 г., латышский катехизис 1586 г.), а наиболее старый древнепрусский памятник восходит к XV в. (очень плохой немецко-прусский словарь); к XVI веку относятся также два древнепрусских катехизиса, один - к 1545 г., другой - к 1561 г.

4. Сторонники теории балто-славянского праязыка пытались решить проблемы реконструкции этого праязыка. Без этого их теория не имела бы почвы. Однако реконструкция прабалтийского языка в значительной своей части является неразрешимой. Многие балтийские языки исчезли бесследно. Сохранившиеся же не дают возможности во многих случаях восстановить явления прабалтийского языка.

5. Теория балто-славянского праязыка не подтверждается данными археологической науки. Археологи выступают против теории балто-славянского праязыка, потому что она предполагает наличие в прошлом единого балто-славянского племени.

Сторонники теории балто-славянского праязыка часто указывают на глубокие лексические связи между славянскими и балтийскими языками. Действительно, после распада индоевропейской праязыковой общности славянам приходилось вступать в сношения с различными племенами, что подтверждается историческим анализом славянской лексики. С древними балтами (пруссам и ятвягами) контакт был особенно продолжительным и тесным. В результате этого в праславянский язык проникло большое число балтийских слов. Приведем примеры балтизмов в праславянском языке: деготь - оно есть в восточно- и западнославянских языках, но отсутствует в южнославянских. Это слово сравнивается как родственное с лит. *degutas* деготь; лат. *deguts*, которое происходит от лит. *degti* гореть; лат. *degt*. Праславянское слово **degъть* лишено древних словообразовательных связей, носит изолированный характер, в балтийских же языках виден глагольный источник, от которого в литовском языке есть много образований.

Из этого следует вывод, что заимствование шло именно из балтийских языков.

Балтийским заимствованием является слово *рука*, прасл. **roka*, в лит. - *ranka* (происходит от глагола *rinkti*, который значит собирать, подбирать). В балтийских языках слово *ranka* первоначально означало горсть.

Следует, однако указать на то, что очень трудно для древнего периода отделить исконное и заимствованное в этих языках. Нет сомнения, что славяне многое заимствовали у балтов, последние в свою очередь много слов взяли у славян.

В целом можно сделать следующий вывод. Сходство между балтийскими и славянскими языками объясняется длительным контактом балтийских и славянских племен, который привел к формированию балто-славянской общности.

В результате каких-то исторических событий произошел распад балто-славянской общности. Это имело место еще в тот период, когда внутри праславянского языка не обнаружилось каких-либо существенных диалектных различий. Что касается прабалтийского, то распадение его на две группы диалектов наметилось очень рано. Это объясняет, почему уже многие самые древние балто-славянские явления не охватывают всех балтийских языков.

Факты балтийских языков чрезвычайно важны для изучения истории праславянского языка. Но это совершенно не связано с признанием теории балто-славянского праязыка. Значение данных балтийских языков для слависта определяется необыкновенной архаичностью этих языков.

О месте и времени балто-славянской общности пока можно только предполагать.

Славяне имели связи и с другими индоевропейцами. Контакты с иранцами у славян были слабее, чем с балтами, но и они оставили следы в праславянском языке. Иранские заимствования относятся к религиозно-культурной и военной лексике. Например: рай заимствовано из древнеиранского, авест. *gau* - состояние, сокровище, богатство, родственное лат. *res* - дело, имущество, др. инд. *ratī* - дает, дарует. Бог (прасл. **bogъ*) имеет родственные параллели в др. инд. *bhagas* - одаряющий, господин, др. перс. *bagā*, авест. *bagā*, господь, бог. Топор происходит от др. ир. *tara* - топор, перс. *tabrak*, нов. перс. *teber*, курд. *tefer*.

Славяно-германские связи также были довольно активными. Из прагерманского в праславянский заимствовано слово князь: прасл. **kunedzъ* из прагерм. **kuningas*, производного от **kunja* - род; хлеб из прагерм. **hleiba*, гот. *hlaifs*, у славян ассоциировалось с хлебом из кислого теста, хотя первоначально германское слово обозначало лишь формованный хлеб.

В значении “хлеб”, “круглый каравай” славяне, по мнению Ю.В.Откупщикова, знали и слово каравай (др. рус. коровай), которое восходит к общеславянскому корню **kor* - “резать”, каравай буквально имеет значение “резень, отрезанный (ломоть), кусок (хлеба)” которое приобрело более общее значение “хлеб”.

хлев из прагерм. **hlaiwa*, гот. *hlaiw* - могила, пещера; блюдо из готского *biups* - блюдо, меч (прасл. **mesъ*, **mysъ*) из готского *mekeis*; хижина из прагерм. **hus* - дом; шелом (прасл. *selmъ*) из прагерм. **helmas*.

3. Праславянский язык

По мере углубления в историю славянских языков сравнительное исследование вскрывает все большую их близость, уходящую в единый язык славянских племен далекого прошлого. Этот язык, из которого вышли все существующие славянские языки, принято называть **праславянским**. На основании тщательного сравнения современных и древних славянских языков между собой и с родственными индоевропейскими, подмечая в славянских языках общие черты, наблюдая, как они развиваются, ученые теоретически восстановили этот язык - предок всех славянских языков (праязык).

Все эти заключения получены сравнительно-историческим методом, который позволил ученым установить историю развития славянских языков, фонетические, грамматические и лексические черты предка славянских языков - праславянского, или, как еще его иногда называют,

общеславянского языка, и дальнейшее развитие отдельных славянских языков.

Термин праславянский имеет существенное преимущество, так как он определяет генетические отношения: праславянский язык - родоначальник современных славянских языков. Термин общеславянский язык лишен этого преимущества. К тому же при пользовании термином общеславянский язык или даже общеславянский праязык затруднительно использовать термин общеславянские процессы. Последний термин используется для разграничения праславянских процессов (процессы, происходившие в праславянскую эпоху) и общеславянских процессов (общие процессы, происходившие в отдельных славянских языках после распада праславянского языка). А такое разграничение имеет принципиальный характер.

О периодах развития праславянского языка существуют различные точки зрения.

Трубецкой устанавливает три этапа в праславянском языке:

1) Протославянский. В это период праславянский язык еще является диалектом и-е праязыка. Он тесно связан с соседними диалектами, с которыми переживает много общего.

2) Ранний период самостоятельного развития праславянского языка. В этот период отсутствует диалектное членение.

3) Период диалектной дифференциации праславянского языка. Здесь нужно различать 2 эпохи: раннюю, когда диалектные особенности выявлены еще очень слабо, превалирует общее, и позднюю, когда сильное развитие получают праславянские диалекты.

Существенным недостатком этой периодизации является ее абстрактность, она не опирается на конкретные языковые факты.

Ф.П. Филин считал, что праславянский язык прошел три этапа развития.

1. Ранний этап, который длился от времени образования праславянского языка (к.4-начала 3 тысячелетия) до 1 в. н.э.

В этот период формировалась общеславянская звуковая система. Важнейшими процессами в развитии этой системы являются изменения в лабиализации гласных; изменения а и о кратких и а и о долгих, возникновение редуцированных гласных и др. Остановимся коротко на этих процессах. Для и-е языка были характерны долгие и краткие гласные а-а, о-о, е-е, і-і, у-у. Славянские языки получили от и-е языка гласные а-а и о-о. На славянской почве происходило их изменение, и на месте четырех возникли два гласных, которые стали различаться качеством и количеством. Долгие о и а дали гласный долгий а в результате ослабления лабиализации долгого о. С другой стороны, а ио дали о в результате лабиализации а.

Это привело к тому, что в тех языках, где сохранилась старая система (латинский, греческий и др.), в соответствии со славянским а могли быть о и а. Например, славянскому слову даръ соответствует латинское donum, где

наблюдалось о долгое; славянскому слову матери (русс. мать) - латинское *mater*, славянскому овца - лат *ovis*; славянскому ось - лат *axis*.

В этот же период изменяются гласные *u*-*u*, утрачивая лабиализацию или ослабляя ее. В результате *u* долгое изменилось в гласный *y* (ы). Отсюда соответствие *u* долгого гласному *ы*: латинское *tu* соответствует славянскому *ты*. В звуке *u* краткое ослабилась лабиализация, и он получил редукцию. Для праславянского языка его стали обозначать буквой *ъ*. Звук *i* долгий сохранил свое качество и количество, а *i* краткий также получил редукцию и обозначается для праславянского языка буквой *ь*.

Отсюда возникли соответствия: лат. *muscus* - слав. *мъхъ*; лат. *ovis* - слав. овца.

Из согласных следует отметить изменение *s*-*ch* (с-х). Таким образом возник звук *x* в славянских языках. Отсюда соответствия лит. *blusa* - слав. бльха, *k-s*: греч. *ἔκαστον*- слав. съто.

Указанные соответствия играют большую роль при сравнении родственных языков. Таковы наиболее характерные изменения на первом этапе.

2. Средний этап длился с конца 1 в. до н.э. до 3-5 вв. н.э. В этот период происходят важные изменения в системе праславянского языка: появление шипящих звуков, носовых гласных *o* и *e*, утрата дифтонгов и др. Например лит. *keture* - слав. четыре.

Одним из важнейших процессов было действие закона открытого слога, согласно которому слог перестал оканчиваться обязательно на согласный звук, что и вызвало различные изменения звуков. Например звук мог отпадать в конце слога: **slovos* - *slovo* (слово), **sadlo* - *salo* (сало). Это очень важный этап в развитии славянских языков.

3. Поздний этап проходил с 3 по 5 в. н.э. до распада праславянского языка. В этот период наметились некоторые особенности славянских языков и началось диалектное членение праславянского языка. К 7 в. сложились уже предпосылки для образования трех славянских языковых групп в результате диалектного членения праславянского языка - восточносл., западносл. и южнославянской.

С.Бернштейн считал, что историю праславянского языка можно разделить на две большие эпохи: эпоху до утраты закрытых слогов и эпоху, когда закрытые слоги утратились. В свою очередь, первую эпоху можно разделить на 3 периода: период после распада *i*-*e* языка, период балто-славянской общности и период, продолжавшийся после распада этой общности до эпохи утраты закрытых слогов. В первую эпоху истории праславянского языка этот язык не знал диалектных членений и развивался как единый диалект.

Вторая эпоха подразделяется на два периода. Первый период - период утраты закрытых слогов, период, когда в языке происходили глубокие преобразования. В это время наметились некоторые существенные диалектные различия в праславянском языке, происходили значительные

территориальные перемещения. Второй период - период распада праславянского языка, период формирования языков славянских народностей.

Конечно, все эти периодизации не являются универсальными. Многие важнейшие явления праславянского языка не укладываются в рамки данных периодизаций. Однако для истории праславянской фонетической системы периодизация Бернштейна является наиболее удобной, так как позволяет четко выделить поздний период истории праславянского языка и ранние эпохи истории отдельных славянских языков. Конечно, как всякая периодизация, она является условной.

В частности, сравнительно-историческим методом установлено, что в праславянском языке происходил ряд звуковых изменений, которые привели к тому, что закрытые слоги (т.е. имеющие на конце согласный) стали открытыми (стали оканчиваться гласным). Совокупность этих изменений получила название закон открытого слога. Например, слово *matī в родительном падеже имело форму *materē, в дательном -* materī и т.д. Различие между основой косвенных и именительного падежей возникло в этом слове в результате действия закона открытого слога. Сравнение с другими индоевропейскими языками показывает, что первоначально в именительном падеже это слово имело форму *mater (лат. mater), в которой последний слог был закрытым. Под действием закона открытого слога конечный согласный отпал (а гласный e при этом перешел в i) и слог стал открытым. В косвенных же падежах r не выпало, потому что там все слоги были открытыми. Слово гусли (от слова гудеть) имело форму *gondsli --> *gosli, первый слог был закрытый, и в нем выпал d.

Если же слог заканчивался носовым согласным (n или m), то этот согласный не выпадал, а сливался с предшествующим гласным, в результате чего возникал особый носовой гласный и слог становился открытым. Если перед носовым был гласный непереднего ряда (a, o, u), то в итоге слияния их получалось носовое o[o], которое в старославянской письменности обозначалось буквой ж; если же перед носовым был гласный переднего ряда (i, e), то получалось носовое ę [e], обозначавшееся буквой л. В истории русского языка носовое o перешло в у, носовое e - в а со смягчением предшествующего согласного [я]. Например, праславянское *plemę племя первоначально имело форму *plemen, как видно по косвенным падежам (род. plemene, дат. plemenī и т.д.), но оттого, что конечный слог в нем был закрытый (в именительном падеже), конечное сочетание en изменилось в носовое e и слог открылся. Слово rōka рука первоначально звучало как *rōnka, как видно из сравнения с литовским ganka, но здесь первый слог был закрытый, поэтому согласный n слился с предшествующим гласным и возникло носовое o. Подобные изменения дали в старославянском зать зять (лит. zentas), мати мять (лит. minti, топтать), зжбъ зуб (лит. zambas острый угол, лезвие, zambis соха), джти дуть (лит. dumti) и много других слов с носовыми o (ст. сл. ж) и e (ст. сл. л). Носовые гласные сохранились в

польском языке, в остальных же славянских языках утратились, заменились неносовыми. В результате этих и еще некоторых других изменений в праславянском языке были устранены закрытые слоги и все слоги стали открытыми. Закрытые слоги снова появились в славянских языках значительно позже, в период с IX по XII в., в результате выпадения редуцированных гласных, которые существовали в древности.

4. Вопрос о древнейшей территории праславянского языка

На какой территории сформировалась этническая и языковая индивидуальность славян, Традиционно этот вопрос формулируется так: где находилась прародина славян, По этому вопросу в прошлом велись горячие споры, нет единства во взглядах и сегодня, хотя разногласий теперь меньше. Лишь исторический интерес представляют с настоящее время теории А.А. Шахматова, Я.Розвадовского, многих археологов. В течение длительного времени в славяноведении пользовалась большой популярностью так называемая карпатская теория, согласно которой славянскую прародину нужно искать на Карпатах. Однако теперь у нее мало защитников, особенно среди лингвистов. Дело в том, что анализ древнейшей славянской микротопонимики показал, что праславянский язык формировался не в горных областях. Известный русский славист В.Н.Щепкин писал: “В славянских языках замечательно богатство названий для проточных и стоячих вод, для ключей и колодцев, для озер, болот и топей, для лесов, зарослей и рощ. Напротив того, общие всем славянским названия горных формаций очень редки. Все указывает, что родиной славян была лесистая, богато орошенная равнина, а никак не безлесные степи или долины или склоны гор”.

В настоящее время заслуживают внимания две теории славянской прародины, разногласия между которыми не так уж велики. Это висло-днепровская теория и висло-одерская. Согласно первой гипотезе древнейшая территория славян находилась между средним течением Вислы и средним течением Днепра. Северная граница ее шла по Припяти, к северу от Припяти находилась балтийская территория. Этот взгляд разделяет в настоящее время большинство исследователей праславянского языка. Сторонники второй теории локализуют древнейшую славянскую область к западу от Вислы до Одера.

Много противоречивых теорий славянских прародин принадлежит археологам. Следует, однако, согласиться с выдающимся чешским археологом Л.Нидерле, который писал, что “в представлениях археологов о славянских древностях до 5 в. н.э. царит полная путаница”. Дело в том, что наука не располагает надежными критериями для определения языковой принадлежности носителей различных археологических культур.

В первом тысячелетии нашей эры территория праславянского языка продолжала расширяться. Славяне появились в северных районах Восточной Европы, в центре Западной Европы, на Балканах, в Малой Азии. При колонизации различных новых территорий могла происходить ассимиляция неславянского населения славянами. Это оказало влияние на формирование ряда особенностей славянских языков (цоканье в русском языке под воздействием финно-угорского субстрата и т.д.). В некоторых районах Европы славяне сами ассимилировались и стали субстратом для неславянских языков (в Греции, Малой Азии, Румынии, Германии и др.). Восточные диалекты немецкого языка, где субстратом были славянские языки, содержат немало особенностей славянской речи.

Праславянский язык - общий язык близкородственных древних славянских племен. Как доказывает О.Н. Трубачев, это был многодиалектный язык, представляющий собой сложную совокупность сходных и различных признаков. Распад праславянской языковой общности происходит сравнительно поздно. По данным византийского писателя Прокопия Кесарийского и готского историка Иордана, относящимся к середине шестого века нашей эры, славяне еще занимали тогда сплошную территорию (между Днепром, Карпатами и Дунаем). Предполагается, что они имели в то время общий (праславянский) язык. Затем вскоре славяне начали расселяться по Восточной, Западной Европе и Балканскому полуострову, и весьма вероятно, что в этот период (VII-IX вв.) усилились расхождения между праславянскими диалектами и сложились различные диалектные группировки. Дольше всех сохранилось языковое единство у восточных славян (древнерусский язык). Только с XIV в. началось разделение древнерусского языка на русский, украинский и белорусский.

Значительно раньше (может быть, с VIII или IX в.) разделились западнославянские языки. В этой группе выделяют три самостоятельные подгруппы (лехитская, серболужицкая и чешско-словацкая). Различия между ними, как утверждают ученые, имелись уже в праславянскую эпоху. Каждая из этих подгрупп пережила относительно самостоятельный процесс "кристаллизации". Дальнейшее формирование отдельных западнославянских языков происходило после завершения Великого переселения народов в новые исторические районы (т.е. IV-VII вв.). Славяноведы полагают, что "единого празападнославянского языка сколько-нибудь длительное время не существовало: вскоре после распада праславянского языка сложились отдельные союзы племен-носителей западнославянских наречий, более или менее соответствующие позднейшим отдельным западнославянским языкам". Некоторые ученые считают даже, что "едва ли можно говорить об особой западнославянской диалектной группе... как промежуточном звене между праславянским и более поздними собственно западнославянскими языками".

5. Славянские этнонимы

О славянских племенах и их названиях до середины 1 тысячелетия мы почти ничего не знаем. Правда, некоторые исследователи предполагают, что еще в сочинениях Геродота (5 в.) можно найти сведения о славянских племенах. Речь идет главным образом о неврах, которых Геродот называл соседями скифов. Локализовал он их крайне неопределенно. Кроме Геродота, о неврах сообщали многие древние авторы (до 5-6 в. н. э.). Вполне убедительных данных, подтверждающих, что в неврах следует видеть славян, у нас нет.

От первых веков н. э. идут сведения античных авторов о венетах в районе Прибалтики (Плиний, Тацит, Птоломей). Они сообщают о венетах или венетах (Venedi, Venadi, Veneti, Ουενεδαί), которые, по их сведениям, жили на территории Вислы и Южной Прибалтики.

В 6 в. н.э. появляются два новых этнических названия Σκλαβηνοί и Ἄνται. В Σκλαβηνοί Птолемея (2 в.) нет никаких оснований видеть имя славян. Наиболее подробные сведения об этих племенах находим у византийского историка Прокопия Кесарийского. Эти же два новых этнических имени встречаем у готского историка Иордана, который между прочим отмечал, что в его время употреблялись и другие этнические имена: “Хотя их имена и теперь различаются по родам и по их местоположению, все же в большей своей части они называются склавенами и антами”. Историки считают, что склавены являются предками южных славян, а анты - восточных. До сих пор не установлены этимологии этих двух слов. Существует много гипотез и предположений, но убедительных нет.

Важные сведения о наименованиях различных западнославянских племен можно найти в Хронике Козьмы Пражского, написанной в 12 в. на латинском языке. Ценные сведения о восточнославянских племенах сообщает Константин Багрянородный (10 в.). Он упоминает племена кривичей, дреговичей, северян, древлян, уличей и др. Однако особо ценным источником наших сведений о древних славянских племенах является “Повесть временных лет” (12 в.).

По мнзехъ же временехъ сели суть Словене по Дунаеви, кѣде есть ныне Угърська земля и Българьска. И отъ техъ Словенъ разидошася по земли, и прозъвашася имени своими, кѣде седъше, на которомъ месте. Якоже пришьдъше, седоша на реце именьмъ Морава, и прозъвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се туже Словене: Хървати Белии и Сърбъ и Хорутане. Волохомъ бо нашъдъшемъ на Словены на Дунайскыя, и седъшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словене же ови, прешъдъше, седоша на Висле, и прозъвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозъвашася Поляне; Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовъшане, ини Поморяне. Также и ти Словене, прешъдъше, седоша по Дънепру, и нарекошася Поляне, а друзии Древлане, зане седоша въ лесехъ; а друзии седоша

межю Припетю и Двиною, и нарекошася Дръгъвичи; ини седоша на Двине, и нарекошася Полочане речькы ради, яже вѣтечеть въ Двину, именьмъ Полота, от сея прозвашася Полочане; Словене же прешдѣше съ Дуная, седоша окола езера Илмеря. и прозвашася своимъ именьмъ, и съделаша градъ, и нарекоша Новъгородъ; а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле, и нарекошася Северъ. И тако разидеся Словенскый языкъ; темъ же и грамота прозвася Словенская.

Важные для слависта сведения содержатся в сочинениях Адама Бременского (11 в.) и особенно в знаменитой *Cronica slavorum* пресвитера Гельмольда (12 в.). Кроме указанных источников, имеются еще более поздние, которые дают сведения о ряде древних славянских племен. Однако нет сомнений, что о многих древних племенах до нас не дошло никаких сведений.

Очень скудны данные о древних чешских племенах. Очень мало известно о племенах юго-западной и юго-восточной Чехии, о славянских племенах Моравии и Словакии. Самым большим чешским племенем было племя чехов. На его территории возник город Прага. Были известны еще три больших племени: лучане, хорваты и зличане. Указанным племенам уступали по размерам и значению племена лемузов и пшован. На юге Чехии жило племя дудлебов.

Нет сомнений, что на территории Морваии и Словакии жили также различные славянские племена. Среди них самое крупное племя сохранило общеплеменное славянское имя - slov-, которое сохраняется ныне в имени *slovak, slovensky*.

К северу от чешских племен находилась территория сербо-лужицких племен. До нас дошли сведения о следующих племенах: сербы, долеминцы, нишане, мильчане, лужичане.

Много различных славянских племен сидело на территории Поморья, в бассейне рек Вислы, Варты, Одры. До нас дошли наименования поляне (именно от них ведут свое начало польский, Польша), мазовшане, висляне, слензане, серадзане, куявяне. К северу от этих племен жило большое племя поморян, к которому восходят кашубы и словинцы,

К западу от поморян и к северу от сербо-лужицких племен обитали многочисленные полабские племена: полабяне, древяне, лютичи, ободриты (бодричи), варны, вагры, ратары, брезане, укряне и др.

Восточнославянские племена в последние века 1 тысячелетия занимали огромную территорию. На самом севере жили словене. К югу от них кривичи. С кривичами в течение длительного времени сосуществовали предки латышей. Именно поэтому это этническое имя было перенесено латышами на всех восточных славян (в латыш. *krievs* - русский). Известны также племена вятичей, радимичи, дреговичи, северяне, древляне, волыняне, бужане, лучане. В районе среднего Днепра обитали поляне. На их территории был

город Киев. В Прикарпатье находилось племя хорваты, известны уличи, тиверцы. Летопись также сообщает о племени дулебов, которое рано исчезло.

О племенах, живших к Югу от Дуная, сообщают многочисленные источники. Были известны следующие славянские племена: северяне, подунавцы, тимочане, мораване, дреговичи, сагудаты, струменцы, смоляне, ринхины, морваки, берзиты, воюниты, войничы, велегезичи. На самом юге Греции были известны племена милинги и езерцы.

В западной части полуострова находилась территория сербохорватских племен. Известно с 9 в. племя хорваты, неретвляне, захлумяне, тревуняне, конавляне, дукляне, браничевцы, ободриты, огромную территорию занимало племя сербов.

Словенские племена были известны под общим именем хорутан (в латинских источниках *Sclavi Carantani*). Большую территорию занимали дулебы, поляне, стодороне, суслы.

Как видите, некоторые этнические племенные названия повторяются у различных славян. Так дулебы, поляне известны всем трем славянским группам. На основании этих общих наименований нельзя делать заключений, что под одним названием скрывается одно и то же племя. Общность племенных названий объясняется общностью происхождения славян. Общие племенные названия встречаются и у других народов.

Славянские племенные названия разного происхождения. Встречаются неславянские названия. Их много. Бесспорно неславянским является название чех. В этом нет ничего удивительного. Известно много случаев, когда этнические наименования переходят от одного племени к другому. В настоящее время болгарам мы называем славянский народ. В прошлом так назывался народ тюркского происхождения, от которого балканские славяне взяли свое этническое наименование. Однако огромное большинство племенных наименований славянского происхождения. В большинстве случаев название дается по географическим признакам (название рек, болотистая местность, лесистая местность, близость к морю, озерный край).

Именно такого происхождения наименования дреговичи.

Лекция 3 Фонетические процессы праславянского языка

План

1. Фонетические процессы протославянского периода
2. Фонетические процессы раннего праславянского периода
3. Фонетические процессы позднего праславянского периода
4. Особенности фонетической системы праславянского языка перед его распадом

Таблица

Звуковой состав протославянского диалекта (индоевропейское наследие)

гласные		Переднег	Заднего
		о ряда	ряда
монофтонги	Верхн. подъема	ī ĭ	ū
	Средн. подъема	ē	ō ǫ
	Нижн. подъема		ā ǣ
дифтонги	Верхн. подъема		
	Средн. подъема	ēĭ ěĭ ēу	ōĭ ǫĭ ōу ǫу
	Нижн. подъема		āĭ ǣĭ āу ǣу

Гипотезы происхождения звуков [o] и [a]

Гипотеза 1:

1) и-е ѓ ѣ ā ā → прасл. [ǫ^a], [ō^a], [ǣ^o], [ā^o]

2) [ǫ^a] → [o], [ō^a] → [a]

Гипотеза 2.

ѓ и ѣ → [o] в позднем праслав.,

после того как ѣу → ū

ō и ā → [a]

В индоиранском краткие a, o, e, совпали в a

В общегерманском ѓ и ѣ → a, ā и ō → o

Таблица

Звуковой состав протославянского диалекта (индоевропейское наследие)

согла		гу	язычные
-------	--	----	---------

сн		бн	зу бн	Средненё бн	задненё бн
шумные	Смычные	p- b	t-d		k-g ku-gu k'-g'
	Придыхательные смычные	bh (ph)	dh (th)		gh - kh
	Щелевые		s- z		
соно рные	Носовые	m	n		
	Боковые		l		
	Дрожащие		r		
	Щелевые	w		j	

Носовые и плавные сонорные в положении между гласными образовывали отдельный слог: r₀, l₀, m₀, n₀.

дифтонгические сочетания (дифтонгоиды) сонорных с гласными: ѳr, ѳr, ѳr, ѳl, ѳn, ѳl и т.п.

Количество придыхательных спорно.

Губно-губной спирант w, губно-зубного f не было.

Не было мягких согласных, шипящих и аффрикат.

Протославянский унаследовал и-е чередования гласных (аблаут).

Аблаут – закономерная мена гласных в тождественных морфемах.

Количественный аблаут ē//ě.

Качественный аблаут ě//ǫ.

Ступени и-е аблаута:

Основная ѳ//ě, ѳ//ē

ступень редукции ĭ//ǫ

ступень удлинения редукции ĭ̄//ū

нулевая ступень ∅

Монофтонги основного ряда вступали в чередования с дифтонагми:

ĭ // ĭ̄ // eĭ/oĭ

ǫ // ū // oĭ/eĭ

Основной ряд аблаута в позднем праславянском:

e // ě // o // a // ѳ // ĭ // ѳ // y

Протославянские фонетические процессы

Схемы процессов	Примеры
--------------------	---------

th > t, где t – любой смычный согласный, но возможно, kh > x	санскр. Dhūmáh, лит. Dūmai, стсл. дымъ Санскр. vhar , рус. беру Санскр. ākha, рус. соха
ku > k, gu > g	Лат. lingua, aqua, quis ‘кто’, стсл. кѣто
k' > s, g' > z	Лат. centum (из kentum), греч. kardia, рус. сто, сердце Лат. granum, стсл. зрьно
ɾ > ĩr /ũr l̥ > ĩl /ũl ŋ > ĩn /ũn m̥ > ĩm /ũm	**p̥rst > pirst > прьсть *w̥lna > wulna > вльна *p̥ā-m̥ŋ-t̥ĩ > памать *d̥ĕk'm̥t̥ĩ > десать
am > an, где a – любой гласный	Лат. cum ‘съ ’ (< *sũn < *sũm), отсюда сън имъ > съ нимъ , где [n'] в местоимении исторически из предлога
tt > st dt > tt > st	*k̥ittĩ > чьсть *w̥ĕdtĩ > вести
После ruki *s > x	*w̥ɪsũs > връхъ *moʊsā > моуха

1. s не переходило в x, если происходило из k'
*p̥ŏrk'ĕnt > поросѧ
2. если s находилось перед смычно-взрывным согласным
носихомъ, но носисте (аорист)
3. если слово было заимствовано или образовано в более
позднюю эпоху

Таблица

Состав согласных фонем праславянского языка в начале его автономного существования

согласные		губные	Язычные		
			зубные	Средне-небные	Задне-небные
шумные	смычные	p-b	t-d		k-g

	щелев ые				х
соно рные	носов ые	m	n		
	боков ые		l		
	дрожа щие		r		
	щелев ые	w		j	

Фонетические процессы раннего праславянского периода

Особенности:

- 1) относительная свобода в сочетаемости звуков
- 2) зияние гласных (гиатус)
- 3) любая структура слога

Не было ограничений в начале слова

Изменения:

Активизация позиционных процессов (аккомодации, ассимиляции, диссимиляции)

Развитие принципа слогового сингармонизма

(Палатализация согласных

Трансформация системы гласных

Монофтонгизация дифтонгов и др.)

Увеличение числа согласных фонем, уменьшение числа гласных

Принцип слогового сингармонизма

1. Перед гласными пер. ряда только палатализованные (мягкие и полумягкие) согласные

2. После мягких согласных и j были невозможны [ъ] [o] [y]

3. После мягких согласных и j непередние гласные [a] [u] [o] сдвигались в переднюю зону артикуляции

4. Твердые согласные перед гласными перед. ряда были лабиовелярными

5. Заднеязычные согласные не встречались перед гласными переднего ряда

Устранение зияния

Стяжение aa > a aa1 > aa > a	приидеть > придетъ Ведѣахъ > ведѣхъ
Эпентезы (вставки) aa > a \dot{a} a > awa aa > a \dot{a} a > aja	*znā-ūs > *znā -w- ūs > знавъ
Дифтонгизация ai > a \dot{i} ia > i \dot{a} > ja ua > u \dot{a} > wa	*gĕnā-i > женѣ *prōsi-ĕn > prōsiĕn > prōsjĕn > впоследствии sj > š' прошень
Утрата интервокального j и стяжение aja1 > aa1 > aa > a	Новоумоу (из новоуємоу)
Судьба ū в позиции перед гласным ūa > ūa > ūu- \dot{a} > ū- \dot{u} a > ūwa	*swĕkrū-ĕ > свекръве *zābūĕn- > забъвень

Фонетические процессы раннего праславянского периода

1. История сочетаний согласных с j
2. Согласные перед гласными переднего ряда
3. Первая палатализация задненебных
4. Согласные перед новыми палатальными
5. Сочетания *stj, *skj
6. Сужение гласных в конечном зарытом слогe
7. Палатализация гласных заднего ряда
8. Диспалатализация ē
9. Трансформация системы гласных
10. Судьба дифтонгов и дифтонгических сочетаний

История сочетаний согласных с j

1) Смягчение сонорных согласных

Примеры:

*bouŋja > боуря

*poljon > поле

*konjos > конь

Схема процесса: r←j > r'→j > r'r' > r̄' > r'

2) Изменение заднеязычных перед j в шипящие

Примеры:

*sĕkjā > сѣча

*lĕgiōm > *lĕgjōn > лежж

Схема процесса: *kj > t''š' > t'š'

*gj > d''ž' > d'ž' > ž'

3) Изменение *tj

t'š' > t's' (у зап. славян) [ц']
t'š' > t'sš' (у вост. слав.) [ч']
tj > t'j > t⁻ š't'š' > š't'š' > š't' (у южн.) [ш'т']

Примеры: *swētjā

стсл. свѣща, рус. свеча, пол. świeca

4) Изменение *dj

d'z' > d'z' [z] (у зап. славян)
d'ž' > d'ž' > ž' [ж'] (у вост. слав.)
dj > d'j > d⁻ ž'd'ž' > ž'd'ž' > ž'd' [ж'д'] (у южн.)

Примеры: *xōdjōm > xōdjōn

стсл. хождж рус. хожу пол. chodzę

5) Смягчение губных согласных

Схема процесса:

pj > p'j > p'l' > pl'/p'

bj > bl'/b'

wj > wl'/w'

mj > ml'/m'

Примеры:

*ǫpjōs > въплъ

*grëbjā > гребля

*lōwjā > ловля

*lōmiōm > lōmjōn > ломлю

Комментарии к процессу изменений согласных перед j:

Непосредственная причина изменений сочетаний с j – артикуляционные особенности этого согласного.

Предшествующий согласный приобретает дополнительную йотовую артикуляцию.

Другой фактор – принцип экономии произносительных усилий: уподобление j вновь возникшему палатализованному согласному.

Согласные перед гласными переднего ряда

Схема процесса:

ti > t'i

где t – любой согласный, кроме задненебного

*lōwītej > *low'it'i > ловити

Первая палатализация задненебных

ki > t''š'i > t'š'i

*kītō > чьто

gi > d''ž'i > d'ž'i > ž'i

*pōlōgītej > положить

xi > š'i

* souxīteĭ > соушити

Трансформация системы гласных

ī → i (<*sīlā) сила

ĩ → ь (<*līnōs) льнь

ū → y (<*sūnūs) сынъ

ũ → ь (<*dūctēr) дошти

ē → ѣ [ä/ê] (<*sēmĕn) сѣмѧ

ě → e (<*bredtĕĭ) брести

ō → o (<*mōgĕš'ī) можеши

ō → a (<*dōrōs) даръ

ā → a (<*mātēr) мати

ǎ → o (<*mǎrjōs) море

История дифтонгов и дифтонгических сочетаний

Сокращение долгих гласных дифтонгов и дифтонгических сочетаний.

ēĭ > ěĭ

ēu > ěu

ōĭ > oĭ

ōu > ou

āĭ > ǎĭ > oĭ

āu > ǎu > ou

ēr/ēl/ĕn > ěr/ěl/ĕn

ōr/ōl/ōn > ōr/ōl/ōn

ār/āl/ān > ǎr/ǎl/ǎn > or/ol/on

īr/īl/īn > ьr/ьl/ьn

Фонетические процессы позднего праславянского периода

Принцип восходящей звучности слога

Закон открытых слогов

Таблица

Звуковой состав праславянского языка перед его распадом

	Переднего ряда	Заднего ряда
Верхнего подъема	i ĭ ü	у u
Средне- верхнего подъема	ь	ь
Среднего подъема	е ѣ	о Ѡ
Нижнего подъема	ǣ	а

Таблица

Согласные

		гу бные	язычные			
шум ные			зу бные	Пер едне- небные	Ср едне- небные	За дне- небные
	смычн ые	p- b	t-d			k- g
	Аффри каты и сложные		t's ' d' z'	t's' š't'- ž'd'		
	щелев ые		s- s' z	š'-ž'		x
соно рные	Носов ые	m	n- n'			
	Боков ые		l- l'			
	дрожа щие		r- r'			
	щелев ые	w			j	

Способы преобразования закрытых слогов в открытые

1) Перенос слогораздела

- 2) Устранение конечного неслогового звука
- 3) монофтонгизация дифтонгов
- 4) усиление звучности плавных в сочетаниях типа *tort, *тырт
- 5) Упрощение групп согласных

Перенос слогораздела

- 1) перед согласным: tat-ta > ta-tta
 *wez-la > we-zla, *bъd-ra > bъ-dra,
 *dwiɡ-non-tej > dwi-ɡnɔ-ti
- 2) перед гласным: *aj-a > a-ja > a-ja
 aɯ-a > a-ɯa > a-wa
 *kõɯ-ātej > kō-ɯā-tej > ko-wa-ti
 *rõi-õn > rō-iõn > rō-jõn

Устранение конечного неслогового звука

tat > ta

- a) шумного согласного *dad-si > da-si, *neses > nese, *synъs > synъ
- б) сонорного согласного (только на конце слова): *matir > mati, *kamyn > каму, synъn > synъ

Монофтонгизация дифтонгических сочетаний и дифтонгов

oɯ > u
 eɯ > iü > jü
 oɷ > ē > ě / i
 eɷ > i

on, ъn > o
 en, ъn > e

Примеры:

- *ronka > rɔka,
- *kojna > kēna > c'ěna,
- *beɯdon > bjüdo > bl'üdo,
- *souš'itej > suš'iti
- *telent > telę

Усиление звучности плавных

- *tort
- *tor̥t̃ > tor̥t tr̥ōt > trat (южн.)
 - tor̥t > torot (вост.)
 - tr̥ōt > >trot (зап.)

Упрощение групп согласных

pn, kn, tn, dn ... > n

tm, dm, pm ... > m

bw > b

tl, dl > l

Фонетические следствия изменений, вызванных действием закона открытых слогов

1. Вторая палатализация задненебных
2. Третья палатализация задненебных
3. Развитие протетических звуков
4. Межслоговая ассимиляция

Протетические звуки

- -aa > -aja
- -aa > -awa

Особенности фонетической системы праславянского языка перед его распадом

ГЛАСНЫЕ

Таким образом, к концу позднего праславянского периода праславянская система гласных состояла:

- 1) только из кратких гласных: *ě, ѓ*;
- 2) из редуцированных гласных, более кратких, чем обычные краткие гласные: *ь, ъ*;
- 3) только из долгих гласных, которые в свою очередь были: а) гласными, не отличавшимися по качеству от соответствующих индоевропейских: *ā, ī, ū*, и б) качественно новыми гласными, при этом они были или полностью новыми: *ě, у, е, ѓ*, или только до некоторой степени новыми: *ь̄, ъ̄, ѓ̄, ѓ̄*.

Для подобной праславянской системы гласных характерны четыре момента:

1) строгая зависимость количества гласных от их качества. Это означает, что количественная индоевропейская симметрия гласных была полностью заменена на славянской почве соответствующей дифференциацией гласных по качеству;

2) устранение из языка всех дифтонгов. Это означает, что вместо индоевропейских дифтонгов стали употребляться обычные гласные, славянские монофтонги;

3) внесение в славянскую артикуляционную систему гласных нового носового элемента. Это означает, что вместо индоевропейских дифтонгов с сонантами *n* и *m* возникли славянские носовые гласные;

4) увеличение числа редуцированных гласных в праславянском языке. Это означает, что наряду с древними, индоевропейскими, редуцированными гласными (a_1 и a_2) возникли новые, обусловившие появление редуцированных гласных $ь$ и $ѣ < \check{i}$ и \check{y} .

СОГЛАСНЫЕ

Праславянская система согласных состояла:

1) из ряда фрикативных согласных, а именно: а) из качественно старых звуков: s и z и б) из качественно новых звуков: ch , \check{s} , \check{z} ;

2) из ряда взрывных согласных, старых взрывных согласных: p , t , k , b , d , g ;

3) из ряда аффрикат, качественно новых звуков: \check{c} , c , dz , ($d\check{z}$);

4) из ряда палатальных согласных, качественно новых звуков: t' , d' , (s'), l' , r' , n' ;

5) из ряда сонантов: r , l , l , m , n ;

6) из билабиального v и специального j .

Такая праславянская система согласных по сравнению с праиндоевропейской системой согласных свидетельствует о следующем:

1) индоевропейские придыхательные согласные утратили придыхание в славянских языках во всех случаях. Это характерно не только для славянских языков: утрата придыхания у придыхательных согласных встречается и в других индоевропейских языках, например, в балтийских языках;

2) индоевропейские палатальные согласные k' и g' перешли в славянских языках в фрикативные s и z . И в данном случае подобное изменение характерно не только для славянских языков: оно присуще и другим индоевропейским языкам, всем языкам восточной индоевропейской группы;

3) индоевропейские лабиовелярные согласные k^u и g^u представлены в славянских языках чистыми велярными согласными k и g . Но и в этом случае славянские языки не являются исключением: подобное явление, т.е. делабиализация индоевропейских лабиовелярных согласных, наблюдается и в других индоевропейских языках, опять-таки во всех языках восточной индоевропейской группы;

4) таким образом, в славянских языках сохранился один ряд заднебных взрывных согласных – чистые велярные k и g ;

5) индоевропейский согласный s перешел в славянских языках в определенных позициях в новый фрикативный согласный ch . И в данном случае такое изменение характерно не только для славянских языков: это явление, т.е. передвижка артикуляции у индоевропейского s после определенных звуков, обнаруживается и в других индоевропейских языках, в балтийских и индоиранских языках;

6) остальные славянские согласные – поскольку они являются новыми или результатом более позднего возникновения – представляют собой результат новых, славянских фонетических тенденций: трех палатализаций и йотации.

Праславянский язык характеризуется появлением неиндоевропейских, новых праславянских черт, к ним относятся следующие:

В области фонетики

1) закон открытого слога, вызвавший:

а) образование слоговых *r* и *l* из дифтонгов *ir*, *ur*, *il*, *ul*, восходящих к праиндоевропейским *r* и *l*: **vīlkos* > **vylkos* > **vǔlkъ*, **gūrdlo* > **gъrdlo* > **gъrdlo*;

б) образование слоговых *r* и *l* в группах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*, *ort* и *olt*: **vo-r-na*, **me-l-ko*, **o-l-komъ*;

в) формирование в конечном результате носовых гласных в сочетаниях: гласный + *n*, *m* + согласный: *peŕъ* < **penktos*, *zqbъ* < **zombos*;

г) утрату согласных в конце слова: *to* < **tod*;

д) упрощение согласных в сочетаниях согласных;

е) монофтонгизацию всех индоевропейских тавтосиллабических дифтонгов с сонантами *i* и *u*, в результате которой возникли гласные *i*, *ě*, *u*, *'u*;

2) Переход индоевропейских узких кратких гласных *i* и *y* в специальные гласные, более краткие, так называемые редуцированные (редуцированные): *lъnъ* < **lino-*, *sъnъ* < **supnos*.

3) Так называемая праславянская метатония, т.е. переход старых долгих акцентов, акута и циркумфлекса, в определенных категориях слов в новые акценты, а именно: старого акута в новый циркумфлекс (**stárъ* : **stǎrъjъ*) ; а старого циркумфлекса в новый акут (**mōldъ* : **mōldъjъ*).

4) Так называемая йотация: переход сочетаний «согласный + *j*» в качественно новые звуки.

5) Три славянских палатализации задненебных согласных, две более древних и регрессивных, третья более поздняя и прогрессивная: зв. ф. **vǔlčē* < **vǔlke*, мест. п. **vǔlče*, род. п. *otъsa* < **otъka*.

б) Лабиовеляризация и палатализация всех остальных согласных: *t^o*, *t^e*.

В области морфологии

1) Наличие флексии *-go* у местоимений: *togo*, *kogo*.

2) Наличие флексии *-тъ* в твор. п. ед. ч. у *o*-основ: *plotomъ*, *selomъ*.

3) Утрата всех наклонений – конъюнктива, инъюнктива, императива, за исключением оптатива, перешедшего в императив.

4) Утрата старых перфекта, сигматического будущего времени и имперфекта.

5) Образование описательных конструкций для передачи будущего времени (ст.-сл. *bǫdǫ nositi, imaši piti, načьnǫ kopati, choštǫ orati*), перфекта (*dalъ jestь*) и условного наклонения (*dalъ bimъ*).

6) Образование нового и не совсем ясного по происхождению имперфекта: *nesěachъ, nesěaše*.

В области словообразования

1) Большое развитие суффиксации и синтаксических способов выражения в ущерб сложным словам, которые в качестве созидательной категории были сведены к минимуму; их более позднее частичное развитие в славянских языках представляет собой результат влияния иностранных языков.

2) Суффикс **tel-* *ǰŭ-* вместо суффикса *-ter* (*-tor*) в других индоевропейских языках: *datel'ъ*, греч. *δοτήρ, δότηρ*, лат. *dator*.

В области синтаксиса

Строгое закрепление глагольного вида за глагольной основой, а не за глагольной формой, как это имело место в индоевропейском языке.

Лекция 5.

Рефлексы гласных в славянских языках

1. Гласный *e*. Праславянский гласный *e* произошел из индоевропейского *ǵ*: *berǵ*, греч. *φέρω*, лат. *fero*, лит. *beriu* < **bherō*; *vezǵ*, лат. *veho*, лит. *vežù* < **veg'hō*.

По-видимому, праславянский гласный *e* являлся довольно широким открытым гласным, т.е. произносился как *e*. Таким, прежде всего, является балтийский *e*. Кроме того, на наличие такого гласного *e* указывают и ранние романские заимствования в славянских языках, в которых романский гласный *e* заменяется славянским *e*, а романский гласный *ɛ* заменяется гласным *ь*: *Věnětici* = слав. **Vьnetьci*, *acētu* = слав. *осьть*.

На праславянской почве индоевропейский гласный *ǵ* изменялся в двух случаях: а) в составе гетеросиллабического дифтонга *eu*, находившегося в позиции перед гласными заднего ряда, гласный *e* переходил в *o* (возможно, что это было балто-славянской особенностью); б) в составе гетеросиллабического дифтонга *ei* гласный *ǵ* переходил в *ĩ* > *ь*: **gosteies* > *gostьje*, греч. (ат.) *ἄμφεις* < *ἄμφειες*.

В славянских языках праславянский гласный *e* изменялся – систематически и в том же направлении – в трех языковых группах: в русском и в белорусском языках на востоке и в лехитской и лужицкой группах на западе.

В русском и белорусском языках *e* изменялся в *ě* = *'o*, а именно: изменялся ударный *e*, когда он находился перед твердым согласным, безразлично каким – исконно твердым или отвердевшим: *сѣла*, *щѣки*; в этих случаях изменялся в *'o* и гласный *e*, возникший из *ь*. В украинском языке подобный переход отсутствует. В примерах типа *жона*, *чоловік* представлен переход *e* > *o*, происходивший в условиях украинского языка.

В лехитской группе (в польском, кашубском и словинском языках) праславянский *e* изменялся в *io* = *'o*, при этом именно тогда, когда находился в позиции перед каким-либо из согласных *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *ł*, *r*; например, пол. *żona*, *czóło*, *jezioro*.

В лужицких языках, где условия развития звука *e* не вполне ясны, гласный *e* изменялся в *o* (*'o*), когда находился в позиции перед твердым согласным (безразлично каким – исконно твердым или отвердевшим) зубным, губным или задненебным: в.-луж. *сѣло*, н.-луж. *coło*, в.-луж. *bolosć*, н.-луж. *bólosć*, в.-луж. *łód*, н.-луж. *lod*, в.-луж. *cóptь*, н.-луж. *śóptь*. В полабском языке переход *e* > *'o* отсутствует. Однако и в нем представлено два рефлекса праславянского гласного *e*: один перед переднеязычными твердыми согласными = *e*, другой – во всех остальных случаях = *i*.

2. Гласный *o*. Праславянский гласный *o* происходит из индоевропейских гласных *ǵ* и *ǵ̃*.

а) *o* < *ǫ*: *oko*, лат. *oculus*, греч. $\tau\omicron\mu\omicron\sigma\epsilon$ < $*ok^u$ -; *to*, греч. $\tau\acute{o}$, лат. *is-tud* < *is-tod* < $*tod$; *domъ*, греч. $\delta\acute{o}\mu\omicron\varsigma$; лат. *domus* < $*dom$ -;

б) *o* < *ǣ*: *orq*, лат. *aro*, греч. $\acute{\rho}\acute{o}\omega$, лит. *ariù* < $*ar$ -; *osъ*, лат. *axis*, греч. $\alpha\acute{\xi}\omega\nu$, лит. *ašìs* < $*ak's$ -.

На праславянской почве гласный *o* был получен из индоевропейского a_1 : *stojq*, др.-инд. *sthitás*, лат. *status*, греч. $\sigma\tau\alpha\tau\acute{o}\varsigma$; *sporъ*, др.-инд. *sphirás*.

Вопрос о происхождении праславянского гласного *o* имеет длительную историю и, можно сказать, до сих пор еще не снят в науке с повестки дня. Мы не знаем точно, что было представлено в праславянском языке на месте индоевропейских гласных *ǫ* и *ǣ*: выступал ли вместо них гласный *o* или гласный *a*. Одни считают, что был представлен гласный *o*, полагая, что индоевропейские *ǫ* и *ǣ* совпали в праславянском языке в гласном *o*. Другие же думают, что таковым являлся гласный *a*, полагая, что индоевропейские *ǫ* и *ǣ* совпали в период балто-славянского единства в гласном *a*. Этот гласный *a* сохраняется в балтийских языках до настоящего времени. Этот же гласный *a* – в виде *a* или a^o – по их мнению – употреблялся и в праславянском языке в течение всего его развития. Славянские языки также имели этот гласный *a* еще в начальный исторический период своего развития. Позднее он изменился в них в *o*, да и то не во всех случаях.

В славянских языках праславянский *o* не подвергся значительным изменениям. Внимание привлекает лишь переход гласного *o* в результате удлинения в дифтонг *uo* > *u* в чешском и польском языках: чеш. *vůl*, *vola*, пол. *gród*, *grodu*.

3. Гласный *a*. Праславянский гласный *a* происходит из индоевропейских \bar{a} и \bar{o} .

а) *a* < \bar{a} : *mati*, лат. *māter*, греч. (дорич.) $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, арм. *mayr*, лтш. *māte* < $*mātēr$; *bajq*, греч. (дорич.) $\beta\alpha\mu\acute{\iota}$, лат. *fāma*, *fāri* < $*bhā$ -;

б) *a* < \bar{o} : *dati*, греч. $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, $\delta\acute{\omega}\rho\omicron\nu$, лат. *dōnum*, прус. *dāt* < $*d\bar{o}$ -; $*v\bar{e}lka$, лат. *lupō*, греч. (диал.) $\text{Fo}\acute{\iota}\kappa\omega$ < $-\bar{o}t$.

На праславянской почве гласный *a* возникал в двух случаях:

а) из звука *o* при его удлинении: серб.-хорв. пробости : $*prob\bar{o}dati$ > *probadati*;

б) из *ě*, оказавшегося в позиции после мягких согласных *č*, *ž*, *š*, *j*: *stojati*, *ležati*, *slyšati* < $*stoj\bar{e}ti$, $*leg\bar{e}ti$, $*slych\bar{e}ti$ (ср. лат. *vidēre*, *sedēre*).

В связи с гласным *a* не возникает никаких проблем. Он остался очень стабильным в славянских языках. Нельзя сказать, что он не претерпевал никаких изменений. Но следует отметить, что его изменения никогда не носили характера общеславянских фонетических тенденций.

4. Гласный *u*. Праславянский гласный *u* происходит из индоевропейских дифтонгов *ou*, *au* ($\bar{o}u$, $\bar{a}u$), находившихся в позиции перед согласным или в конце слова: *synu*, лит. *sūnaiš*, гот. *sunaus* < $*sūno\bar{u}\varsigma$; *turъ*,

греч. ταῦρος, лат. *taurus*, др.-прусс. *tauris*, лит. *taūras* < **taur-*; *ucho*, лат. *auris*, гот. *ausō*, греч. (диал.) α←ασιν (дат. п. мн. ч.), лит. *ausis* < **aus-*.

Развитие гласного *и* в славянских языках не имеет ничего специфического: он остался более или менее неизменным почти во всех славянских языках. Можно только упомянуть дифтонгизацию гласного *ī* после твердого согласного сначала в *ai*, а затем в *oi* в чешском языке: *sūd* > *saud* > *soud* (возникновение первого дифтонга относится к концу XIV века, а второго — к XV веку).

5. Праславянский гласный *i*. Гласный *i* происходит:

1) из индоевропейского *ī*: *piti*, др.-инд. *pītis*, греч. Πίτω < **pī-*; *živъ*, др.-инд. *jīvās*, лтш. *dzīvs*, лит. *gūvas*, лат. *vīvus* < **g^hiuos*;

2) из индоевропейского дифтонга *eī* (*ēi*): *vidъ*, лит. *vėidas*, греч. Fίδος < **ueidos*; *zima*, греч. χει • μα < **g^hheimen-*; *stignъ*, гот. *steiga*, греч. στειχω, лит. *steigiūos*, лтш. *stėidzu* < **steigh-*.

3) из индоевропейского дифтонга *oi* (*ai*, *ōi*, *āi*) в конце слова в случаях, еще недостаточно точно изученных: им. п. мн. ч. *stoli*, лит. *stalai* • < **stoloi*; повел. накл. ед. ч. *beri*, греч. φέροις, φέροι < **bherrois*, **bheroit*.

На праславянской почве гласный *i* возникал в трех основных случаях:

а) из дифтонга *eī*, происходившего из *oi* (*ai*, *ōi*, *āi*) в положении после согласного *j*: повел. накл. мн. ч. *pišimъ*, *pišite*: *berěmъ*, *berěte*; дат. п. ед. ч. *duši* < **douchieī* < **douchioī* < *douchiāi* : *ročě* (ср. греч. ϑεῶ < ϑεῶι);

б) из звука *у* после согласного *j*: *šiti* < **šyti*, лит. *siūti*, др.-инд. *syūti* < **siūti*;

в) при удлинении гласного *ь*: *klъnъ* : *zaklinati*, *zъrjъ* : *-zirati*.

В славянских языках часто находим у гласного *i* передвижку артикуляции в направлении образования звуков *у* и *е*.

6. Гласный *ě*. Графически обозначается двумя способами: старославянской буквой *ѣ* (ять) или чешской буквой *ě*.

Праславянский гласный *ě* происходит:

1) из индоевропейского гласного *ē*: *sěmъ* лит. (мн. ч.) *sėmens*, лат. *sėmen* < *sėmunt*; *děti*, лит. *dėti*, др.-инд. аор. *adhām*, греч. (буд. вр.) ἤσω, лат. *fēcī*, гот. *ga-dēps* < **dhē-*

2) из индоевропейского дифтонга *oi* (*ai*, *ōi*, *āi*) : *сěна*, лит. *káina*, греч. ποινή < *k^hoinā*; *lěvъ*, лат. *laevus*, греч. λαιFός < **laiuos*.

В связи с характером праславянского гласного *ě* возникает целый ряд вопросов, а именно:

1) каким был перешедший в *ě* праславянский звук *ē*: закрытым или открытым *ē*;

2) что представлял собой *ě* в звуковом отношении: был ли это дифтонг или монофтонг;

3) если это был дифтонг, то каковы были его компоненты;

4) если это был монофтонг (*e*), то каково было его произношение: был ли это обычный закрытый гласный или открытый?

Каким же был праславянский гласный *ě*?

Шахматов первым попытался определить фонетическую сущность праславянского гласного *ě*. Он рассуждал таким образом: индоевропейский открытый *ē* в период балто-славянской общности изменился в *ēⁱ*. Этот *ēⁱ* сохранился в литовском языке как *ė* (жемайтский *ie*, прусский *ī* || *ēⁱ*, латышский *ē* || *ēⁱ*). В праславянском языке этот гласный отличался более закрытой артикуляцией и поэтому изменился в дифтонг *ie*. Подтверждением тому могут служить и рефлексы «ять» = *ie* в истории многих славянских языков, а именно: в истории чешского языка, в словацком языке, в лужицких языках, в истории и диалектологии украинского языка, в сербскохорватском языке. Переход гласного *ē* в *ā* после палатальных согласных, согласно Шахматову, не мог служить препятствием: он его объяснял диссимиляцией (дифференциацией) двух палатальных звуков при их непосредственном соприкосновении. Таково было мнение Шахматова. Совсем другое объяснение дает Вондрак. Он считал, что праславянский *ě* был открытым гласным, т.е. открытым *ē*, о чем и свидетельствует переход *ē* в *ā* после палатальных согласных. Этот открытый *ē* именно потому, что имел открытую артикуляцию, изменился в дифтонг *ie* подобно тому, как в романских языках дифтонгизировался широкий гласный *ē*.

Был ли праславянский гласный *ě* дифтонгом или монофтонгом? Это является основным вопросом и для «ять», и для славистики.

Исходя из двух перспектив: балтийской и славянской, Фортунатов первым сделал попытку определить звуковую сущность праславянского «ять». а) Как известно, индоевропейские дифтонги *oi* и *ai*, дали в литовском языке гласный *ė* = *ie*; те же самые дифтонги в праславянском языке дали гласный *ě*. На основании этого Фортунатов использует алгебраический вывод: *ě* = *ē* (*ie*). б) К такому заключению, как полагает Фортунатов, приводят данные самих славянских языков и именно тех, в которых вместо праславянского *ě* представлен дифтонг *ie* или те звуки, которые могли возникнуть из этого дифтонга (ср. сербскохорватский, чешский, словацкий, украинский языки и т. д.).

Тезис Фортунатова модифицировал в известном направлении Шахматов. Он также считает, что первоначально праславянское «ять» было дифтонгом *ie*. Но он на этом не останавливается. Он говорит: старое *ie* осталось неизменным перед палатальными и палатализованными согласными и в конце слова, а в позиции перед твердыми (лабиализованными) согласными оно путем регрессивной ассимиляции изменилось в *ěä*.

Интересная и авторитетная концепция Шахматова целиком базируется на представлении о существовании в прошлом своего рода тенденции к гармонии гласных, к выравниванию слогов палатальных и велярных при их непосредственном соприкосновении. Создана же эта концепция на основе польских, полабских, восточноболгарских и севернорусских данных.

Другие лингвисты (Миккола, Розвадовский, Гуйер, Вайан) также считают, что праславянский *ě* представлял собою дифтонг. Но они не соглашались с Фортунатовым в отношении звуковой характеристики этого дифтонга. По их мнению, праславянский *ě* являлся дифтонгом с очень широким, открытым вторым компонентом: *ĭä, ěä, ĭä, ěa, ěa, 'ea* и т.п. Вайан считает, что такое значение праславянского «ять» подтверждают следующие три факта: 1) наличие в глаголической азбуке одного и того же знака для передачи *ě* и *ja*; 2) использование в византийских источниках в заимствованных из славянских языков словах вместо «ять» сочетаний *ia, ea*; 3) употребление сочетания *ea* вместо славянского *ě* в румынских заимствованиях из славянских языков.

В отличие от лингвистов первой и второй групп такие лингвисты, как Мейе, Педерсен и Рамовш, полагают, что праславянский *ě* представлял собою монофтонг *'ä*. При этом Мейе и Педерсен придерживаются этой точки зрения, исходя в основном из звукового качества «ять» в старославянском языке.

Свой и при этом своеобразный взгляд на природу праславянского «ять» имеет Ван Вейк. Он думает так: праславянский *ě* был обычным нормальным *ē*, как это показывает развитие сочетаний *tert, telt > trēt, tlēt* в южнославянских языках, а также в чешском и словацком языках; что же касается его различных исторических рефлексов в славянских языках, то они представляют собой результат особого и более позднего развития отдельных языков.

Бесспорно, что качество *ě* изменялось в ходе развития праславянского языка и что он не был одним и тем же звуком во всех ареалах праславянской языковой территории. Какую же точку зрения тогда лучше всего принять? Лучше всего, пожалуй, принять положение Белича, согласно которому праславянский гласный *ě* имел два произношения: одно было более открытым и характеризовало одни диалекты = *ěä* (лучше бы было *'ä*), другое было более закрытым и характеризовало другие диалекты = *ĭe*.

Рефлексы «ять» в славянских языках

Восточнославянские языки. В восточнославянских языках долгое время сохранялось различие между гласным *ě* и этимологическим гласным *e*. Доказательством служат, во-первых, северновеликорусские памятники XIV и XV вв., еще полностью отражающие правильное употребление *ě*, без смешения его с *e*. Во-вторых, по-видимому, основным восточнославянским

значением *ě* был дифтонг *ie*. В пользу такого вывода свидетельствуют: а) северноукраинские говоры, в которых *ě* дал *ie* (*ie*), б) некоторые южновеликорусские диалекты, в которых и в настоящее время на месте ударного *ě* представлен дифтонг *ie*.

В целом восточнославянские языки показывают такую картину развития праславянского *ě*.

1) В русском литературном языке *ě* изменился в гласный *e*, который отличался от этимологического *e* только тем, что он в позиции после мягких согласных не переходил в *'o*. Исключением является небольшое количество слов: *гнёзда, звёзды, приобрёл, вёдра*.

2) В украинском литературном языке на месте *ě* выступает гласный *'i*: *дід, сіно, хліб*, дат. п. ед. ч. *воді*. Это характерно для большинства говоров Украины и для всех говоров Галиции. Только в небольшой части северноукраинских диалектов на месте бывшего *ě* представлен дифтонг *ie* (*ie*).

3) В белорусском языке *ě* во всех позициях перешел в гласный *e*.

Старославянский язык. Полагают, что «ять» в старославянском языке звучал как широкое *e = ä*. И это базируется на двух доводах: 1) на основе того, что в глаголице одним и тем же знаком передавали не только *ě*, но также *'a* и *ja*; это свидетельствует о том, что старославянский *ě* в звуковом отношении был близок гласному *a*, 2) на основе современных рефлексов «ять» в говорах Эгейской Македонии: *'a, ea, a* и т.п.

Македонский язык. В македонском языке, как в литературном языке, так и в диалектах, *ě* во всех позициях перешел в гласный *e*: *цвет, сено, млеко*.

Болгарский язык. В болгарском литературном языке ударный *ě* представлен двумя рефлексами в зависимости от позиции в слове: 1) перед слогом с гласным непреднего образования, т.е. перед твердым согласным, и в конце слова *ě = 'a*, 2) перед слогом с гласным преднего образования, т.е. перед мягким согласным, *ě = e*. Тот же рефлекс *e* дает и безударный *ě*. Примеры: *бял : бели, бяг : бегът, мяра : мери, цвят : цветът, цветове, вяра : вери, вятър ; ветрове, мляко : млека, ляв : леви, бряг : брегът, брегове, голям : големи*.

Сербскохорватский язык. В сербскохорватском языке «ять» в прошлом звучал как неполноценный дифтонг *jȇ*, который затем мог: а) утратить первый компонент и перейти в *e* (экавские говоры); б) усилить закрытость второго компонента и перейти в гласный *i* (икавские говоры); в) развить первый компонент и перейти в полный дифтонг *ie, ie* (екавские говоры).

Словенский язык. В словенском литературном языке на месте прежнего *ě* произносится закрытый гласный *e*, который может быть долгий или кратким в зависимости от того, к какому *ě* он восходит: *stépa, lèp, lèto, mèsto, lès, hlèbec, dèlo, dèd, hlèb*.

Чешский язык. В чешском языке в настоящее время представлено четыре рефлекса древнего *ě*: а) один в долгих слогах = *í* < *ie* (в XV-XVI вв.); б) другой в позиции после *t, d, n* = *'e*; в) третий в позиции после *p, b, m, v* = *ie* и г) четвертый во всех остальных случаях = *e*.

Примеры: *víra, vím, bílý, mříti, hnízdo; tělo, dělati, řekněte; pěna, běh, měna, květiny; seno, celý, cena.*

Словацкий язык. В словацком языке долгий *ě* дал *ie*: *biely, diel, hriech, hniezdo, chlieb*; краткий же *ě* дал гласный *e*, который смягчает, подобно этимологическому гласному *e*, предшествующие согласные *t, d, n, l*, но наряду с этим не смягчает предшествующих согласных *p, b, m, v*, как это имеет место в чешском языке: *pena, mena, kvetina, beh.*

Польский язык. В польском языке представлено два рефлекса древнего *ě*: в виде *'a* перед передненебными твердыми согласными *t, d, n, s, z, ł, r* и в виде *'e* во всех остальных случаях: *biały || bielić, dziad || dziediec, miasto || w mieście, wiara || wierzyć, lato || w lecie, las || w lesie.*

По всей вероятности, прапольское звучание «ять» было *'ä*, которое сохранилось, перейдя в чистое *a*, в позиции перед твердыми передненебными согласными, в остальных же позициях он ассимилировался последующему слогу и перешел в *'e*.

Наиболее древний пример с *a* вместо «ять» в польском языке находим у баварского географа в IX в.: *Dadosesani = Dziadoszani* < **Dědošane* (название одного силезского племени).

Полабский язык. В полабском языке представлено то же, что и в польском языке: *'o* < *'a* перед твердыми передненебными согласными (*t, d, n, s, z, ł, r*) и *'e* во всех остальных случаях.

Лужицкие языки. В лужицких языках сохраняется *ě* в виде дифтонга *ie*, в ударных, т.е. первых слогах, притом лучше всего перед твердыми согласными: в.-луж. *běh*, н.-луж. *běg, hnězdo-gnězdo, hwězda-gwězda*. В остальных позициях *ě* перешел в гласный *e*. В обоих лужицких языках имеются отступления от этой замены.

7. Гласный у. Этот гласный графически обозначается двумя способами: старославянской буквой *ы* и древней чешской буквой *у*.

Праславянский гласный *у* происходит из индоевропейского *ū*: *дуть*: лит. *dūmai*, лтш. *dūmi*, др.-в.-нем. *tūmōn*, лат. *fūmus*, греч. *ϑυμός*, др.-инд. *dhūmās*; *ту*: лат. *tū*, греч. *τύ-νη* < **tū*; *сунь*: лит. *sūnūs*, др.-инд. *sūnūs* < **sūnūs*.

На праславянской почве гласный *у* был получен:

1) из *ū* в заимствованных словах: *byvolъ* < лат. *būbalus*, греч. *Βούβαλος*; *тунь* < др.-в.-нем. *zūn*; *хуѣа* < гот. *hūs*;

2) из германского *ō* в конце слова: *сѣрку* < **kirikō*; *буку* < **bōkō*;

3) из сочетаний *uns, ons, ans* в конце слова: вин. п. мн. ч. *ploty* < **plotons*, *суну* < *sūnuns*, *сестры* < *sestrans*; действ. прич. наст. вр. *веды* < **vedon(t)s*.

Следует предположить, что индоевропейский \bar{i} на праславянской почве был звуком очень высокой (узкой) артикуляции = \bar{i} ; поэтому он легко передвигался к среднему небу, где утрачивал лабиализацию и переходил в у.

Вопрос праславянского произношения у.

Представители старой лингвистической школы (Томсон, Ляпунов) считали, что праславянский у представлял собой дифтонг. Этому же взгляда придерживаются и представители более новой лингвистической школы (Милевский, Вайан).

На что ссылаются сторонники дифтонгического произношения праславянского у? Во-первых, на старославянский графический знак для гласного у = *ы, ъи*, в отношении которого они полагают, особенно Томсон, что он буквально и точно передает звуковое качество старославянского гласного у = $\bar{y} + i$. Во-вторых, на наиболее древние славянские заимствования в финском и балтийских языках, в которых представлено сочетание *ui* вместо славянского гласного у. Ср.: лит. *kuila* < *kyla*, *muilas* < *mylo*, *tuinas* < *tyнь*. В-третьих, на наиболее древние славянские личные и географические имена, зафиксированные в византийских, латинских и немецких источниках, в которых вместо славянского гласного у представлено в графике *oi, ui, iu*: *Βοισεσϛλαβοϛ* = *Vyšeslavъ*, < *Buitsow* = *Bydžov*, *Premuisel* = *Przemysł*, *Vuizzemir* = *Vyšemirъ*, *Fiustrize* = < *Bystrica*. В-четвертых, на употребление букв *ui* для передачи у в Фрейзингенских отрывках *buiti, mui*. В-пятых, на старославянское *da-v-ydъ* при передаче греческого *Δαβίδ*. И в-шестых, на дифтонгический характер произношения современного русского гласного у (=у) в позиции после губных (согласно Броку).

Все эти аргументы, кроме одного, базируются на зыбкой почве. Первый аргумент, как мы отметили, является не более чем гипотезой. Во втором случае речь идет об обычной замене иноязычного звука, которая свидетельствует только о том, что в литовском и финском языках отсутствовал звук у, и ни о чем больше. В третьем и четвертом случаях, в основном, говорится об имитации немецкой орфографии (немецкий \bar{i} обозначается иногда как *ui, iu*). И, наконец, в шестом – о произвольном переносе современного русского произношения в праславянскую эпоху.

Что несомненно характерно для праславянского у? а) Это был звук не единой, колеблющейся артикуляции, с разными началом и окончанием, но настоящим дифтонгом он наверняка не был и б) на всей территории праславянского языка не было единого произношения гласного у, отсутствовало единство произношения гласного у и в процессе развития праславянского языка. Больше сказать о нем ничего нельзя.

Рефлексы и развитие звука у в славянских языках

Прежде всего, следует подчеркнуть некоторые общие тенденции в развитии этого звука в славянских языках. А именно:

1) Гласный *y* не сохранился ни в одном славянском языке во всех позициях, в которых его имел и сохранял праславянский язык.

2) Дольше всего сохраняли его и сохранили те языки, в которых праславянская оппозиция по твердости || мягкости развилась в фонологическое отношение (русский, польский, лужицкие языки).

3) Переход *y > i* является общим явлением; переход *y > e* является исключением (некоторые моравские говоры, полабский язык).

4) В некоторых языках *y* стал дифтонгом (чешский и полабский языки).

Теперь обратим внимание на историческое развитие звука *y* в славянских языках.

В русском языке сохраняется звук *y*: *сын, быть*. Наряду с этим в нем употребляется вторичный гласный *y* в старых группах *ci, ži, šī*: *цыпленок, живот (= žyvot), широкий*.

Праславянские сочетания *ky, gy, chy* дали в русском *ki, gi, chi*, как и во всех славянских языках (за небольшим исключением, касающемся сочетания *chy*). Шахматов предполагает несколько фаз в развитии этих сочетаний: во-первых, утрату лабиализации у согласных *k, g ch*: *k^uy, g^uy, ch^uy > ky, gy, chy*; во-вторых, передвижку артикуляции этих согласных к среднему небу, их ассимиляцию гласному *y*; в-третьих, палатализацию этих согласных в области среднего неба: *ky, gy, chy > k'y, g'y, ch'y*; и в-четвертых, переход *y > i* после палатальных согласных (*k', g', ch'*).

В белорусском, как и в русском языке, сохраняется звук *y*.

В украинском языке гласные *y* и *i* слились в один звук = *и* (очень высокий *e* или очень низкий *i*) . Таково положение в литературном украинском языке и в диалектах Украины. В диалектах Галиции гласные *y* и *i* слились в звук *y*. Лишь говоры Прикарпатской Украины сохраняют в качестве самостоятельных звуков и старый *y*, и старый *i*.

В польском языке сохраняется гласный *y*, при этом как в литературном языке, так и в диалектах; правда, в диалектах, с одним исключением: в северных и северо-восточных польских говорах, гласный *y* изменился в *i* во всех позициях. Аналогичная картина наблюдается в кашубском и словинском языках.

Сочетания *ky, gy* перешли в польском языке в *ki, gi*, а сочетание *chy* сохранилось в нем: *chytry, pochylic*.

В польском языке широко распространен так называемый вторичный *y*; это тот самый *y*, который представлен вместо этимологического *i* после отвердевших согласных: *cz., ž, rz, sz, c* и *dz* .

Для развития звука *y* в полабском языке имело значение количество гласного: долгий *y* перешел в дифтонг *oi* (в отличие от гласного *i*, который перешел в *ai*): *moit < myti, doim < dymъ, komoi < kamy*; краткий же гласный *y*

давал то *ě*, то *ə* в зависимости от того, употреблялся ли он в закрытом или открытом слоге.

Оба лужицких языка сохраняют различие между этимологическими *у* и *i*, т.е. они сохраняют праславянский гласный *у* во всех позициях: в.-луж. *bydlić*, н.-луж. *bydliš, ryba*, в.-луж. *pytać*, н.-луж. *pytaś*. Лужицкий *у* близок русскому, но его произношение варьируется по диалектам, а также в зависимости от характера последующего или предшествующего слога.

Сочетания *ku, gu, chy*: в верхнелужицком, как и в русском языке, представлены сочетания *ki, gi, chi*; в нижнелужицком, как и в польском, выступают сочетания *ki, gi, chy: chyliš, chytaś*.

В лужицких языках употребляется и вторичный гласный *у*, а именно: а) в нижнелужицком в сочетаниях *šy, žy, cy* (<*či* и *ci*) '*sy*, (< *si*), *zy* (< *dzi* и *zi*) и б) в верхнелужицком в сочетаниях *cy, zy* (< *dzi* и *zi*), *sy* (< *si*).

Наиболее сложным является развитие праславянского гласного *у* в чешском языке. В чешском литературном языке на месте *у* выступает гласный *i*, который не палатализует предшествующие согласные *t, d, n* и который обозначается посредством знака *у*, что обусловлено орфографической традицией и связано со способом, установленным Гусом: *tu, sun, pýcha, dým, dobrý*. В чешских диалектах развитие *у* было несколько иным.

Прежде всего, в чешском языке долгое время сохранялся праславянский гласный *у*: различие между *у* и *i* наблюдалось в некоторых чешских диалектах еще в первой половине XV в. Доказательство: Трактат Гуса об орфографии (1411 г.), в котором он учит жителей Праги, как произносить *у*.

В словацком языке гласный *у* изменился в *i* уже в XV в. во всех позициях, так что словацкий язык сохранил только букву *у*, которая отражена в правописании: *sun, sur, dym, dobrý, holý, nahý* и т.д.

В южнославянских языках гласный *у*, как правило, перешел в *i*. Наличие гласного *у* у южных славян еще в историческую эпоху подтверждают некоторые факты. Во-первых, старославянский язык, сохранявший гласный *у* во всех позициях (переход *ru > ri* встречается спорадически). Во-вторых, наиболее древние заимствования в албанском языке из южнославянских языков, в которых вместо славянского *у* представлен гласный *u*: *kul'ë < kyła, matukë < motyka, kařutë < koryto*. В-третьих, диалект сел Зарово и Висока в Эгейской Македонии (район Богданско), в котором до сих пор сохраняется гласный *у* в некоторых категориях слов: в личных местоимениях *ту, ву* и в местоименных формах прилагательных; в остальных же случаях вместо гласного *у* представлен гласный *ь*. И, в-четвертых, данные истории сербскохорватского и словенского языков.

О том, что сербскохорватский язык в VIII-XIII вв. имел звук *у*, свидетельствуют два факта: а) сербскохорватские личные имена в латинских документах IX в., в которых гласный *у* передается посредством *u*: *Dabramusclo = Dobromysl, Primysl = Primysl, Musclus = Mysl* (все документы относятся к 850-896 гг.), *Nemuslo = Nemysl, Nedamuslo = Nedomysl* (852 г.),

Cresamuslo = *Krešomysl* (892 г.), и б) сохранение звука у после губных в Грамоте бана Кулина (1189 г.), в то время как после других согласных он заменяется в ней на *i*: *byti*, *promysla*, но *tisuća*. Следовательно, использование *i* вместо у после губных согласных в сербскохорватских личных именах в латинских источниках XI в. является сербскохорватской диалектной чертой: *Uiseno* = *Vyšěň*, *Pribidrug* = *Pribydrugъ*, *Pribugoy* = *Pribygojъ*.

Ф. Рамовш доказал, что в словенском языке в VIII-XI вв. употреблялся звук у. Его доказательства следующие: 1) замена романского *ū* словенским *i*; переходной ступенью при этом изменении должен был быть гласный у: *Mirje* < *myrjje* (ср. лат. *mīrum*); 2) употребление в Фрейзингенских отрывках (II) написаний *ui* и *u* вместо у после губных: *buiti*, *tui*, *muzlite*; 3) словенские личные имена в латинских документах IX в., в которых у передается посредством *u*: *Nasmus* = *Našemysl*, *Domemus* = *Domomysl*; 4) словенские (или, точнее, — южнославянские) личные имена, зафиксированные в Чедадском евангелии (IX-X вв.) с употреблением *u* вместо у: *Sobeuscla*, *Miramuscle*, *Citamuscle*, *Musclonna*, *Dabramusclo*, *Primusl*, *Musclus*, *Seuemuscle*, *Oimuscle*, *Semmemuscle* и т. д. (= *Soběmysla*, *Miromysl*, *Žitomysl*, *Mysloña* и т. д.), и 5) баварский дифтонг вместо славянского у в заимствованных славянских словах: *faistritz* < *Bystrica*.

Лекция 6. Судьба редуцированных гласных в славянских языках.

Редуцированные представляют собой наиболее характерные звуки славянской звуковой системы. В праславянском языке их было два: ъ и ь.

1) Праславянский гласный ъ происходит:

а) из индоевропейского *ǵ*: ст.-сл. *dъsti* < **dǵktī*, лит. *duktė*, др.-инд. *duhitā*, гот. *daúhtar*, греч. *δυάτηρ* < **dhuǵtēr*; ст.-сл. *snъcha* < **snǵcha*, др.-инд. *snuṣā*, лат. *snurus* < **snusos*, греч. *νός* < **snusos*, др.-в.-нем *snur* < **snǵs-*;

б) из индоевропейского *ǵ₂*, который возник в результате редукции гласных *a* и *o*: *въz-*, лит. *už*, лтш. *uz*; ср. лит. *ažù*, лтш. *az-*;

в) из *u* в заимствованных словах: **kъnędzъ* < гот. **kuning-*.

На праславянской почве гласный ъ произошел:

а) из индоевропейского окончания *-os*: **вǵlkъ*, греч. *λύκος*, лат. *lupus*, лит. *vilkas* < **ǵlk^uos*;

б) из индоевропейского окончания *-on*: 1. л. асигм. аор. *dvigъ*, греч. *διπρον*, др.-инд. *ábharam* < **-on*.

2) Праславянский гласный ь происходит:

а) из индоевропейского *ǵ*. ст.-сл. *тъgla* < **mǵglā*, лит. *miglā*, греч. *ἄμιχλη*, < **mǵhlā*; ст.-сл. *въdova* (*въdova*) < *vǵdovā*, прус. *widdewū*, гот. *widuwō*, др.-инд. *vidhāvā*, лат. *vidua* < **vǵdh-*;

б) из индоевропейского *ǵ₂*, возникшего вследствие редукции гласного *e*: **čъtyre* < **k^uǵ₂tur* – (лат. *quattor*, греч. (гомер.) *πίσυπερς*, слов. *štirje*, чеш. *čtíří*, в.-луж. *štyrjo*, пол. *cztery* : **čъtyre* (лит. *keturì*, др.-ирл. *cethir*, греч. (дорич.) *τέτταρες*, др.-инд. *catvāras*, ст.-сл. *četyre*, *četyri*., серб.-хорв. *четири*, рус. *четыре*;

**desęть* **dǵ₂k'nt-* (арм. *tasn*, др.-в.-нем. *drī-zug* < **dǵk* < **dek*), др.-рус. *дѣсять*, чеш. *dva-dcet*, рус. *два-дцать* : **desęть* (лит. *dėšimnt*, лат. *decem*, греч. *δέκα*, др.-инд. *dāśa*, гот. *taíhum*), ст.-сл. *desęть*, серб.-хорв. *десет*, слов. *deset*, чеш. *deset*, в.-луж. *džesać*, пол. *dziesięć*;

в) из индоевропейского *ǵ* в конце слова: *materъ* < **maternǵ*; вин п. ед. ч. *berqšть* < **berqšjъ*, греч. *φέρωντα*, лат. *ferentem* < **bherontǵ*;

г) из *ǵ* в заимствованных словах: *kotъlъ* < гот. **katilis* или **katilus* (род. п. мн. ч. *katilē*).

На праславянской почве гласный ь возник:

а) из гласного *e* в гетеросиллабическом дифтонге *ei*: *тръje* < **trǵie*, греч. *τρῖς* < *τρεις*, лат. *trēs*, др.-инд. *trayās* < **trǵies*; *gostъje* < **gostǵje* < **ghosteǵies*;

б) в результате славянской редукции звука *e* в формах пов. накл.: *ръсі*, *ръсі* : *rekq*, *pekq*;

в) из гласного ъ после палатальных согласных: *kraĵь* : *plotь*, род. п. мн. ч. *dušь* : *rĉkь*.

Весьма возможно, что гласные *ĭ* и *ĩ* представляли собой звуки специальной, сдвинутой артикуляции еще до того, как они перешли в редуцированные. На основе чего мы приходим к такому выводу? С одной стороны, на основе данных литовского языка, а с другой, на основе судьбы индоевропейского *ī* в праславянском языке.

В литовском языке *ĩ* является низким, широким, открытым гласным *i*, а *ĭ* – низким, широким, открытым гласным *u*. При этом наиболее характерно то, что в восточнолитовском диалекте ни один из этих двух звуков, ни *ĩ*, ни *ĭ*, в отличие от остальных звуков, не удлиняется в ударном слоге. Вероятно, мы не будем далеки от истины, если предположим нечто подобное и для праславянского языка, по крайней мере в отношении звука *ĩ*. Возможно, что и в праславянском языке *ĩ* был особым звуком, более низким, более широким, более открытым, нежели обычный гласный *i*.

Видимо и звук *ĭ* не был в праславянском языке обычным гласным *u*. В языке, где гласный *ī* переходит в *u*, звук среднего ряда, нелабиализованный, трудно было бы предположить, что и гласный *ĭ* может оставаться на прежнем месте, без передвижки места артикуляции вперед, в направлении к среднему небу, по крайней мере как тенденции.

Так можно себе представить первую фазу развития звуков *ĭ* и *ĩ* в праславянском языке, сразу предшествующую редукации. За ней наступила другая фаза в их развитии – фаза *редукции*. Мы не знаем точно, в какое время звуки *ĭ* и *ĩ* перешли в праславянском языке в *редуцированные* звуки. Но мы точно знаем, что о них как о редуцированных звуках можно говорить только тогда, когда к качественной редукации присоединилась и их количественная редукация.

Что мы подразумеваем под количественной редукацией звуков *ĭ* и *ĩ* в праславянском языке? Мы подразумеваем неопределенность их фонетико-физиологической стороны, их индивидуальную невыразительность, то, что мы немного выше назвали передвижкой их артикуляции. Это означает, отметим еще раз, что праславянский *ĩ* был особым гласным *i*: это был *i*, находившийся между *e* и *i*, это был звук *i*, который не был ни *e*, ни *i*; праславянский *ĭ* также являлся особым гласным *u*: это был *u*, находившийся между *u* и *u*, это был звук *u*, который не являлся ни *u*, ни *u*.

Что происходило дальше с так называемым кратким *u* и так называемым кратким *i*? Произошла их *первая, количественная* редукация. Она с одной стороны, сделала из них еще более неопределенные, еще более невыразительные звуки, а с другой стороны, сделала из них звуки более краткие, чем обычные краткие звуки, т.е. в количественном отношении редуцированные звуки; создала из них редуцированные: из *ĩ* – *ь*, редуцированный звук переднего ряда, а из *ĭ* – *ь*, редуцированный звук среднего ряда, лишенный лабиализации.

Имеется еще два спорных теоретических вопроса, касающихся праславянских редуцированных. Один из них следующий: действительно ли индоевропейские редукции кратких гласных повлекли за собой непосредственное возникновение редуцированных или же, как считают некоторые исследователи, они первоначально дали краткие гласные *ĩ* и *ỹ* и только позднее перешли в редуцированные?

Второй вопрос заключается в следующем: действительно ли праславянский язык имел или мог иметь два редуцированных или же он имел только один редуцированный? Этот вопрос поднимал Розвадовский и решал его в пользу одного редуцированного. Именно Розвадовский различал у редуцированного два момента: сам редуцированный, который *de facto* мог быть только один, по крайней мере в слабых позициях, и *качество* предшествующего ему согласного, палатальное или велярное, которое представляет собой остаток прежнего различия между гласными *ĩ* и *ỹ*. Таким образом, объективно пришлось бы признать наличие только одного «ера», с которым предшествующий ему согласный мог быть палатализованным или непалатализованным. И эта палатализованность или ее отсутствие у предшествующего «еру» согласного создавала иллюзию существования двух редуцированных.

В качестве доказательства вышесказанного Розвадовский приводит одно единственное слово - *ďьska*. Известно, что это слово происходит из германского *disk* (лат. *discus*) с кратким гласным *i* в корне. На славянской же почве вместо гласного *ь*, как следовало бы ожидать, представлен *ь*. Почему? Розвадовский полагает, что это обусловлено природой согласного *d* в германском слове *disk*, ибо праславянское слово **ďьska* с мягким согласным *d* не являлось бы эквивалентом германского слова *disk*, с твердым *d*.

Сильные и слабые редуцированные

К концу праславянской эпохи редуцированные не обладали одним и тем же свойством во всех позициях в слове. В одних случаях они были слабыми, в других – сильными. Следовательно, имелись редуцированные в так называемой «слабой» позиции и редуцированные в так называемой «сильной» позиции. В конце слова редуцированные всегда были слабыми; внутри слова они были слабыми перед слогом с гласным полного образования и перед слогом с редуцированным в сильной позиции. Сильными же они были только тогда, когда находились перед слогом со слабым редуцированным. Например, в слове *т³м²н¹*.

Что служит нам основанием для вывода, что редуцированные к концу праславянской эпохи в одних позициях были слабыми, а с других – сильными? Их абсолютно сходное развитие в этом отношении во всех славянских языках: утрата их в дальнейшем в слабой позиции во всех славянских языках – без различия (не принимаем во внимание случаи, которые легко и точно объясняются аналогией) и сохранение их или переход

их в гласные полного образования в сильной позиции – опять во всех славянских языках в равной степени.

Следует подчеркнуть два факта прежде, чем перейдем к рассмотрению развития редуцированных в славянских языках. Во-первых, ни в одном славянском языке редуцированные не перешли в гласные *и* и *і*, из которых они возникли. Во-вторых, в некоторых славянских языках редуцированный, в известной степени и в определенной форме, сохраняется и в настоящее время. Например, в болгарском, сербскохорватском и словенском языках. Позднее же мы увидим, в какой степени и каким образом эти языки сохранили редуцированный.

Возникает вопрос, как отразился в славянских языках процесс развития редуцированных? Что касается судьбы редуцированных в сильных позициях, то она во всех славянских языках одинакова: ни в одном славянском языке редуцированные в этих случаях не утрачиваются, они всегда переходят в гласные полного образования, если, разумеется, не сохраняются. Но славянские языки не совпадают между собой в отношении рефлексов редуцированных, не совпадают они и в отношении сохранения различия между *ъ* и *ь*. Что касается рефлексов редуцированных (в сильной позиции), то они по языкам не одинаковы, так же как неодинаково отражено в славянских языках сохранение различия между *ъ* и *ь*. Первое положение естественно: оно связано с общими фонетическими отличиями отдельных славянских языков. Второе положение существенно, оно разделяет славянские языки на две группы: на языки, в которых, как говорится, редуцированные совпали – или только по огласовке, или во всем – и в которых для обоих редуцированных имеется один и тот же рефлекс; и на языки, в которых редуцированные остались в качестве двух отдельных самостоятельных звуков и которые для *ъ* имеют один звук, а для *ь* – другой. Однако то, что характерно для языков второй группы, представляет, конечно, отражение прежнего, праславянского состояния. Что же касается того, что находим в языках первой группы, то это является новым, то есть результатом развития конкретных славянских языков.

Какие языки имеют для обоих редуцированных один, несущественно какой, рефлекс, а какие – два рефлекса: один для *ъ*, а другой для *ь*? Наличие двух рефлексов характерно для русского, белорусского и украинского языков, для македонского и старославянского языков, для болгарского языка, для словацкого и верхнелужицкого языков. Один рефлекс для редуцированных имеется во всех остальных славянских языках.

Слабые редуцированные

Мы говорили, что в так называемых «слабых» позициях редуцированные утрачиваются во всех славянских языках. В основном – это так. Но это не означает, что отсутствуют исключения. Они имеются, и притом двоякого вида. Одни исключения являются общими, типичными для всех славянских языков и объясняются легко и просто: аналогией. Например, серб.-хорв.

даска (< *dъska*), *данас* (< *dъньсь*); в первом слове имеем обобщение основы по форме род. п. мн. ч. (*dъskъ*), где в корне был сильный ъ; другое же слово *данас* вместо **днас* отражает влияние слова *дан*. Сходное явление наблюдается и в остальных случаях: если где-либо в настоящее время в славянских языках представлен гласный полного образования на месте прежнего редуцированного в слабой позиции, то это результат аналогии.

Другие исключения – особого порядка и свойственны только одному славянскому языку: полабскому. В полабском языке отражена вокализация «еров» и в слабой позиции, при этом в двух случаях: в первом слове под ударением, что является случаем и старым, и типично полабским, и в первом предударном слове.

Примеры: *(no) dānā* < *na-dъně*, *tākac* < *tъkačъ*, *sāpāt* < *sъpati*, *tākāt* < *tъkati*, *mārā* < *mъre(tъ)*; *pasāj* < *pъsi*, *kātú* < *kъto*.

Возникает еще один вопрос, связанный с редуцированными в слабой позиции: когда в славянских языках они начали утрачиваться в этой позиции?

И на этот вопрос нелегко дать точный ответ. Прежде всего, отсутствуют данные, на основе которых можно было бы, с одной стороны, точно установить, что редуцированные начали утрачиваться во всех славянских языках в одно и то же время, а с другой, что редуцированные начали утрачиваться одновременно во всех слабых позициях, то есть и в конце слова, и во внутренних слогах. Обычно считают, что сначала редуцированные утратились в конце слова. Это вполне возможно, но чем это можно доказать?

В общем, дело обстоит таким образом. Наиболее древний слой старославянского языка, язык Кирилла и Мефодия, сохранял редуцированные во всех позициях. Киевский миссал, старославянский (моравский) памятник конца X в., сохраняет, например, редуцированные во всех случаях. С памятниками XI в. дело обстоит уже иначе: в них имеется достаточное количество примеров с пропущенными редуцированными в слабых позициях. Эти памятники, таким образом, являются несомненным доказательством, что XI в. представляет собой период, когда в говорах старославянского языка утрачивались редуцированные в слабых позициях.

Аналогичную картину представляют и восточнославянские языки. Так, у Константина Багрянородного (912-959 гг.) находим примеры: *νε-σουρη̃* = *ne-sъri* «не спи» как название одного порога на Днестре и *Βερούτζη* = *Vъričii* «который кипит, бурлит» как название другого порога на Днестре – с редуцированными в слабой позиции. Между тем, наиболее древним русским памятникам, Остромирову евангелию и Изборнику Святослава, относящимся к XI в., известна утрата редуцированных в слабых позициях, хотя, несомненно, многие примеры пропуска редуцированных в них могут быть обусловлены их старославянской основой.

Сербскохорватский язык также сохранял слабые редуцированные в период VIII-X вв. Но уже в XI в. слабого редуцированного в нем не было.

Доказательством служат сербскохорватские слова со слабыми редуцированными в византийских и латинских источниках. Так, находим: а) в византийских источниках X в.: *χλεβενα* = *Chlěvno*, *βορενα* = *Vorьna*, *βερούλλια* = *Vьrul'a* (все – 949 г.); б) в латинских источниках IX и X вв.: *ceustizio* = *čьstica* (837 г.), *sedeslavus* = *Sьdeslavъ* (879 г.), *cernecha* = *Črньča* (949 г.).

Сходную картину наблюдаем и в остальных славянских языках.

О польском языке, например, Розвадовский говорит, что время утраты слабых «еров» трудно определить точно. Во всяком случае, около 1100 г. эта утрата произошла уже во всех позициях.

Гуйер также рассматривает XI в. как период, когда утрачивались редуцированные в чешском и словацком языках.

По всей вероятности, это характерно и для остальных славянских языков. Возможно, что конец XI в. является второй, конечной временной границей процесса утраты редуцированных в славянских языках; первая же, начальная граница этого процесса могла бы быть где-то в конце или во второй половине X в.

Примечание. Очень рано утрату слабых редуцированных находим в Фрейзингенских отрывках, словенском памятнике конца X в.

Сильные редуцированные

Совсем другую судьбу имели редуцированные, находившиеся в так называемых сильных позициях. В этом случае они переходили в гласные полного образования, что является общим явлением, или частично сохранялись, что представляет собой исключение. Сохранились они отчасти, как мы уже отметили, в болгарском, сербскохорватском и словенском языках. Правда, в двух последних языках редуцированные фонетически сравнились, дали один редуцированный, и это произошло, по-видимому, еще в доисторическую эпоху их развития.

Современный болгарский редуцированный *ъ*, в котором в некоторых диалектах совпали два прежних редуцированных, типичен как для болгарского литературного языка, так и для болгарских диалектов. Для современного болгарского редуцированного характерны три особенности: во-первых, его основным звуком является *a*, очень высокий гласный *a*; во-вторых, он сохраняет напряженную редуцированную артикуляцию; и в-третьих, в болгарских диалектах он имеет различные произносительные нюансы в зависимости от того, где он находится в слове: в ударном или безударном слоге, перед тем или иным согласным и т.д.

В сербскохорватском языке также отчасти сохраняется редуцированный. Но в отличие от болгарского и словенского языков, он не сохраняется в литературном языке (или, точнее, – и в литературном языке), а только в диалектах.

В словенском языке редуцированный сохраняется как в литературном языке, так и в диалектах, но только в определенных позициях: в кратких

словах, независимо от того, являются ли они ударными или безударными. В литературном языке он передается буквой *e* (в научной литературе знаком *ъ* или *ə*). Примеры: *dež* (*dъž*), *pes* (*pъs*), *sen* (*sъn*), *tenèk* (*tъnъk*), *šev* (*šъv*), *ves* (*vъs*), *konèc* (*konъc*), *kirèc* (*kirъc*), *temèn* (*tъmъn*), *deskà* (*dъska*), *čebèr* (*čъbъr*).

Что представляет собой словенский редуцированный в фонетическом отношении? В одних словенских говорах он имеет в основе звук *e*, в других – звук *a*; следовательно, он подобен сербскохорватскому редуцированному.

Переходим к так называемой вокализации редуцированных, к замене редуцированных в сильной позиции гласными полного образования.

В языках восточной славянской группы, сохранивших различие между *ъ* и *ь*, результаты этого изменения очень просты: *ъ* перешел в *o*, а *ь* – в *e* (*сон*, *день*). Когда же это произошло, в какое время? Во всяком случае, вторая половина XII в. является периодом, когда редуцированные в восточнославянских языках переходили в гласные полного образования. Добрилово евангелие, относящееся к 1164 г., фиксирует достаточное число бесспорных примеров с употреблением *o* и *e* вместо *ъ* и *ь*. Таких примеров в памятниках первой половины XIII в. еще больше: употребление *o* и *e* вместо *ъ* и *ь* оказывается в них уже типичным, обычным, общим явлением.

И в македонском языке, включая в него и старославянские диалекты, отраженные в тех старославянских памятниках, в которых наблюдается замена редуцированных гласными *o* и *e*, имеем сходную картину: в нем также *ъ* перешел в *o*, а *ь* в *e*: *сон*, *вошка*, *ден*, *йес*.

Что касается болгарского языка, то развитие в нем редуцированных было довольно сложным, а именно: 1) вместо *ъ* в болгарском литературном языке и в большинстве болгарских диалектов выступает звук *ъ* (*ǎ*): *сън*, *мъх* и 2) вместо *ь* в болгарском литературном языке и в некоторых восточноболгарских диалектах представлен гласный *e*: *ден*, *вез-дѐн*, *стàрец*, *венѐц*, *вѐрен*, *сѐлен*, *оцѐт*.

Что характерно для развития редуцированных в сербскохорватском языке? Во-первых, характерно их выравнивание, их совпадение в одном редуцированном. Во-вторых, характерен сам способ, посредством которого редуцированные выровнились в сербскохорватском языке: является несомненным, что это выравнивание в одних говорах произошло в пользу редуцированного *ъ*, а в других – в пользу редуцированного *ь*. Отсюда наблюдается известная двойственность в рефлексе редуцированного на территории сербскохорватского языка: с одной стороны, кайкавское *e* и черногорский редуцированный типа *e*, а с другой, штокавское и чакавское (за небольшим исключением) *a* и редуцированный типа *a* в говорах Восточной Сербии.

В словенском языке оба редуцированных также выровнились, совпали в одном редуцированном, и это произошло довольно рано, по мнению Рамовша, еще в X в. В словенском литературном языке, основу которого составляют нижнекрайские говоры, также представлен *â* вместо

редуцированного. Примеры: *čâst, mâh, dâh, lâž, sladâk, tenâk*; род. п. мн. ч. *dân, pás (:pъs), pájsi, kásni (:kъsân), tânki*.

В чешском языке оба редуцированных перешли в один и тот же звук – *e*: *sen, den*. Следы бывшего различия между ними можно обнаружить в примерах с *ř* перед бывшим *ъ*: *stařec* (< *starъсь*).

В словацком языке сильный редуцированный *ъ* также перешел в *e*: *den, otec*; этот гласный *e*, подобно этимологическому *e*, палатализует предшествующие ему согласные *t, d, n* и *l*.

В отношении развития сильного редуцированного *ъ* нет единства ни в отдельных словацких диалектных группах, ни внутри этих групп. Центральные словацкие говоры имеют вместо *ъ* три звука: *e, o, a*. Примеры: *leb (lъbъ), sen, ten (tъnъ); moch, voš, von, synom, chlapom; babôk (babka), zâhradôk, (zâhradka); daska, dažd', mach, raž, stovák (stovka), dasák (daska)*.

Трудно сказать с уверенностью, в каком отношении находятся между собой эти три рефлекса: *e, o, a*. Вообще, вопрос развития сильного редуцированного *ъ* в словацком языке представляет собой особую и трудную проблему как для сравнительной грамматики славянских языков вообще, так и для науки о словацком языке в частности, проблему, о которой много написано и о которой, несмотря на все это, нельзя сказать, что она решена.

В польском языке редуцированные в звуковом отношении совпали, оба в сильной позиции перешли в гласный *e*. Но следы их бывшего различия сохранились: перед *e* < *ъ* согласный всегда является твердым, перед *e* < *ь* – мягким. Отсюда: *sen, mech*, но – *dzień, pies*.

В лужицких языках нет различия в отношении замены сильного редуцированного *ъ*: в обоих языках на его месте представлен *e* со смягченным предшествующим согласным: в.-луж. *dzeń, pjeń* (< *dънь, рънь*), н.-луж. *zeń, pjeń*. При этом в обоих языках наблюдаются отступления от этой основной и общей для них замены сильного редуцированного *ъ* (ср. *pos* < *ръсь* в обоих языках). Однако в этих языках нет единства в отношении замены сильного редуцированного *ъ*. В верхнелужицком языке на месте редуцированного *ъ* представлен *o* или *e*: при этом гласный *o* выступает перед твердым согласным, а гласный *e* – перед мягким: *son, moch, boz* (< *bъзь*), *krew* > *krej* (< *krъвь*), *dešč* (< *dъščъ*); в нижнелужицком же языке употребляется гласный *e* или гласный *ě* (равный звуку, похожему на русский звук *y*) с твердым предшествующим согласным: *sen, mech, ven* (< *vънь*), *bez*. И в данном случае в обоих языках имеется достаточное количество отступлений от характерной для каждого из них общей замены сильного редуцированного *ъ* (в нижнелужицком языке имеются, например, примеры с

гласными *a* и *o* вместо *ɔ*: *baz*, *son*, а в верхнелужицком языке после согласных *k*, *g*, *ch* всегда употребляется гласный *e*).

Судьба слоговых плавных *r* и *l*.

Эти звуки графически передаются несколькими способами: посредством *r* и *l*, посредством *ʁr*, *ʁr*, *ʁl*, *ʁl*, посредством *ьr*, *ьr*, *ьl*, *ьl* – мы сочли возможным указать только наиболее типичные способы их обозначения. Первый способ – простая условность; второй – самый обычный и наиболее точный; третий же способ обозначения слоговых плавных взят из древнерусских памятников.

Вся проблематика, связанная с этими звуками, сводится к трем вопросам:

- 1) каково происхождение этих звуков;
- 2) каковы были их фонетические особенности в праславянском языке и
- 3) как развивались эти звуки и каков конечный результат их развития в отдельных группах славянских языков или в отдельных славянских языках?

На первый вопрос нетрудно дать ответ: праславянские звуки *r* и *l* происходят из индоевропейских *r* и *l*.

В праславянском языке на месте *r* и *l* действительно были представлены *ьr*, *ьr*, *ьl*, *ьl*, т.е. сочетания с двояким редуцированным элементом, палатальным и велярным, и эти сочетания действительно звучали, как *ьr*, *ьr*, *ьl*, *ьl*, т.е. *r* и *l* в составе этих сочетаний выполняли функцию гласных. А для этого имеются несомненные доказательства: для первого положения – отношения **črьnъ* (ст.-ел. *črьnъ*, рус. *черный*, пол. *czarny*, серб.-хорв. *црн* < *чрн*: др.-прусс. *kirsnan*, др.-инд. *kṛṣṇás*), **žьltъ* (ст.-сл. *žьltъ*, рус. *желтый*, пол. *żółty*, словц. *žltý*, серб.-хорв. *жум*: лит. *gel̃tas*); **кьrkъ* (ст.-сл. *krьkъ*, чеш. *krk*, пол. *kark* ‘шея’, серб.-хорв. *кркаче* : др.-инд. *kṛçás* ‘скула’); **gьrdlo* (ст.-сл. *grьlo*, рус. *горло*, пол. *gardło*, чеш. *hrdlo*, серб.-хорв. *грло* : лит. *gurklỹs*) и т.д. Эти же отношения, т.е. палатализацию в одних случаях и отсутствие ее в других, нельзя было бы понять, во-первых, при отсутствии редуцированного перед *r* и *l* и, во-вторых, при отсутствии именно двоякого редуцированного перед *r* и *l*. Доказательствами же второго положения является закон открытого слога в праславянском языке, который в известную эпоху развития праславянского языка допускал только формы **vьlkъ*, **vьrba* со слоговыми *r* и *l* и не допускал форм **vьlkъ*, *vьrba* с консонантными *r* и *l*. Это позволяет нам заодно определить и звуковые особенности вокальных *r* и *l* в праславянском языке: они представляли своеобразные дифтонгические «сочетания», с первой неслоговой и второй слоговой частью, т.е.: *ʁr*, *ʁr*, *ʁl*, *ʁl*. Таким образом, дан ответ и на наш второй вопрос.

Переходим теперь к третьему вопросу: к развитию слоговых *r* и *l* в отдельных славянских языках.

Относительно простая ситуация наблюдается в восточнославянских языках, где имеются сочетания *or* и *er* вместо ʁr и ʁr и сочетание *ol* вместо ɔl и ɔl : *горло* < **gʁrdlo* (чеш. *hrdlo*, серб.-хорв. *грло*), *смерть* < **sʁmʁrtь* (чеш. *smrt*, серб.-хорв. *сртм*) и *долг* < **dʁlgъ* (словц. *dlh*, др.-серб. *dlgъ*), *волк* < **vʁlkъ* (чеш. *vlk*, пол. *wilk*).

О чем говорят эти и подобные рефлексы слоговых *r* и *l*? Они свидетельствуют о двух моментах. Во-первых, о том, что восточнославянские языки очень рано, раньше остальных славянских языков, утратили эти слоговые звуки, т.е. *r* и *l*. Только так можно объяснить тот факт, что в этих языках в позиции перед звуками *r* и *l* употребляются точно такие же звуки *o* и *e*, которые выступают и вместо бывших сильных редуцированных. И, во-вторых, что в восточнославянских языках утрата слоговых звуков *r* и *l* шла таким образом, что слоговость в сочетаниях $\text{ʁr}'$, ʁr , $\text{ɔl}'$, ɔl была перенесена со второй части на первую, редуцированную часть. Это означает, что развитие, например, прежнего сочетания ʁr шло в русском языке таким путем: $\text{ʁr} > \text{ʁr} > or$.

Особым вопросом является вопрос, связанный с развитием в восточнославянских языках сочетания с палатальным звуком *l'*, т.е. сочетания $\text{ɔl}'$, на месте которого в настоящее время всегда выступает сочетание *ol*. Как же возникло это сочетание? Оно возникло следующим образом: в составе прежнего сочетания $\text{ɔl}'$ изменилось качество *l*, который утратил свою палатальность. В результате появилось сочетание ɔl . Однако такой звук *l* не мог сохраниться, т.к. фонологическая система восточнославянских языков допускала употребление или *l* палатального либо палатализованного или *l* велярного (твердого). Восточнославянские языки не могли иметь в своей системе какой-то нейтральный звук *l*, который не относился бы ни к первой, ни ко второй категории. Поэтому этот новый *l* в дифтонгическом сочетании ɔl после утраты палатальности оказался на одной и той же фонологической линии с велярным *l*. В результате возник звук *l̥*, т.е. веляризованный, твердый *l*, а все дифтонгическое сочетание ɔl стало выступать как ɔl̥ . Новый, веляризованный звук *l̥*, благодаря регрессивной ассимиляции, оказал воздействие на предшествующий ему редуцированный, передвигая его в переднюю зону образования, т.е. *ɔ > o*. Схематически развитие палатального сочетания $\text{ɔl}'$ в восточнославянских языках можно представить таким образом: $\text{ɔl}' > \text{ɔl} > \text{ɔl̥} > \text{ɔl̥} > ol̥ > ol$.

Следовательно, восточнославянские языки, которые в отличие от других славянских языков лучше всего сохранили праславянское различие между *br'* и *br*, совершенно утратили различие между *br'* и *br*.

Для развития слоговых *r* и *l* в южнославянских языках характерны следующие три момента. Во-первых, переход *br*, *br*, *br*, *br* > *rb*, *rb*, *lb*, *lb*. Доказательством служат данные старославянского языка, где зафиксировано употребление *-rb-*, *-rb-*, *-lb-*, *-lb-*, вместо праславянских звуков *r* и *l*, и нет никаких оснований считать, что остальные южнославянские языки отличались в IX в. в этом отношении от старославянского. Во-вторых, утрата неслоговых *ь* и *ъ* и возникновение в связи с этим чистых, настоящих, по крайней мере теоретически, слоговых звуков *r* и *l*. Доказательством служит то, что вторичный редуцированный элемент в южнославянских языках появлялся, вне всякого сомнения, как перед плавными *r*, *l*, так и после них. А это можно понять только в том случае, если исходить из представления о прежнем наличии на месте этих сочетаний чистых слоговых звуков *r* и *l* (ср. серб.-хорв. (диал.) лужницкие *vl̃na*, *vl̃ci*, чакавские *ṽlna*, *ṽlna*, *derz̃at*, *b̃ardo*; болг. *вр̃х*, *тр̃н*, *вр̃ба*, *м̃лча*; слов. *d̃olg*, *t̃olst*). И, наконец, в-третьих, возникновение так называемых вторичных слоговых плавных *r* и *l*.

Когда, при каких условиях и каким образом могли появиться эти новые слоговые сонанты в южнославянских языках? Они возникли, во-первых, из древних праславянских сочетаний *rb*, *rb*, *lb*, *lb* (= *r + ь*, *r + ь*, *l + ь*, *l + ь*) в том случае, когда редуцированный после звуков *r* и *l* находился в слабой позиции (в русском языке в данном случае представлены сочетания *ro*, *re*, *lo*, *le*); во-вторых, они возникли из этих сочетаний потому, что редуцированные в позиции после *r* и *l* утратились и звуки *r* и *l* после утраты постпозитивного редуцированного стали носителями слоговости, т. е. стали слоговыми. Это наблюдается:

1) В формах им. п. ед. ч. *br̃st* (< *br̃stь*, укр. *бросать*), *kr̃v* (< *kr̃vь*, рус. *кровь*), *str̃m* (< *str̃mь*, рус. *стремнина*), *tr̃st* (< *tr̃stь*, рус. *трость*), *kr̃st* (< *kr̃stь*, рус. *крест*), *nỹm* (< *pl̃ьtь*, рус. *плоть*), *kỹn* (< *kl̃ьnь*, рус. *клен*).

2) В формах род. п. ед. ч. *br̃sti*, *kr̃ve*, *str̃ma*, *tr̃sti*, *kr̃sta*, *pl̃ti*, *kl̃na* слоговые плавные *r* и *l* являются фонетическими, т.е. они возникли закономерно, фонетическим путем, ибо редуцированный в этих формах оказался после плавных *r* и *l* в слабой позиции.

3) В примерах типа: *dr̃va* (< *dr̃va*, рус. *дрова*), *kr̃na* (< *kr̃pa*, рус. *кропать*), *kr̃hati* (< *kr̃chati*, рус. *кроха*), *bũva* (< *bl̃ьcha*, рус. *блоха*), *sỹza* (< *sl̃ьsa*, рус. *слеза*), *gỹtati* (< *gl̃ьtati*, рус. *глотать*) слоговые плавные *r* и *l* (> *u*) оказываются также фонетического происхождения, возникшими после

утраты редуцированного в слабой позиции. Вследствие же этой утраты редуцированного произошло обобщение основы в именах существительных и в форме род. п. мн. ч., где редуцированный находился в сильной позиции (ср.: **drъvъ*, **krъpъ*, **blъchъ*, **slъzъ*).

Все это имеет отношение, в принципе, и к остальным южнославянским языкам; во всех этих языках эти новые южнославянские слоговые плавные *r* и *l* и те прежние, общеславянские слоговые плавные *r* и *l* имели одну и ту же судьбу.

В южнославянских языках нет единства в отношении употребления современных рефлексов слоговых плавных *r* и *l*. В некоторых из этих языков до сих пор сохраняются слоговые *r* и *l*, в других же их больше нет; в одних языках эти звуки сохраняются лучше, в других – хуже; в одних языках слоговые плавные заменяются одними звуками, в других – другими звуками.

В болгарском литературном языке и в диалектах отсутствуют слоговые *r* и *l*; вместо них представлены сочетания *ъr*, *ъл* и *rъ*, *лъ* (в диалектах более частыми и обычными являются сочетания первого типа). В литературном языке эти сочетания распределены таким образом: *rъ* и *лъ* употребляются перед конечным согласным и в позиции перед сочетанием согласных, а *ъr*, *ъл* – перед одним согласным в середине слова (аналогичная картина наблюдается и в большинстве восточноболгарских диалектов, а также и в некоторых западных говорах). Исключений из этого правила достаточно.

Примеры: *връх*, *гръм*, *кръв*, *плът*, *жлъч*; *връбница*, *връшник*, *връзка*, *сръбкня*; но: *върба*, *дължина*, *обърнах се*, *сърбин*, *мълча*, *дълбок* и т. д.

В македонском литературном языке сохраняется слоговой *r*: *дрво*, *срце*, *смрт*, *крв*. А вместо слогового *l* представлено сочетание *ol*: *волна*, *волк*, *жолт*, *солнце*, *јаболка*.

Судьба слоговых плавных *r* и *l* в сербскохорватском языке не одинакова. До сих пор в нем сохраняется слоговой плавный *r* (за небольшим исключением, ср. употребление *er*, *ar*, *ri* < *r* в некоторых чакавских говорах). Что касается слогового *l*, то он или сохраняется – в диалектах или перешел в гласный *u*, что является общей (и единственной в литературном языке) заменой слогового *l* в сербскохорватском языке.

В словенском литературном языке сохраняется слоговой *r*, который произносится или как чистый слоговой *r* или как *ъr*. Слоговой плавный *l* в словенском языке отсутствует. Вместо него в литературном языке представлено сочетание *ou* (= *ol*): *voук* (*volk*), <*douг* (*dolg*), *žoуna* (*žolna*), *voуna* (*volna*), *soуz* (*solz*).

В двух западнославянских языках, чешском и словацком, также употребляются слоговые *r* и *l*. Но они не сохранились в этих языках в одинаковой степени: гораздо лучше эти звуки представлены в словацком, нежели в чешском языке. В словацком языке они сохранились, можно сказать, во всех позициях, в чешском же языке не во всех; в словацком языке,

кроме того, имеются как долгие слоговые \bar{l} , \bar{r} , так и краткие слоговые \bar{l} и \bar{r} , в чешском же языке – только краткие слоговые \bar{r} и \bar{l} .

(В чешском языке слоговой r сохранился во всех случаях, кроме позиции после согласных \check{c} и \check{z} ; после этих звуков слоговой r в конце XIV в. перешел в сочетание er . Примеры: *smrt, vrba, prst, trhati, hrst* (слвц. *vřšok, vřba, odtrhat', sřna*), но: *černý, červ, žernov* (слвц. *žrd', črvoč* но и: *čerpat', červ, červený*).

Развитие слогового l в чешском языке гораздо сложнее по сравнению с развитием в нем слогового r . В настоящее время в чешском языке слоговой l употребляется только в одном случае: на месте прежнего $\text{ɔ}l'$ ($>l' >l$) после губных согласных: *vlk, plný, vlna, mlčeti* и т. п. Во всех остальных случаях вместо бывшего слогового l , как велярного, так и палатального, представлено в современном чешском языке сочетание lu . Этот рефлекс lu находим:

а) вместо прежнего $\text{ɔ}l'$ ($>l' >lu$) во всех случаях: *hluk*, слвц. *hlk* ($<*g\text{ɔ}l'k\text{ɔ}$), *chlum*, слвц. *Chlm* ($<*ch\text{ɔ}l'm\text{ɔ}$), *mluva* ($<*m\text{ɔ}l'va$);

б) вместо прежнего $\text{ɔ}l'$ ($>\text{ɔ}l' >\text{ɔ}l' >l' >lu$) после согласных \check{c} и \check{z} : *člun*, слвц. *čln* ($<*č\text{ɔ}l'n\text{ɔ}$), *žlutý*, слвц. *žltý* ($<*ž\text{ɔ}l'ty$);

в) вместо прежнего $\text{ɔ}l'$ ($>\text{ɔ}l' >\text{ɔ}l' >l' >lu$) и прежнего $\text{ɔ}l'$ ($>l' >lu$) после согласных d , t , s : *dlouchý*, слвц. *dlný* ($<*d\text{ɔ}l'g\text{ɔ}$), *sloup*, слвц. *sl'p* ($<*st\text{ɔ}l'p\text{ɔ}$), *slunse* ($<*s\text{ɔ}l'nse$).

И в чешском, и в словацком языках, как и в южнославянских языках, встречаются вторичные слоговые плавные r и l , развившиеся из сочетаний $r\text{ь}$, $r\text{ь}$, $l\text{ь}$, $l\text{ь}$ перед слогом с гласным полного образования; ср. чеш.: *křavavý, křve, sřza, hřtati, trřvati, křnu, jabřko*. Здесь, конечно, имеется достаточное число «неправильностей» – обобщений одних основ за счет других. Ср. чеш. *křt* : *křta, sřz* : *sřza, hřt* : *hřtati, pleti* : *plet'*, *blecha* : *blech*.

В польском и лужицких языках судьба слоговых r и l была иной, нежели в чешском и словацком языках.

Для развития слоговых r и l в польском и лужицких языках характерны следующие три момента: а) отсутствие в них слоговых r и l ; б) переход редуцированного элемента в позиции перед прежними слоговыми r и l в гласный полного образования и в) переход этого редуцированного элемента обычно в иной гласный по сравнению с тем, в который перешли бывшие редуцированные в сильной позиции.

Первые два момента известны и восточнославянским языкам, третий же момент является чертой польского и лужицких языков. О чем свидетельствует эта черта? О том, что польский и лужицкие языки утратили слоговые r и l гораздо позже, чем восточнославянские языки; или, что то же самое, что слоговость с r и l была перенесена в этих языках на

предшествующий редуцированный тогда, когда уже прежние редуцированные в сильной позиции перешли в гласные полного образования. Так, несомненно, проще всего объясняется различие в рефлексах между редуцированными, развивавшимися в позиции перед слоговыми *r* и *l*, и прежними редуцированными, находившимися в сильной позиции.

Развитие слоговых *r* и *l* в лужицких языках в основном совпадает с развитием тех же звуков в польском языке.

Что касается рефлексов слогового *l* в лужицких языках, то они не всегда ясны, или, по крайней мере, не всегда последовательны.

Примеры: в.-луж. *wolna*, *polk*, *hołk* (< *g_olkъ*), *khołm* (< *ch_olmъ*), *kolbasa* (< *k_olbasa*), *čołn* (< *č_ol'нъ*), *žolty*, *dołhi*, *stołp*, *tołsty*: н.-луж. *walna*, *kjalbas*, *pólny*, *coln*, *žolc* (< *ž_ol'čъ*), *žolty*, *długi*, *stłup*, *tlusty*.

Лекция 7. Судьба дифтонгов в славянских языках

1. Дифтонги с сонантами \underline{i} и \underline{u} . Все они в позиции перед согласными и в конце слова монофтонгизировались, перешли в обычные гласные, и это произошло сравнительно поздно: после того, как индоевропейский гласный \bar{u} перешел в y , и после того, как задненебные согласные изменились перед индоевропейским гласным \bar{e} . Фонетический смысл монофтонгизации этих дифтонгов заключался в том, что первый компонент дифтонгов ассимилировался со вторым. Еще до монофтонгизации долгие дифтонги сократились, так что в период, предшествовавший монофтонгизации, в праславянском языке были представлены следующие дифтонги: $e\bar{i}$, $o\bar{i}$, $e\bar{u}$, $o\bar{u}$.

1) Дифтонг $e\bar{i}$ ($<e\bar{i}$, $\bar{e}\bar{i}$). Он перешел в гласный i : *krivъ*, лит. *kreĩvas*; *iti*, греч. $\epsilon\bar{\iota}\mu$, др.-прусс. *per-eit*, лит. *eĩti* $< *ei-$.

2) Дифтонг $o\bar{i}$ ($<o\bar{i}$, $a\bar{i}$, $\bar{o}\bar{i}$, $\bar{a}\bar{i}$). Результаты его изменения были различны в позициях середины и конца слова.

В середине слова он всегда переходил в гласный \bar{e} : *cěna*, лит. (жем.) *káina*, греч. $\rho\omicron\iota\nu\eta$ $< *k^u\bar{o}ina$; *lěvъ*, лат. *laevus*, греч. $\lambda\alpha\iota\phi\acute{o}\varsigma$ $< *laj\bar{u}os$; *vědě* греч. $\phi\omicron\iota\delta\alpha$, гот. *wait*, др.-прусс. *waidiai* $< *u\bar{o}id$; *sněgъ*, гот. *snaiws*, др.-прусс. *snaygis*, лит. *snaĩgala* $< *snoig^uh-$.

В конце слова дифтонг $o\bar{i}$ давал то гласный \bar{e} , то гласный i :

1) $o\bar{i} > \bar{e}$: мест. п. ед. ч. *plotě*, ср. греч. $o\bar{\iota}κοι$ ($< *o\bar{i}$); дат. п. ед. *rqcě*, лит. *raĩkai*, ср. греч. $\vartheta\epsilon\bar{\alpha}\bar{\iota}$ ($< \vartheta\epsilon\bar{\alpha}\bar{i}$) ($< *-\bar{a}\bar{i}$); мест. п. ед. ч. *rqcě*, ср. греч. $o\lambda\upsilon\mu\pi\acute{\iota}αι$, лат. *Romae* ($< *-\bar{a}\bar{i}$);

2) $o\bar{i} > i$. им. п. мн. ч. *ploti*, ср. лит. *výrai*, греч. $\lambda\acute{o}κοι$ $< *o\bar{i}$; повел. накл. ед. ч. *nesi*, ср. др.-прусс. *immais* «возьми», *dāσαι*, «пусть даст»; повел. накл. ед. ч. *beri*, ср. греч. $\phi\acute{\epsilon}ροις$, $\phi\acute{\epsilon}ροι$ $< bh\acute{e}ροις$, *bh\acute{e}ροit*.

Условия, при которых дифтонг $o\bar{i}$ в праславянском языке переходил то в \bar{e} , то в i , остаются еще невыясненными. Существует две полностью противоположных точки зрения, хотя они базируются на одном и том же материале: точка зрения Солмсена и точка зрения Гуйера. Согласно Солмсену, краткие дифтонги типа $o\bar{i}$, монофтонгизируясь, переходили в гласный \bar{e} , если находились под восходящей интонацией, под нисходящей же интонацией они давали гласный i ; долгие дифтонги, типа $a\bar{i}$, всегда давали гласный \bar{e} . Согласно Гуйеру, праславянский дифтонг $o\bar{i}$ под восходящей интонацией давал гласный i , а под нисходящей – гласный \bar{e} .

3) **Дифтонг** *eu* (< *eu*, *ēu*). Монофтонгизируясь, он перешел в *ju* < 'у: *bljudŕ* < **bjudŕ*, греч. (гомер.) *πέβρομαι*, гот.-*biuda* < **bheudh-*; **pl'utiā* (слов. *pljúča*, словц. *pl'úca*), др.-прусс. *plauti*, греч. *ρλέβρων*; *ljudyje*, лит. *liáudis*, нем. *Leute* < **leudh-*; *ljubъ*, гот. *liufs* < **leubhos*.

4) **Дифтонг** *ou* (< *ou*, *au*, *ōu*, *āu*). Монофтонгизируясь, он перешел в гласный *u*: *duchъ*, лит. *daūsas* < **doūsos*; *buditi*, лит. *pasibaudyti*, др.-инд. *bodháyati* < **bhoudh-*; *suchъ*, лит. *saūsas*, греч. *αῶς* < *saūsos*; мест. п. ед. ч. *synu*, ср. лит. (диал.) *dongou* < **dangōu* (*dangūs* «небо») < *-*ōu*.

Возникает вопрос: почему в праславянском языке дифтонги с неслоговыми *i* и *u* монофтонгизировались? Здесь значительную роль сыграл закон открытого слога. Вот какую роль и каким образом.

До действия закона открытого слога существовали формы вроде **veidos*, т. е. существовал тавтосиллабический характер дифтонга. Когда начал действовать закон открытого слога, то возникло другое деление на слоги: **veidos*. Но такое произношение было невозможно. Поэтому неслоговой компонент дифтонга был вокализован, в результате возникло **ve-i-dos*; следовательно, вместо двусложного слова возникло трехсложное. Затем возникла ассимиляция: **ve-i-dos* > *vi-i-dos*. И, наконец, произошло стяжение: *vīdos* > *vidъ*.

Аналогичная картина наблюдалась и у других дифтонгов с сонантом *u*: **douchos* > **do-uchos* > **do-u-chos* > **dó-u-chos* > **du-u-chos* > **duchos* > **duchъ*.

Известное исключение из общего правила представляет дифтонг *oi* > *ě*. Здесь следует предположить такое или подобное развитие: **k^ho-i-na* > **k^ho-e-na* > **kěna* > *сěna*.

2. Дифтонги с сонантами *n* и *m*. Они происходят из индоевропейских сочетаний «гласный + *n*, *m* + согласный» и «гласный + *n*» в конце слова. Эти сочетания в праславянском языке в известных, но не всегда точно определенных условиях развились в носовые гласные *ę* и *ŕ*.

Например:

1) Праславянский гласный *ę* происходит:

а) из индоевропейских сочетаний *en*, *em* + согласный: *peŕъ*, лит. *peĩktas*, греч. *πέμπτος* < *penk^htos*; *jětro*, греч. *ἄντερα*, др.-инд. *antrám* < **en-*; вин. п. мн. ч. *dušę* < **duchjens* < **duchjions* < **duchjians*, ср. греч. *τιμάνης*; вин. п. мн. ч.

kraje < **krajens* < **krajons*; ср. греч. *λόκωνς*; действ. прич. наст. вр. *znaje* < **znajens* < **znajon(t)s*, ср. лит. *vežās*;

б) из балто-славянских сочетаний *in*, *im* = слав. *ьн*, *ьт* < индоевропейским «*ŋ*, *ŋ* + согласный» (при условии, что этот согласный не являлся конечным *s*): *devětъ*, греч. *ἑνατος*, др.-прусс. *newīnts*, лит. *deviñtas* < **neun̥to-*; *čestъ*, лит. *kiñštas* < **kŋ-*; *desětъ*, лит. *dešiñtas*, греч. *δέκατος*, гот. *taihunda*; *jęзыкъ*, др.-прусс. *insuwis*, лат. *lingua* < *dingua*, др.-в.-нем. *zunga* < **ŋg'hu-*; *rěsě* < **rēksŋt*

в) из индоевропейского сочетания *ēn* в конце слова: *mę*, *tę*, др.-инд. *mām*, *tvām*;

г) из индоевропейского сочетания «*in* + согласный»: 3 л. мн. ч. наст. вр. **molětъ* < **molīnti*; действ. прич. наст. вр. ст.-сл. *chvalęšta* < **chvalīntja*;

д) из сочетания *in* в заимствованных словах: *kъnędzъ* < гот. **kuning-*; *vitędzъ* < др.-исл. *vikingr*.

2) Праславянский гласный *o* происходит:

а) из индоевропейских сочетаний «*on*, *an*, *om*, *am* + согласный» (при условии, что этот согласный не являлся конечным *s*): *rōka*, лит. *rankà* < **ronka*; *pōtъ*, лат. род. п. *pontis*, др.-инд. *pánthās* < **ponth-*; *berōtъ*, греч. (дорич.) *φέρωντι*, лат. *ferunt*, др.-инд. *bháranti* < **bheronti*; *zōbъ*, лит. *žam̃bas*, греч. *γόμφος*, др.-инд. *jám̃bas* < **g'ombhos*; *oqlъ*, лит. *angulus*, арм. *ankiun* < **anglo-*; 3 л. мн. ч. аор. *mogō* < *(*e*)*moghont*;

б) из индоевропейских сочетаний *ān*, *ōn* в конце слова: *rōkō*, лит. *rañka*, др.-прусс. *rankan* < **ronkān*; *berō*, греч. *φέρω*, лат. *ferō*, лит. *beriu* < **bherō(+n)*;

в) (возможно) из балто-славянских сочетаний *in*, *im* – слав. *ьн*, *ьт* < *ŋ*, *ŋ* + согласный: *dōti* < **dmti*, лит. *dūmti*: слав. *dьmō*; *gōba*, лит. *guñbas* < **gŋb-*.

Здесь следует отметить два факта: 1) особое развитие сочетаний «краткий гласный + *n*» в конце слова и 2) особое развитие сочетаний *-ins*, *-ьns* < *-ŋs*, *-uns*, *-ons*, *-ans*, тоже в конце слова.

Сочетания первого типа - «краткий гласный + *n*» - развивались таким образом:

а) сочетания *in*, *ьн* < *ŋ* дали *ь*: вин. п. ед. ч. *kostъ*, ср. лит. *ánti*, греч. *τμήν*, др.-инд. *mátim* < **-in*; *materъ*, греч. *μητέρα*, лат. *mātrēm*, лит. *móterį* < **-ŋ*;

б) сочетания *un, on* > *un* дали *ъ*: *synъ*, лит. *sūņų*, др.-инд. *sūnīm*, ср. греч. *πῆχυν* < **un,-* **vьlkъ*, лит. *vilką*, др.-инд. *vīkam*, греч. *λυκόν*, лат. *lupum* < *lupom* < **-on*; 1 л. ед. ч. аор. *dvigъ*, греч. *□φερον* < **-on*.

Сочетания второго типа – *-ins, -ьns, -uns, -ons, -ans* – развивались таким образом:

а) сочетания *-ins, -ьns* < *ns* дали *i*: вин. п. мн. ч. *gosti*, гот. *gastins*, греч. (крит.) *πόλινς* < **-ins*; вин. п. мн. ч. *materi*, греч. *μητέρας*, лит. *móteris*;

б) сочетания *-uns, -ons, -ans* дали *y*: вин. и. мн. ч. *synu*, гот. *sununs*, ср. греч. (крит.) *—ύνς* < **-uns*; вин. п. мн. ч. *ploty*, гот. *wulfans*, греч. (крит.) *λύκωνς* < **-ons*; действ. прич. наст. вр. *vedy*, лит. *vedq̃s* < **-on(t)s*; вин. п. мн. ч. *sestry*, греч. (крит.) *τιμάνς* < **-ans*.

Теперь можно задать три основных вопроса: 1) почему и каким образом возникли праславянские носовые гласные; 2) почему в праславянском языке не сохранились так называемые высокие и низкие носовые гласные *i, u, a*, которые имеются, например, в литовском языке, и 3) были ли праславянские носовые гласные чистыми носовыми звуками или они были дифтонгами?

Ответ на первый вопрос.

Опорой только на закон открытого слога, как это делает Нахтигал, невозможно объяснить возникновение праславянских носовых гласных, ибо, например, праславянское слово **sventos* в соответствии с этим законом дало бы **sve-ntos* > *svetos*. Но тем не менее нельзя говорить, что закон открытого слога не оказал влияния на окончательное формирование праславянских носовых гласных; оказал, но только в завершающей фазе их развития.

А в чем заключалось их развитие?

Возьмем в качестве примера праславянское **sventos*. По нашему мнению, развитие сочетания «*en* + согласный» происходило в данном слове таким путем: **sven-tos* > **svęn-tos* > **svę-ntos* > **svętos* > **svęntь*. А это означает, что прежде всего у согласного *n* артикуляция разделилась на два компонента: на носовой компонент, который присоединился к предшествующему гласному, и неносовой, ротовой компонент, сохранившийся в самостоятельной артикуляции. И все это происходило до начала действия закона открытого слога. Затем началось действие закона открытого слога, согласно которому неносовой компонент был присоединен к последующему согласному. Так возникло сочетание *nt*, неудобное для произношения и в составе которого *n* редуцировался, утратился.

Так происходило во всех случаях, когда в праславянском языке возникали носовые гласные.

Ответ на второй вопрос.

В праславянском языке этимологическое сочетание *in* имело двойное развитие: одно в середине слова, где сочетание *in*, монофтонгизируясь,

давало $i > e$, а второе в конце слова перед согласным s , где сочетание in давало $i > \bar{i}$. Для этимологического сочетания in в середине слова отсутствуют бесспорные примеры. В конце слова перед согласным s это сочетание давало $u > \bar{u} > y$. Возникает вопрос: почему в одном случае, в середине слова, i сохранил свою назальность и перешел в e , а во втором случае, в конце слова, деназализовался, дал i ? Ответ на этот вопрос прост: у носовых i и u пришли в столкновение две артикуляции: высокая ротовая артикуляция и низкая назальная артикуляция. В середине слова перевес одержала вторая артикуляция, и i , следуя за назальной артикуляцией, перешел в e . В конце же слова преимущество оказалось за первой артикуляцией, и i и u , следуя за ротовой артикуляцией перешли в \bar{i} и $\bar{u} > y$.

Кроме того, в праславянском языке были условия для возникновения носового гласного a . Например, вин. п. типа $*ronk\bar{a}n$. И во-вторых, в праславянском языке не сокращались дифтонги с сонантами n , m , как это происходило у дифтонгов с сонантами i и u . Доказательство: $r\check{o}k\check{o} < *ronk\bar{a}n$, $du\check{s}\check{o} < *duchj\bar{a}n$. Если бы эти дифтонги сокращались, то возникли бы формы вин. п. $*rok\check{u}(n)$, $*du\check{s}e(n)$. Следовательно, конечное $\bar{a}n$ прямо перешло в носовой гласный. Но в какой? Первоначально, во всяком случае, в a , который позднее перешел в o . Это говорит о том что праславянский \bar{a} был звуком очень высокой артикуляции, поэтому высокий a легко переходил в низкий o .

И, наконец, развитие сочетаний $-ьn$, $-ьп (< -n)$ в носовые e , o объясняется достаточно просто. Праславянские полугласные являлись звуками колеблющейся артикуляции: артикуляция звука $ь$ колебалась между i и a , а артикуляция звука $ь$ колебалась между u и a . Поэтому нет ничего удивительного, что и праславянские звуки \check{b} и \check{p} , сохранив назальность перешли в e и o , т. е. носовые гласные среднего ряда.

Ответ на третий вопрос.

В наличии носовых гласных, настоящих, чисто носовых гласных, в праславянском языке никто до Трубецкого не сомневался. Он же высказал свою точку зрения на природу праславянских носовых гласных. В чем она заключается?

Трубецкой утверждает, что носовых гласных в праславянском языке вообще не было. Он полагает, что звуковое качество праславянских дифтонгов с сонантами n и m было таким: или «гласный + n , m » или «гласный + n , m » (редуцированные n , m). Первое сочетание (с сонантами полного образования) встречалось в одних праславянских диалектах, а второе сочетание (с редуцированными сонантами) – в других: первое

сочетание наблюдалось в тех славянских языках, в которых имеются расщепленные носовые гласные (польский и полабский языки, некоторые словенские и македонские диалекты), второе же сочетание – в тех славянских языках, в которых вместо носовых гласных представлены ротовые гласные (остальные славянские языки). Или, говоря конкретно: современные македонские диалектные формы *чендо* и *пенток* отражают в отношении сочетания *en* исконное, праславянское состояние, а в сербскохорватских формах *чедо* и *петак* гласный *e* возник вследствие утраты редуцированного *n* в сочетании *eⁿ*.

На что ссылается Трубецкой, объясняя таким образом праславянские носовые гласные?

Во-первых, на глаголические буквы для передачи гласных *ę* и *ǫ*: с буквами *ǣ* и *ǫ*; что касается второй части этих букв, то он считает, что ею обозначается не носовой характер предшествующих гласных *e* и *o*, как полагали другие исследователи, а редуцированные *n* и *m* = *n*, *m*. Следовательно, старославянский язык имел не носовые гласные *ę* и *ǫ*, а сочетания *eⁿ* и *oⁿ* (*e^m* и *o^m*), заменившие праславянские дифтонги с сонантами *n* и *m*.

Во вторых, он ссылается на польский язык. В польском литературном языке и в большинстве польских диалектов подлинные чистые носовые гласные находим в настоящее время в позиции перед фрикативными согласными. В остальных же случаях, т. е. в позиции перед взрывными согласными и аффрикатами, представлено сочетание гласного *o* или *e* + носовой согласный *n* или *m* в зависимости от последующего согласного: *wąs* = *vqs*, *dążyć* = *dqžyč*, *ząb* = *zomp*, *mądry* = *mondry*, *ręka* = *renka*.

Такие польские сочетания гласного с носовым согласным, по мнению Трубецкого, отражают прежнее праславянское состояние, а носовые звуки появились в результате нового польского развития праславянских сочетаний «гласный + *n*, *m*», ибо, рассуждает далее Трубецкой, гораздо естественнее предположить развитие их в известных случаях в носовые гласные, нежели разложение прежних носовых гласных *ę* и *ǫ* в сочетания *en* и *on*. При этом делается ссылка на литовский и древнеиндийский языки, в которых, подобно польскому, подлинные чистые носовые гласные находим, в основном, только в позиции перед фрикативными согласными, сочетания же «гласный + *n*, *m*» – во всех остальных случаях.

Рефлексы и развитие носовых гласных в славянских языках

После всего того, что мы сообщили о новых и новейших теориях о носовых гласных, нет никакого основания не верить, что в праславянском языке в последней стадии его развития существовали носовые гласные *ǫ* и *ę*. Вопрос только в том, как эти звуки развивались в отдельных славянских

языках. Результаты развития неодинаковы: в одних славянских языках они сохранились, в других перешли в чистые ротовые гласные, в третьих же вместо них употребляются как ротовые гласные, так и расщепленные носовые гласные. Это – во-первых, и это касается носовой артикуляции прежних носовых гласных. Во-вторых, то, что касается их ротовой артикуляции: очень возможно и точно также естественно, что для носовых гласных не была характерна одна и та же артикуляция на всей праславянской языковой территории, что еще в праславянском языке в одних диалектах могли быть открытые или более открытые звуки, а в других – обычные или более закрытые гласные. Это можно заключить, во-первых, на основании их современных рефлексов в отдельных славянских языках или в отдельных группах славянских языков и, во-вторых, на основании звуковой природы самих носовых гласных: известно, что назальность способствует неустойчивости артикуляции гласных.

И далее: нет ничего невероятного в том, что деназализация происходила одновременно во всех славянских языках. Вполне вероятно, однако, что деназализация не происходила одновременно во всех диалектах отдельных славянских языков. Возможно, что в некоторых диалектах раньше деназализовался один гласный и только потом другой. Не вызывает сомнения, что для деназализации имело значение и само положение гласного в слове.

В восточнославянских языках носовой гласный *q* перешел в *и*, а носовой гласный *ε* в *'a*: рус. *рука, пять*. Не вызывает сомнения, что праславянский *q* перешел в русский *и* путем косвенной деназализации – через $q^u > \text{ц}^o > \text{ц} > \text{и}$ и что развитие праславянского гласного *ε* в восточнославянское *'a* шло таким путем: $\text{ε} > \text{'q̄} > \text{'q} > \text{'a}$.

Когда же в восточнославянских языках носовые гласные утратили назальность? Во всяком случае еще до начала X в. В пользу такой хронологии говорит, с одной стороны, сходство рефлексов для носовых гласных во всех трех восточнославянских языках, а с другой стороны, заимствованные из русского языка слова *Веробѣтѣ* = рус. *Вьроучи* (название одного порога на Днепре) и *Неасѣт* = рус. *Неясыть* < *nejesyti* (название другого порога на Днепре), в составе которых у Константина Багрянородного (912-959 гг.) представлены *ov* и *α* вместо русских *у (<q)* и *я (<je)*.

Словенский язык – притом единственный из всех славянских – пережил так называемую прямую деназализацию обоих носовых гласных: в нем носовой гласный *q* перешел в гласный *o*, и это является общим словенским рефлексом праславянского *q*, а носовой гласный *ε* перешел в гласный *e*, и это является общим словенским рефлексом праславянского *ε*; ср.: *roka, zob, dob, greda, pet*.

Основываясь на данных Фрейзингенских отрывков и словенских собственных имен и географических названий, встречающихся в немецких источниках X и XI вв., Рамовш предполагает, во-первых, что XI в. представляет собой период, когда в словенском языке началась деназализация носовых гласных, а во-вторых, деназализация происходила и произошла раньше всего в южных и примыкающих к ним на юге словенских диалектах и лишь позднее – в северных и примыкающих к ним на севере диалектах.

В сербскохорватском языке гласный *o* также перешел в *u* и при этом тем же путем, что и в восточнославянских языках; что касается гласного *ę*, то он перешел в *e*; ср.: *рука, зуб, дуб, греда, пет*. Тем не менее имеются данные, что и прежний сербскохорватский *ę* мог быть гласным открытого типа: в чакавских диалектах – как в восточных, так и в западных – *ę* после согласных *j, ĉ, ž* перешел в *a*; ср.: *jazik, zajac, žaja, роџат*; ср. и др.-серб. *при "ти, за "ти*. С другой стороны, чакавский (среднеистрийский) гласный *o* (= *uo, o*) < *o* свидетельствует о том, что праславянский *o* не являлся закрытым звуком на всей территории распространения сербскохорватского языка.

Когда произошла утрата носовых гласных у сербов и хорватов? Трудно дать точный ответ. Несомненно только одно: в их языке носовые гласные присутствовали до второй половины X в. Об этом свидетельствуют формы *Montimirus, Muntimirus* в латинских грамотах 872 и 892 гг. и форма *Μονντιμῆρος* у Константина Багрянородного.

Македонский литературный язык имеет гласный *a* вместо *o* и гласный *e* – вместо *ę*: *рака, пат, греда, пет*. Такова же картина и в брсяцком диалекте, в мяцком же диалекте: *ó > o, o > a*.

Развитие носовых гласных в болгарском языке достаточно сложно. Поэтому с большей уверенностью можно говорить о современных рефлексах праславянских носовых гласных в различных болгарских говорах, нежели о том, в каком историческом отношении находятся эти рефлексы по отношению друг к другу.

Болгарский язык, прежде всего, – язык, отразивший в своей истории мену носовых, т. е. переход одного носового гласного в другой. Эта мена носовых – переход *ę > o* после согласных *š, ž, ĉ, c* и *j* и переход *o > e* после мягких согласных *r', l' и n'* – является главной особенностью так называемых среднеболгарских памятников или памятников болгарской редакции старославянского языка. Что касается рефлексов носовых гласных в болгарском языке, то дело обстоит следующим образом. В болгарском литературном языке вместо гласного *ę* представлен *e*: *греда, пет*. Этот же гласный *e* обнаруживается на месте *ę* во всех болгарских диалектах, сохраняющих противопоставление рефлексов *ę* и *o*. Вместо прежнего гласного *o* в болгарском литературном языке представлен *ъ* как в корневых,

так и в конечных слогах: *ръка, зъб, път, гъст, плета – плеть, плетат = плетът*.

В чешском и словацком языке гласный *q* перешел в *u* (уже в XI в.), судя по всему тем же путем, что и в сербскохорватском и восточнославянских языках; ср.: чеш. *ruka, dub, louka* < *lūka, soud* < *sūd*, словц. *ruka, dub, lúka, súd*.

Между тем, развитие носового гласного *ę* было достаточно сложным и различным для обоих языков. Видимо, произношение праславянского *ę* в чешском и словацком языках было первоначально одинаковым = *'ǣ*, который после деназализации превратился в *'ä* долгий и краткий. Долгий гласный *'ä*, как все долгие гласные ряда *e*, дифтонгизировался: *'ä* > *'iä*. В результате получились *'ä* в кратких и *'iä* в долгих слогах в качестве общих чешских и словацких рефлексов праславянского гласного *ę*. Дальнейшее развитие этих звуков пошло в чешском языке одним путем, а в словацком – другим.

В чешском языке *'ä* и *'iä* в позиции перед слогом с гласным переднего ряда и в конце слова развивались так же, как этимологические гласные *'ǣ* и *'ā*: *'ä* > *e* (после согласных *p, b, m, v = ě*, после согласных *t, d, n = 'e*), а *'iä* > *ie* > *ī*. В позиции же перед твердым слогом: *'ä* > *ǎ*, а *'iä* > *ā*. Отсюда чешские формы: *deset* (< *desęť*), *jehně* (< *jagnę*), *zet'* (< *zęť*), *pět* (< *pęť*): *tah* (< *tęgъ*), *maso* (< *męso*); или: *vzíti* (< *vzęti*), *měsíc* (< *męsęць*): *pátý* (< *pętyjъ*), *páta* (< *pęta*), *vázati* (< *vęzati*).

Словацкие говоры не имеют единого рефлекса праславянского *ę*. В среднесловацких говорах, которые составляют основу словацкого литературного языка, гласный *'ä* дал или гласный *ä* в позиции после губных согласных (*mäso, päť, sväzok*), или гласный *a* (*desat'* < *desęť*, *zat'* < *zęť*, *kura* < *kerę* в позиции перед которым согласные *t, d, n, l* были мягкими: *t'ah* (< *tęgъ*), *jahňa* (< *jagnę*), *hl'adat'* (< *ględati*). Прежнее *'iä* после утраты нюанса *e* у второго компонента дифтонга перешло в этих говорах в *ia*: *piatok* (< *pęťкъ*), *piaty* (< *pętyjъ*), *viazat'* (< *vęzati*), *vziat'* (< *vъzęti*), *riad* (< *ręď*).

В польском языке до сих пор сохраняются носовые гласные *ę* и *ą*, (= *q*), однако с рядом ограничений, о которых говорилось выше. Современные польские гласные *ę* и *ą* не являются непосредственными заменителями праславянских гласных *ę* и *q*. Прежние носовые гласные в польском языке совпали: оба перешли в течение XIV в. в гласный *ą*. Но прежние различия между носовыми гласными сказались на качестве предшествовавшего согласного: если гласный *ą* < *q*, тогда согласный был твердым, а если гласный *ą_* < *ę*, тогда согласный был мягким. Поэтому в современном польском языке имеется: *dąb – dąp* (< *dąbъ*), *mądry* (< *mądryjъ*), *ręka* (< *rąka*),

będe (< *bōdō*), *mięso* (< *męso*), *pamięć* (< *paṃęty*), *pięć* (< *pęty*), *miesiąc* (< *męsęcy*), *poglądać* (< *poględati*), *ciągnąć* (< *tegnōti*), *piętro* (< *pętro*).

Полабский язык так же, как все языки лехитской группы, сохраняет носовые гласные.

В лужицких языках наблюдается в основном та же ситуация, что в чешском и словацком.

а) В обоих лужицких языках носовой гласный $o > u$: *ruka*, *dub*, *mudry*.

б) В обоих лужицких языках, как в чешском и словацком, гласный e имел некогда широкое образование: $'\ddot{e}$. Этот гласный изменился затем в \ddot{a} , т. е. $'\ddot{e} > '\ddot{a}$. Дальнейшая судьба этого гласного $'\ddot{a}$ была неодинакова в верхне- и нижнелужицком языках. В верхнелужицком языке перед твердым согласным гласный $'\ddot{a}$ изменился в $'a$, а перед мягким согласным и в конце слова – в гласный \ddot{e} (т. е. в гласный $'e$ широкого образования): *hladać*, *hrjada*, *mjaso*, *howjado*; *pjěć*, *džewjěć*, *bremjě*. В нижнелужицком языке заместителями гласного $'\ddot{a} < e$ также являются два гласных: гласный $e (=i^e)$ в ударном, т. е. начальном слоге слова, и гласный $e (=$ открытому гласному \ddot{e} или закрытому гласному \hat{e} : гласный \ddot{e} перед твердым согласным, а гласный \hat{e} перед мягким согласным) в безударных слогах. Ср.: *glědaś*, *grěda*, *měso*, *pěś*; *gowjědo*, *žewjěś*, *mjasęc*, *kozlětko*, *poěždaś*, *dosěgaś*.

Дифтонги с сонантами *r* и *l*.

Это дифтонгические сочетания, которые (следуя за Миклошичем, обозначавшим буквой *t* согласный вообще) передаются условно как сочетания типа *ort*, *olt*, *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*. Об этих сочетаниях очень много написано, но их развитие остается до сих пор для нас не вполне ясным.

О рефлексах сочетаний типа *tort* в славянских языках дает представление следующая общая схема:

пра сла- вянский язык	юж носла- вянская группа	чех осло- вацкая группа	лех итская и лужицка я группы	вост очно- славянск ая группа
<i>*or</i>	<i>ra</i>	<i>ra</i>	<i>ro</i>	<i>oro</i>
<i>*er</i>	<i>rě</i>	<i>rě</i>	<i>ar</i>	<i>ere</i>
<i>*ol</i>	<i>la</i>	<i>la</i>	<i>re</i>	<i>olo</i>
<i>*el</i>	<i>al</i>	<i>lě</i>	<i>lo</i>	<i>olo</i>
	<i>lě</i>		<i>le</i>	
			<i>lo</i>	

Примеры:

гот. *gards*, лит. *gaĩdas*; ст.-сл. *gradъ*, болг. *град*, мак. *град*, серб.-хорв. *grād*, слов. *grad* – чеш. *hrad*, словц. *hrad* – пол. *gród*, полаб. *gorg* < *gard*, н.-луж. *grod*, в.-луж. *hród* – рус. *город*, укр. *город*;

д.-в.-нем. *berg*: ст.-сл. *brěgъ*, болг. *брегът*, мак. *брег*, серб.-хорв. *brūjer* слов. *breg* – чеш. *břeh* < *brěh*, словц. *breh* – пол. *brzeg*, полаб. *breg*, в.-луж. *brjoh* < *brěgъ*, н.-луж. *brjog* – рус. *берег*;

алб. *kał* < **kals*: ст.-сл. *klasъ*, болг. *клас*, мак. *клас*, серб.-хорв. *klās* – слов. *klas* – чеш. *klas*, словц. *klas* – пол. *kłos*, полаб. *klos*, в.-луж. *klós*, н.-луж. *klós* – рус. *колос*;

лат. *melca*: ст.-сл. *mlěko*, болг. (мн. ч.) *млека*, мак. *млеко*, серб.-хорв. *млијèко*, слов. *mleko* – чеш. *mléko*, словц. *mleko* – пол. *mleko*, в.-луж., н.-луж. *mloko* < *mleko* (Якубица – *mleko*) – рус. *молоко*.

а) Южнославянские языки. В них представлена, во всех в одинаковой степени, так называемая метатеза с удлинением предшествовавшего плавному гласного *o* и *e*.

б) Западнославянские языки. В отношении развития сочетаний типа *tort* западнославянская языковая область делится на две части: 1) на чехословацкую языковую группу, в которой, как и в южнославянских языках, находим так называемую метатезу с удлинением предшествовавшего плавному гласного (т. е. сочетания *trat*, *tlat*, *trět*, *tlět*); это изменение не имеет никаких исключений в чешском и словацком языках; и 2) на лехитско-лужицкую группу, в которой также находим так называемую метатезу, но без удлинения гласного (т.е. сочетания *trot*, *tlot*, *tret*, *tlet*). В лужицких языках изменение подобного типа наблюдается всегда. В языках же лехитской группы встречается два характерных отличия. Что же представляют собой эти отличия и как они проявляются?

Первое отличие касается сочетания *tort*. Вместо этого сочетания в языках лехитской группы наблюдается два рефлекса: *-ro-* и *-ar-*. Эти рефлексы по отдельным языкам распределены следующим образом: в польском языке почти всегда употребляются сочетания с *-ro-*; сочетания с *-ar-* встречались в нем крайне редко и сохранились, в основном, только в географических названиях и в именах собственных; в кашубском языке основным рефлексом являются сочетания с *-ro-*, но имеется достаточное количество слов и с *-ar-*: *brona* || *barna*, *prog* || *parg*, *prox* || *parx*, *wrota* || *warta*, *prosq* || *parsq*; в словинском языке основным рефлексом является *-ar-*, но встречаются слова и с *-ro-*: *bárna*, *bárda*, *stárna*, *vârna*, *pârх*, *pârу*, *mârз*, *mârк*, *vârта*, *pârsq*, *króvǎ*; и, наконец, в полабском языке почти всегда употребляется *-ar-* > *-or-*: *gorx*, *korvó*, *morz*, *stórnǎ*; сочетание *-ro-* встречается в нем только в двух словах: *bródǎ*, *broďavaicǎ*.

Второе отличие – чисто фонетическое – касается развития сочетания *telt* в полабском, кашубском и словинском языках. В этих языках и диалектах праславянское сочетание *telt* довольно рано подверглось лабиовеляризации, вызвавшей изменение *telt* > *telt* > *tołt*. В полабском языке эта

лабиовеляризация осуществлена полностью, в словинском языке – почти полностью, в кашубском же языке только частично.

в) Восточнославянские языки. Они при развитии сочетаний типа *tort* отличаются от южных и западных славянских языков в двух отношениях: во-первых, в них отсутствуют какие-либо принципиальные отличия от общей линии развития; и, во-вторых, для них характерна не метатеза, а так называемое восточнославянское «полногласие» (т. е. сочетания *-oro-*, *-ere-*; *-olo-*). Отступление от нормы – не в смысле общей линии развития, а в более узком, фонетическом смысле – составляет только развитие сочетания *telt* > *tolot*, В данном случае праславянское сочетание также пережило довольно раннюю лабиовеляризацию, т. е. *telt* > *telt* > *tolt*.

Нет ни одного славянского языка, в котором бы дифтонги с сонантами *r* и *l* остались неизменными. О чем это свидетельствует? Это свидетельствует о том, что эти дифтонги подверглись изменениям в известной степени уже в праславянском языке. Каким образом и в каком направлении? Это связано с законом открытого слога. Согласно этому закону, уже в праславянском языке вместо исходного **vor-na* должно было возникнуть **vo-rna* и затем *vo-ŕna* > *vo-ŕ-na*. Все дальнейшее развитие сочетаний типа *tort* в отдельных группах славянских языков осуществлялось неодинаково и зависело от того, каким образом компенсировалась в них утрата слоговости у звука *r*. Это развитие, следовательно, протекало следующим образом.

1) Развитие сочетаний типа *tort* в южнославянских языках и в чехословацкой группе схематически выглядит так: *vo-ŕ-na* > *vōr-na* > *vār-na* > *vrana*, В сочетании *tolt* в южнославянских языках было возможно и такое развитие: **zo-l-to* > **zōl-to* > **zāl-to* > *zalyto* > *zalto*. Отсюда видно, что вновь возникавший закрытый слог в южнославянских языках мог быть устранен двумя путями: или путем метатезы, или путем развития так называемого «паразитического» полугласного.

2) Развитие сочетаний типа *tort* в лехитской и лужицкой группах схематически выглядит так: **vo-ŕ-na* > *vor^ona* > *v^orona* > *vrōna* > *vrǒna* (т. е. произошло сокращение долгого гласного *o*). Отсюда видно, что в лехитской и лужицкой группах утрата слоговости плавным *r* компенсировалась двумя способами: первый виден в переходе **vo-ŕ-na* > **vor^ona*, а второй – в изменении **v^orona* > *vrōna*. И, кроме того, призвук ^o в **v^orona* утратился в сочетаниях типа *tort* довольно поздно, в историческую эпоху (когда уже отсутствовало изменение долгого гласного *ō* > *a*, а долгого гласного *ē* > *ě*). Доказательства: др.-пол. *we glosie* < *vъ g^olosě* как *we dnie* < *vъ dъne*, н.-луж. *pšosyś* < *prosi*: *proch* < *porchъ*.

Возникает вопрос: что представляет собой рефлекс *-ar-* в лехитской группе? Его можно объяснить так же, как и южнославянское сочетание *-al-*:

**vo-ŕ-na* > *vōr-na* > *vārna* > *varŕna* > *varna*. Из этого следует, по нашему мнению, что рефлекс *-ar-* в лехитской группе является более старым, чем рефлекс *-ro-*,

3) Развитие сочетаний типа *tort* в восточнославянских языках схематически выглядит так: **vo-ŕ-na* > *vor^ona* > *vorona*.

Сочетания *ort*, *olt*, Здесь необходимо различать два случая: когда дифтонги с сонантами *r* и *l* находились под восходящей интонацией и когда эти дифтонги находились под нисходящей интонацией, В первом случае вместо них во всех славянских языках употребляются сочетания *ra-*, *la-*, а во втором случае в южнославянских языках и в среднесловацких говорах употребляются сочетания *ra-*, *la-*, а в восточно- и западнославянских языках – сочетания *ro-*, *lo-*.

Примеры:

а) с восходящей интонацией дифтонга:

**ordlo* (: *or-ati*, ср. лит. *árklas*): ст.-сл. *ralo*, болг. *рало*, серб.-хорв. *ра̀ло*, слов. *ralo* – чеш. *rádlo*, словц. *rádlo* – пол. *radło*, в.-луж. *radło*, н.-луж. *radlo* – рус. (уст.) и укр. *рало*;

**olkomъ* (ср. лит. *álkti*): ст.-сл. *lakomъ*, болг. *лаком*, серб.-хорв. *ла̀ком*, слов. *lakom* – чеш. *lakomý*, словц. *lakomní* – пол. *lakomu*, в.-луж. *lakomnu*, н.-луж. *lakomu* – рус. *лакомый*;

б) с нисходящей интонацией дифтонга:

**orkyta* (ср. греч. *ορκευθος*) болг. *ракита*, мак. *ракита*, серб.-хорв. *ра̀кита*, слов. *rakita* – чеш. *rokyta*, словц. *rokyta* || *rakyta* – пол. *rokita*, в.-луж. *rokot*, н.-луж. *rokita* – сев.-рус. *рокита*, укр. *рокита*;

**olkъть* (ср. лит. *alkúnė*): ст.-сл. *lakъть*, болг. *лакът*, мак. *лаком*, серб.-хорв. *ла̀кат*, слов. *lakat* – чеш. *loket*, словц. *laket'* || *loket'* – пол. *lokietć*, в.-луж. *lohć*, н.-луж. *łokś* – рус. *локоть*.

Развитие сочетаний *ort*, *olt*. Праславянское развитие этих сочетаний было таково: *or-dlo* > *o-ŕdlo* > *o-ŕ-dlo* и *or-kyta* > *o-ŕkyta* > *o-ŕ-kyta*. Южнославянское развитие шло следующим путем: *o-ŕ-dlo* > *ōr-lo* > *ār-lo* > *ralo* и *o-ŕ-kyta* > *ōr-kyta* > *ār-kyta* > *rakita*. Восточно- и западнославянское развитие шло следующим путем: *o-ŕ-dlo* > *ōr-dlo* > *ār-dlo* > *radlo* > *ralo*; *o-ŕ-kyta* > *ōr-kyta* > *ōr-kyta* > *rokyta*.

Это означает, что происходило: 1) удлинение гласного, предшествовавшего плавному, в качестве компенсации утраты слоговости плавным *ŕ* во всех случаях и во всех языках; в южнославянских языках это удлинение гласного произошло довольно рано, когда еще наблюдалось изменение гласного *ō* > *a*; в восточно- и западнославянских языках удлинение гласного произошло тоже в ранний период, но только тогда, когда дифтонги имели восходящую интонацию; при нисходящей же интонации

дифтонгов удлинение гласного происходило позднее, когда гласный \bar{o} уже не переходил в a , а сокращался во; 2) метатеза во всех случаях и во всех языках.

В старославянском языке встречается три слова, в которых отсутствует метатеза в сочетании *olt*: *alъkati* (*al'kati*, *alkati*) < **olk-*, *alъdiji* (*al'diji*, *aldiji*) < **old-* (ср. лит. *aldijà*), *alъniji* (*al'niji*, *alniji*) < **oln-* (ср. лат. *olli* < *olnī*), Наличие такой огласовки старославянских слов легко объяснить: **o-l-kati* > *ōl-kati* > **āl-kati* > *alъkati*. Ср.: [14, 305-308]

Лекция. Согласные в славянских языках

1. Палатализация и лабиовеляризация согласных:

а) Палатализация. Общей (и незыблемой) предпосылкой палатализации было следующее: все согласные в праславянском языке, с самого начала его развития, в позиции перед гласными переднего ряда были палатализованными, полумягкими. Это – так называемая регрессивная ассимиляция, т. е. артикуляционное приспособление предшествующего согласного последующему гласному. Это явление ярче всего проявилось у заднебных согласных *k, g, ch* в двух направлениях: а) в том, что их артикуляция передвинулась с заднего неба на среднее, и б) в том, что они в зоне среднего неба стали мягкими и перешли в дальнейшем в аффрикаты и ффрикативные согласные (*č, ž, š* и *c, dz, s*).

У остальных согласных – губных *p, b, m, v*, зубных *v, d, n, s, z* и плавных *l* и *r* – не было такого изменения артикуляции, они сохраняли место своего образования. Но и они, все без исключения, палатализовались, стали полумягкими в позиции перед гласными переднего ряда.

1) То, что согласные перед гласными переднего ряда были в праславянском языке палатализованными, полумягкими, подтверждают восточно- и западнославянские языки; среди них – особенно русский, польский и лужицкие языки. Что находим в этих языках, например, вместо праславянских согласных *t^e, d^e, n^e, s^e, z^e, l^e, r^e*? В этих языках мы находим: а) в русском языке согласные *t', d' n', s', z', l', r'*; б) в польском языке согласные *ć, d̄, ń, ś, ź, ź, ř* (> *rz, sz*) и в) в лужицких языках согласные *ć, d̄* (> в н.-луж. *ś, ź*), *ń, ś, ź*, (> *s, z*), *l', r'* (> *r, š, ś*).

В чешском и словацком языках наблюдается тенденция к отвердению праславянских палатализованных согласных. В этих языках палатализованные согласные только частично перешли в палатальные, а именно: в чешском согласные *d, t, n*, когда находились в позиции перед гласными *i* и *e < ė, ě*; согласный *r^e > r' > ř*; в словацком – согласные *t, d, n, l* в позиции перед гласными *e, i* и *a < ė*.

2) То, что указанные согласные перед гласными переднего ряда в праславянском языке не были палатальными, мягкими, подтверждают южнославянские языки, в которых они развились в обычные твердые согласные, в то время как праславянские палатальные (*n'* и *l'*) сохранились в них без изменения. Исключение касается некоторых болгарских говоров, в которых праславянские палатализованные согласные перешли в палатальные.

б) Лабиовеляризация. Общей предпосылкой лабиовеляризации было следующее: все согласные в известную эпоху развития праславянского языка в позиции перед гласными заднего ряда стали лабиовеляризованными, т. е. веляризованы путем лабиализации, перед гласными *ǐ, ǐ̄, ǒ, ǒ̄* (< *on, ѓm*), или веляризованными, т. е. веляризованы путем чистой веляризации, перед гласным *a*.

Доказательства.

1) Сохранение сочетаний *ky, gy, chy* в праславянском языке – без ассимиляции согласных *k, g, ch* гласному *y* по месту образования – а оно может быть объяснено только в том случае, если исходить из произношения *k^uy, g^uy, ch^uy*, с лабиовеляризованными *k, g, ch*. Лабиовеляризованный *ch* сохраняется в польском и нижнелужицком языках до сих пор; именно с этим связано в них употребление сочетания *chy*.

2) Наличие веляризованного *l* в восточно- и западнославянских языках, что можно объяснить только как результат праславянского изменения *l > l̥* перед гласными заднего ряда и перед гласными *y < ū* и *ь < ū*.

3) Отсутствие третьей палатализации перед гласными *y* и *ь*, а это можно понять только в том случае, если исходить из предположения, что звуки *ū* и *ŷ*, переходя в *n* и *ь*, передавали лабиализацию предшествующим задненебным согласным, которые благодаря этому и в дальнейшем оставались лабиовеляризованными.

4) Переход *e > o* в позиции перед твердыми согласными в ряде славянских языков, который можно воспринимать только как ассимиляцию гласного *e* последующему лабиовеляризованному согласному.

5) Дифтонгизация звука *o > io* в позиции после губных и задненебных согласных в нижнелужицком языке. Ее можно объяснить только как ассимиляцию этого гласного *o* предшествующим лабиовеляризованным согласным заднего и лабиального ряда.

И так далее.

Славянские языки утратили лабиовеляризацию не сразу и не в одно и то же время. В одних языках она утратилась раньше, в других позднее. Некоторые языки (лужицкий и польский) сохраняют ее частично и в настоящее время. Точно также лабиовеляризация не исчезала одновременно у всех типов согласных: некоторые ряды согласных лишились ее раньше, другие – позднее.

2. Взрывные согласные.

1) Взрывные губные согласные. В индоевропейском языке их было два: *p* и *b*. И оба этих согласных могли быть придыхательными и непридыхательными. Следовательно, имелись: *p* и *ph, b* и *bh*.

Глухой взрывной **p* (т. е. греч. *π*, лат. *p*, др.-ирл. *φ*, герм. *p*, гот. *f* || слав. *p*, лит. *p*, алб. *p*, арм. *h* и *v*, ав. *p*, др.-инд. *p*):

**suep-*: *sъpati, съпъ < *sъpnъ*, лит. *sāpnas*, др.-инд. *svāpiti, svāpnas*, арм. род. п. *knoy*, греч. *↔πνος*, лат. *sopor, somnus*, др.-ирл. *súan*.

Глухой взрывной придыхательный **ph* (т. е. греч. *φ*, лат. *f*, др.-ирл. *p*, гот. *f* || слав. *p*, лит. *p*, арм. *ph*, ав. *p*, др.-инд. *ph*):

**sphoīnā*: *рѣна*, лит. *spáinė*, др.-инд. *phēnas*, прус. *spoauno*;

Звонкий взрывной **b* (т. е. греч. *β*, лат. *b*, др.-ирл. *b*, гот. *p* || слав. *b*, лит. *b*, алб. *b*, ав. *b*, др.-инд. *b*):

**būk-*: *bykъ, bučati*, др.-в.-нем. *pfūchen*, лат. *būcina*, греч. *βύκτης*, др.-инд. *būk-kāras*;

Звонкий взрывной придыхательный **bh* (т. е. греч. *φ*, лат. *f*, др.-ирл. *b*, гот. *b* || слав. *b*, лит. *b*, алб. *b*, арм. *b, v*, ав. *b*, др.-инд. *bh*);

**bherō*: *berq*, лит. *beriu*, др.-инд. *bhárāmi*, арм. *berem*, греч. *φέρω*, алб. *bie*, лат. *ferō*, др.-ирл. *berim*, гот. *baria*;

2) Взрывные зубные согласные. Их также в индоевропейском праязыке было два: *t* и *d*. И оба они могли быть непридыхательными и придыхательными. Следовательно, имелись: *t* и *th*, *d* и *dh*.

Глухой взрывной **t* (т. е. греч. *τ*, лат. *t*, др.-ирл. *t*, гот. *th* || слав. *t*, лит. *t*, алб. *t*, арм. *t, d, ĵ*, ав. *t*, др.-инд. *t*):

**tū*: *tu*, лит. *tù*, алб. *ti*, лат. *Tū*..

Глухой взрывной придыхательный **th* (т. е. греч. *θ*, лат. *t*, др.-ирл. *t*, гот. *th* || слав. *t*, лит. *t*, ав. *t, θ*, др.-инд. *th*):

**ponth-* || **pñth-* : *pqъ*, др.-инд. *pánthās*, ав. род. п. *paθō*, др.-прус. *pintis*.

Звонкий взрывной **d* (т. е. греч. *δ*, лат. *d*, др.-ирл. *d*, гот. *t*, || слав. *d*, лит. *d*, алб. *d, δ*, арм. *t*, ав. *d*, др.-инд. *d*):

, **k'rd-*: *sъrdьce*, лит. *širdis*, арм. *sirt*, греч. *καρδία*, лат. (род. п.) *cordis*, гот. *hairtó*, др.-ирл. *críde*.

Звонкий взрывной придыхательный **dh* (т. е. греч. *θ*, лат. *f, b, d*, др.-ирл. *d*, гот. *d* || слав. *d*, лит. *d*, алб. *d, δ*, арм. *d*, ав. *d*, др.-инд. *dh*) :

**dhūm-*: *дыть*, лит. *dúmai*, др.-инд. *dhūmās*, др.-в.-нем. *tumōn*, лат. *fūmus*, греч. *θυμός*;

Что характерно для развития праиндоевропейских губных и зубных взрывных согласных в балтийских и славянских языках?

Характерны два момента: 1) праиндоевропейская система согласных в этих языках упростилась и 2) она упростилась таким образом, что придыхательные согласные утратили в этих языках придыхательность. Таким образом, в балтийских и славянских языках имеются: *p < p* и *ph*, *b < b* и *bh*, *t < t* и *th*, *d < d* и *dh*..

Аналогичное явление – утрата придыхания у придыхательных согласных, но только у звонких придыхательных согласных – наблюдается и в некоторых других индоевропейских языках: в иранском и албанском языках и в кельтской языковой группе.

3) Взрывные задненебные согласные. В индоевропейском праязыке, во всех его диалектах, было представлено три ряда задненебных согласных: ряд чистых веллярных взрывных согласных, ряд палатальных согласных и ряд лабиовеллярных. Такое «трехрядное» распределение предлагает Бругман, и мы принимаем его концепцию.

а) Веллярные согласные *k, g, gh*.

Глухой взрывной *k: (т. е. греч. κ, лат. k, c, др.-ирл. c, гот. h || слав. g, лит. k, алб. k, арм. k, ав. k, x, др.-инд. k):

*louk-: luča, лит. laiūkas, лат. lūceō, греч. λευκός, др.-инд. rōcās.

Звонкий взрывной *g (т. е. греч. γ, лат. g, др.-ирл. g, гот. k || слав. g, лит. g, алб. g, арм. k, ав. g, др.-инд. g):

*bhog-: bogъ, др.-инд. bhāgas, др.-перс. бага-.

Звонкий взрывной придыхательный *gh (т. е. греч. χ, лат. h, g, др.-ирл. g, гот. g || слав. g, лит. g, алб. g, арм. g, ав. g, др.-инд. gh, h):

*ghostis : gostъ, лат. hostis, гот. Gasts.

Это, так называемые, праиндоевропейские чистые задненебные согласные, которые, как таковые, встречаются во всех индоевропейских языках, т. е. как в языках западной группы, так и в языках восточной группы, или как в языках группы «кентум», так и в языках группы «сатем».

В праславянском языке, как и в балтийских языках, и в данном случае утратилось придыхание, т. е. индоевропейские gh и g совпали в одном звуке g.

б) Палатальные k', g', g'h.

Глухой взрывной *k' (т. е. греч. κ, лат. k, c, др.-ирл. c, гот. k || слав. s, лит. š, др.-прусс. s, лтш. s, алб. s, th, арм. s, ав. s, др.-инд. ś):

*k'mton: sъto, лит. šimtas, др.-инд. śatām, ав. satəm, лтш. šimts || греч. κεντὸν, лат. centum, др.-ирл. cét, гот. hund;

Звонкий взрывной *g' (т. е. греч. γ, лат. g, др.-ирл. g, гот. k || слав. z, лит. ž, др.-прусс. z, лтш. z, алб. z, dh, d, арм. c, ав. z, др.-инд. j):

*g'rn-: zъrno, лит. žirnis, др.-прусс. syrne, лтш. žirnis, др.-инд. jīrnās || лат. grānum, др.-ирл. grán, гот. kaúrn.

Звонкий взрывной придыхательный *g'h (т. е. греч. χ > лат. h, g, др.-ирл. g, гот. g || слав. z, лит. ž, др.-прусс. z, лтш. z, алб. z, dh, d, арм. j, z, ав. z, др.-инд. h):

*g'heim-: zima, лит. žiemà, лтш. žiema, др.-инд. himās, ав. zimō || греч. χειμών, лат. hiems, др.-ирл. gem-red.

Праиндоевропейские палатальные задненебные согласные вначале были присущи как тем индоевропейским диалектам, из которых позднее развились языки группы «кентум», так и тем индоевропейским диалектам, из которых позднее развились языки группы «сатем». В языках группы «кентум» эти согласные путем передвижки их артикуляции назад утратили палатализованность и дали чистые задненебные согласные k, g, ch. В языках группы «сатем» они путем передвижки их артикуляции вперед развились в аффрикаты и фрикативные согласные.

в) Лабиовелярные k'', g'', g''h.

Глухой взрывной *k'' (т. е. греч. π, τ, κ, лат. qu, c, u, p, др.-ирл. c, гот. hw || слав. k, лит. k, алб. k, арм. k, g, ав. k, др.-инд. k) :

**loik^u*- || **leik^u*-: *оть-лѣкъ*, лит. *ãt-laikas*, др.-инд. *atirēkas* || греч. *λοιπός*, лат. *linquo*, гот. *leihwan*; **ulk^u*-os: *вѣлкъ*, лит. *vil̃kas*, алб. *ulk*, др.-инд. *vṛkas* || греч. *λόκος*, лат. *lupus*, гот. *wulfs*.

Звонкий взрывной *g^u* (т. е. греч. *β, δ, γ*, лат. *gu, v, g*, др.-ирл. *b*, гот. *q = kw* || слав. *g*, лит. *g*, алб. *g*, арм. *k*, ав. *g*, др.-инд. *g*):

**g^ui* || **g^uei*-: *živъ* < **gīvъ*, лит. *gūvas*, алб. *ngē*, арм. *keam*, др.-инд. *jīvás* || греч. *βίος*, лат. *vivus*, др.-ирл. *beo*, гот. *qius*.

Звонкий взрывной придыхательный **g^uh* (греч. *φ, ϑ, χ*, лат. *f, gu, v, g*, др.-ирл. *g*, гот. *w, gw* || слав. *g*, лит. *g*, алб. *g*, арм. *g*, ав. *g*, др.-инд. *gh, h*):

**snoig^uh*-: *sněgъ*, лит. *sniėgas*, лтш. *sniegs*, др.-прусс. *snaygis*, ав. *snaēžaiti* || греч. *νίφα*, лат. *nivem, ninguit*, др.-ирл. *snigid*, гот. *snaiws*.

Развитие индоевропейских лабиовелярных задненебных согласных в языках группы «сатем» было весьма простым: они в этих языках утратили лабиализацию и дали чистые задненебные согласные *k, g*. В языках группы «кентум» вместо индоевропейских лабиовелярных согласных представлены различные рефлексy; как правило, совсем иные, чем те рефлексy, которые восходят к чистым задненебным согласным. Таким образом, в языках группы «сатем» совпали лабиовелярные и чистые задненебные согласные, а в языках группы «кентум» – чистые задненебные и палатальные.

Следовательно, праславянские задненебные *k* и *g* происходят из:

а) *k* < *k, (kh), k^u, (k^uh;*)

б) *g* < *g, gh, g^u, g^uh.*

3. Спирант *ch*.

Это новый славянский звук, возникший на праславянской почве из индоевропейского *s* в определенных фонетических условиях. Каковы же эти условия?

Праславянский согласный *ch* возникал из праиндоевропейского *s*, когда последний находился в позиции после гласных *ī (eī, oī), ī, ū (eu, ou), ū* и после согласных *r* и *k*, а после него не употреблялся какой-либо из взрывных согласных: *p, t, k*.

Таким образом, имеем:

а) *ch* < *s* после звуков ряда *i*:

trьchъ < **tīrūs*, лит. *trisù*, греч. *τρισί*; *рьchati* < **pīs-*, греч. *πίσσω*, лат. *pinso*, лит. *paisýti*; *molichъ* < **molī-s-on*; *stolě-chъ* < **stoloisū*; *měchъ* < **moiso-*, лит. *maišas*, лат. *màiss*, др.-инд. *meśás*, ав. *maāša-*;

б) *ch* < *s* после звуков ряда *u*:

blъcha < **blūsa*, лит. *blusà*; *тъchъ* < **mūs-*, лит. *mūsos*, лат. *muscus*; *тушь* < **mūsis*, др.-инд. *mūṣ*, *mūśás*, греч. *μῦς*, лат. *mūs*, др.-в.-нем. *mūs*; *ucho* < **aus-*, лит. *ausis*, гот. *ausō*, лат. *aus-cultare*; *duchъ* < **doušos*, лит. *daūšos*;

в) *ch* < *s* после согласного *r*:

**vъrъchъ* < **urs-*, лит. *viršùs*, др.-инд. *varṣīmá*, лат. *verrūca* < **versuca*;
(*u*)*mrěchъ* < **-mēr-s-on*; *prachъ* < **porsos*; *brašъno* < **bhars-*, лат. *farrea* < **farsea*;

г) *ch* < *s* после согласного *k*:

**rěchъ* < **rēk-s-on*; *lichъ* < **leik-so-*, лит. *leikas*, лтш. *lìeks*, ст.-сл. *оть-лěкъ*;
těchъ < **tēk-s-on*.

Если же после согласного *s* находился один из указанных согласных (*p*, *t*, *k*), то тогда согласный *s* не переходил в *ch*. Поэтому имеем: **pъrstъ*, *istina*, *iskati*, *rěste* < **rēk-s-te*, *blěskъ* < **bloiskos*, *luspa* < **louspa*.

Индоевропейское *s* в указанных выше позиционных условиях – основной источник праславянского *ch*. Но помимо этого есть еще два источника праславянского *ch*: а) *ch* мог быть получен в составе заимствованных слов, где был представлен иноязычный *ch*, например: *chlěvъ* < гот. *hlaiw*, *chorъgy* < монгол. **horon go*; б) *ch* мог быть ономатопоэтического происхождения, т. е. возникнуть в качестве экспрессивного звука в звукоподражательных словах: *chochotati*, *chъchnati*, *chъstati* и т. д.

Употребление праславянского согласного *ch* не ограничилось его первоначально обусловленными фонетическими позициями и рамками. Известны случаи аналогичного происхождения *ch*, т. е. появления его в ряде грамматических категорий, где согласный *ch* не мог возникнуть фонетическим путем. А именно: 1) по аналогии с формами аориста типа *pichъ*, *prosichъ*, *buchъ*, *umrěchъ*, *rěchъ* возникли формы аориста типа *znachъ*, *viděchъ*, *orachъ* вместо фонетически закономерных **znasъ*, **viděsъ*, **orasъ*; и 2) по аналогии с формами мест. п. мн. ч. типа *synъchъ*, *gostъchъ*, *stolěchъ* возникли формы мест. п. типа *ženachъ*, *vodachъ* вместо фонетически закономерных **ženasъ*, **vodasъ*.

Эволюция звука *ch* в праславянском языке является совсем не простой. Об относительной же хронологии его развития нам известно немного. Во-первых, переход *š* > *ch* произошел, во всяком случае, в праславянском языке, после балто-славянской эпохи и до заимствований в праславянском из готского языка: ср. *chlěvъ* < *hlaiw*. Во-вторых, не подлежит сомнению, что праславянский язык имел звук *ch* (вместо *š*), пока еще в нем существовали дифтонги. Об этом свидетельствует переход *š* > *ch* после *ě* < *oi*, и отсутствие этого перехода после *ě* < *ē* (*měsєць* : *měchъ*).

5. Звонкий спирант *h*.

Он встречается в целом ряде славянских языков и диалектов: в белорусском и украинском языках на востоке, в чешском, словацком и верхнелужицком языках на западе, в диалектах словенского юго-запада и в чакавском диалекте сербскохорватского языка на юге. Ср.: чакав. *ǰlāvǎ* (*ǰ* = *gɣ*), *ǰrēdǎ*, *ǰöľub*; слов. *boǰâ*, *doǰâ*, *snâǰâ*; белорус. *гняздо*, *галава*, *гара*, *нага*; укр. *голова*, *голос*, *гора*, *нога*; чеш. *hlas*, *hovado*, *noha*; словц. *hlas*, *hovädo*, *noha*; в.-луж. *hłos*, *hłowa*, *noha*.

Происхождение звука *h* ясно: он произошел из согласного *g* в результате ослабления артикуляции согласного *g* и перехода его в *g'*, в задненебный звонкий спирант с сильной фрикацией, гоморганный звуку *g*. Такого типа спирант сохранился в чакавском диалекте. В остальных славянских языках и диалектах – в связи с изменением артикуляции у звука *g* - звук *g'* перешел в *ɣ* (= задненебному звонкому спиранту более слабой фрикации), который в словенских диалектах таким и сохранился, т. е. как *ɣ*, а в белорусском, украинском, чешском, словацком и верхнелужицком языках перешел – через поствелярный *ɣ* – в звонкий ларингальный спирант *h*. В настоящее время *h* в этих языках произносится как обычное звонкое придыхание.

Шахматов предполагает, что в праславянском языке имелся звук *h*. И это наблюдалось в трех случаях.

Первый случай связан с местоименным корнем *e*, который в русском, сербскохорватском, словенском и болгарском языках именно так и звучит, т. е. как *e*, а в белорусском, украинском, чешском, польском и нижнелужицком имеет форму *he*. Ср.: рус. *это*, *эво*, *эко*, серб.-хорв. *ѣто*, *ѣво*, *ѣно*, слов. *evo*, *etu*, *eta* и т. д., болг. *eва*, *eво*, *ето*: укр. *ген*, *ген-то*, белорус. *гэтый*, *гэто*, чеш. *hen*, *henku*, пол. *hen*, н.-луж. *hyn*, *hynga*. То, что представлено в языках первой группы, – вторично: в них праславянское *he* > *e*. То, что представлено в языках второй группы, – исконно: в них сохранилось праславянское *he*.

Согласно Шахматову, *h* здесь имеет индоевропейское происхождение, как указывают лат. *hodie*, *hīc* < *heic*.

Второй случай касается слов, в которых *h* развился на праславянской почве в качестве протетического звука перед гласным *o*.

Это: а) слова *hqžь*, **hqžьвь*, **hqžьва*, с одной стороны, и б) слово **hqšēnica*, с другой.

Ср. примеры:

1) для слов, стоящих под пунктом а): цсл. *gqžvica*, болг. *гъжва*, серб.-хорв. *гүжва*, слов. *gožva*, *gož*, *goža* || *vož*, *voža*, пол. *gqžva*, словц. *hužva*, чеш. *houžev*, *houž* || *už*, укр. *гужва*, *гужов* || *ужва*, рус. *гуж*, *гужовка* – по-видимому, от корня **qž-*, который встречается в ст.-слав. *qza*;

2) для слов, стоящих под пунктом б): ст.-сл. *gqsēnica*, др.-рус. *usēnica*, болг. *гъсеница* || *въсеница*, серб.-хорв. *гүсеница*, слов. *gosenica* || *vo-senica*, чеш. *housenca*, словц. *husenica*, пол. *gąsienica* || *wąsienica*, укр. *гусениця* || *усениця*, в.-луж. *husańca*, н.-луж. *guseńca* – по-видимому, является производным словом от основы, представленной в **qsъ* «ус».

К третьему случаю относятся примеры, в которых *h* развился – опять на праславянской почве – как переходный звук. Эти примеры представляют собой местоименную форму род. п. ед. ч. типа *toho, mojeho* : *toho* < *toso* > *too* > *toho*; форма *toho* в одних диалектах праславянского языка перешла в *toyo* – отсюда в южно- и западнославянских языках *togo, tego*; в других же диалектах форма сохранилась как *toho*, откуда в русском и кашубском языках *tavo, tevo, too, teo*.

Такова точка зрения Шахматова о праславянском *h*.

5. Фрикативные согласные *s* и *z*.

1) Праславянский согласный *s* происходит:

а) из индоевропейского *s*: **septm̥* : *sedmь*, лит. *septyni*, гот. *sibun*, алб. *shtatë* < *sëtatë*, др.-ирл. *secht-n-*, др.-инд. *saptá*, греч. $\square\pi\acute{\tau}\acute{\alpha}$, лат. *septem; rosa*, лит. *rasà*, др.-инд. *rasá*, лат. *rōs, rōris*;

б) из индоевропейского *k'* (*k'h*). Примеры приведены выше (см. стр. 99).

Согласный *s* в праиндоевропейском языке был звуком свободного употребления: он выступал как самостоятельно, так и в сочетаниях согласных.

2) Праславянский согласный *z* происходит:

а) из индоевропейского согласного *z*: **ni-zdo* (*zd* < *sd* < *sə₂d*): *gnězdo*, лит. *lįzdas*, арм. *nist*, др.-в.-нем. *nest*, лат. *nīdus* < **nizdus*, др.-инд. *nīdás*;

цсл. *mozgь*, др.-прусс. *muzgeno*, ав. *mazga*, герм. **mazga* в др.-в.-нем. *marg*; **mizdhā*: *mъzda*, гот. *mizdō*, ав. *miždəm*, греч. $\mu\sigma\theta\acute{o}\varsigma$, др.-инд. *nīdás*;

б) из индоевропейских согласных *g'*, *g'h*. Примеры приведены выше (см. стр. 99).

Согласный *z* в праиндоевропейском языке представлял собой комбинаторный вариант звука *s*: употреблялся только в сочетаниях *zb, zd, zg* и только во внутренних слогах.

6. Первая регрессивная палатализация. Она происходила при следующих условиях:

$$\left. \begin{array}{l} k \\ g \\ ch \end{array} \right\} + \begin{array}{l} b (< \check{i} \text{ и } \check{a}_2) \\ e \\ i (< e\check{i} \text{ и } \check{i}) \\ \check{e} (< \check{e}) \\ \check{e} (< \check{e}n, \check{i}n \text{ и } \check{i}n) \\ b\check{r}' \\ b\check{l}' \end{array} > \left\{ \begin{array}{l} t\check{s}' > \check{c}' \\ d\check{z}' > \check{z}' \\ t\check{s}' > \check{s}' \end{array} \right.$$

Сочетания *kē, *gē, *chē > čē, žē, šē > ča, ža, ša: kricāti < *kričēti < *krikēti : krikь, běžati < *bēžēti < bēgēti : bēgь, slyšati < *slyšēti < *slychēti : sluchь (ср.: vidēti, sēdēti, лат. vidēre, sedēre).

Примеры:

myšь < *mychь, лат. mūs; čьto, лат. quid, греч. tí < *k^ui-; četyre < *ketyre, лит. keturi; živь < *givь, лит. gývas; želězo < gelězo, лит. gelesži; žęti < *genti, лит. ginti, греч. γέμω; čęstь, лит. kiñštas < *kmstos; 2 л. мн. ч. vь'ŗęte < *vь'ŗchete: *vь'ŗchq: *čь'ŗnь, др.-прусс. kirsnan, др.-инд. krşnás < *křsnos; *žь'ŗny, лит. girmos, др.-в.-нем. quirn < *g^urn-; *žьl'ть, лит. geļtas < *ghļtos; *čьl'нь, лит. kėlmas, др.-в.-нем. scalm < *kļn-; čistь, лит. skýstas, лтш. šķists, др.-прусс. skijstan < *(s)kīdtos; 3 л. мн. ч. аор. rěšę : rěchь.

Примечания к первой палатализации.

1) Первая палатализация происходила в праславянском языке в ту эпоху, когда в нем еще существовали дифтонги; в противном случае было бы невозможно понять историческое соотношение bogь : bože : bodžě без праславянского соотношения bogь : bože : bogoj.

2) Согласные č, ž, š, полученные при первой палатализации, были исконно мягкими. Доказательство: продвижение после них гласных заднего ряда в переднюю зону образования. Правда, примеры этого изменения имеются только после č, ž и š, которые возникли вследствие «йотации»: зват. ед. ч. *duchjo > *dušo > duše : ženo; *šiuīti > *šyti > šiti.

3) В эпоху, когда происходила первая палатализация, согласные g и ch представляли собой смычно-фрикативные сочетания: g = g^h, ch = k^h. Именно этим мы объясняем отсутствие параллелизма в развитии k > č, а g > ž, как ch > š.

Сочетания sk, zg.

Праславянское развитие:

а) sk^e > sč > śč > šč (>šč, šč);

б) zg^e > zdž > źdž > ždž (>ždž, źdž).

Примеры:

*voskiti: рус. воцить, слов. voščiti; *dьskica: ст.-сл. dьštica, серб.-хорв. (диал.) итшца, слов. deščica, пол. deszczka, чеш. dešť'ka; *piskelь: ст.-сл. pištalь, болг. пицалка, серб.-хорв. пиштату < *piskēti, слов. piščal, рус. пицаль, пол. piszczel, чеш. pišť'al; *skirь: štirь, пол. szcery, чеш. (диал.) ščirý, рус. щирый, гот. skeirs, ср.-в.-нем. schîr; *rozgьje: ст.-сл. roždije, серб.-хорв. рожђе, слов. rožje, н.-луж. roždze, чеш. roždí, пол. róždźka, др.-рус. рожжье; *drozгьje: ст.-сл. droždije, пол. drożdze, н.-луж. droždzeje, чеш. droždí, рус. дрожжи, укр. дріжджи, серб.-хорв. дрожда, дрождина.

Сочетания šč, ždž развивались неодинаково в отдельных группах славянских языков и в отдельных славянских языках: в одних языках они

сохранились без изменения, в других – упростились; в одних языках они упрощались одним способом, в других – другим.

Рефлексы сочетаний *šč*, *ždž* в славянских языках.

Польско-поморская группа сохраняет сочетания *šč* и *ždž* во всех случаях. Она в этом отношении едина.

Восточнославянские языки: сочетание *šč* сохраняется во всех языках; что касается сочетания *ždž*, то здесь представлены различные рефлексы: в русском языке чаще всего выступает *žž*.

В литературных чешском и словацком языках – эти сочетания упрощены: *šč̣ > št'* и *ždẓ̌ > žd'*. Безусловно, что упрощение за счет утраты фрикативного компонента в аффрикате произошло в период, когда сочетания *šč* и *ždž* были еще мягкими. Именно поэтому в новых сочетаниях *št'* и *žd'* представлены мягкие согласные *t'* и *d'*.

Лужицкие языки: в обоих языках наблюдается упрощение сочетаний *šč* и *ždž* путем переходов и со следующими конечными результатами: *šč̣ > št' > šc̣*, *ždẓ̌ > žd' > ždž*. Таким образом, положение напоминает то, что представлено в чешском и словацком языках: утрата фрикативного компонента и именно тогда, когда сочетания *šč* и *ždž* были еще мягкими.

Исключением являются некоторые нижнелужицкие диалекты, в которых сохранились сочетания *šč*, *ždž*.

Южнославянские языки: в целом, положение в этих языках довольно сложное и тем самым во многом неясное.

а) В старославянском, македонском, болгарском и большей части сербскохорватского языка (экавские и екавские говоры) праславянские сочетания *šč* и *ždž* упростились за счет утраты фрикативного компонента в аффрикате, подобно тому, как это имеет место во многих других славянских языках: *šč > št*, *ždž > žd*.

б) В чакавском и икавском штокавском диалектах сербскохорватского языка вместо сочетаний *šč* и *ždž* представлены рефлексы, которые трудно вывести из праславянских *šč* и *ždž*, хотя многие это предлагают: в чакавском – *št'* и *žj < žd'* в икавском – *šc̣* и *žd*.

Словенский литературный язык сохраняет сочетание *šč*. Сочетание *ždž* в словенском литературном языке и в большинстве словенских диалектов оно упростилось в *ž* за счет редукции взрывного элемента в аффрикате: *ždž > ždž > žž > ž*.

7. Вторая регрессивная палатализация. Эта палатализация происходила при следующих условиях:

$$\left. \begin{matrix} k \\ g \\ ch \end{matrix} \right\} + \begin{matrix} \check{e} (< o\check{i}) \\ i (< o\check{i}) \end{matrix} > \left\{ \begin{matrix} c' \\ dz' (> z') \\ s' \end{matrix} \right. \quad 1)$$

ст.-сл. *tokъ*: *tocěchъ* < **tokoisu*; *rōka*: дат., мест. п. *rōcě* < **rōkoj* < **rōkāi*, лит. *raiñkai*; *noga*: дат., мест. п. *nodzě* < **nogoj* < **nogāi*, лат. *terrae*; *pazucha*:

дат., мест. п. *pasusě*; *bogъ*: мест. п. *bodzě*; *člověkъ*: мест. п. *člověcě*, *grěchъ*: мест. п. *grěsě*; *člověkъ*: им. п. мн. ч. *člověci*; *bogъ*: им. п. мн. ч. *bodzi*, *duchъ*: им. п. мн. ч. *dusi*; ср. др.-рус. *послуси* : *послухъ*; **k^uoina*: *сѣна*, ав. *kaēnā-*, лит. *káina*, греч. *ποινή*; **koil-*: *сѣль*, др.-прусс. *kails*, гот. *hails*, греч. *κοῖλον*; **gail-*: *dzělo*, лит. *gailūs*, др.-в.-нем. *geli*, ст.-сл. дат., мест. п. *musě*, серб.-хорв. *муси*: чеш. *mouše*, пол. *musze*, луж. *muše*, *měsě* (*měchъ*); ст.-сл. им. п. мн. ч. *grěsi*, *dusi*, серб.-хорв. *гресци*, *дусци*; чеш. *Češi*, *ořeši*, *ženiši*, др.-пол. *mniši*, *Włoši*; **choidos*: ст.-сл. *сѣдъ*, серб.-хорв. *сужед*, слов. *sed*, рус. *седой*; пол. *szady*, чеш. *šedý*, *šedivý*, словц. *šedastý*, в.-луж. *šedziwu*; н.-луж. *šeziwu*; **choiros*: цсл. *сѣръ*, серб.-хорв. (диал.) *сужер*, слов. *ser*, рус. *серый*: чеш. *šerý*, словц. *šeravý*, пол. *szary*, луж. *šery*.

Как видно из условий, при которых действовала вторая палатализация, она происходила в праславянском языке после монофтонгизации дифтонгов. Более того, она осуществлялась, когда славяне попали под влияние готов: ср. *cěsarъ* < гот. *káisar*.

Как видно из приведенных примеров, звук *s'* неодинаково развивался в славянских языках: а) в восточно- и южнославянских языках он дал *s* — очевидно, путем регрессивной передвижки, т. е. возвращения назад, и б) в западнославянских языках, во всех без исключения, он продолжал развиваться и перешел в *š*.

$$\left. \begin{matrix} sk \\ zg \end{matrix} \right\} + \begin{matrix} \check{e} (< o\check{i}) \\ i (< o\check{i}) \end{matrix} > \left\{ \begin{matrix} sc (> st) \\ *zdz > zd \end{matrix} \right. \quad 2)$$

Эти рефлексы — *sc* (*st*) и *zd* (< **zdz*) — встречаются только в южно-и восточнославянских языках; ср. ст.-сл. *дъска*: мест. п. *дъстѣ*; *божьскъ*: мест. п. *божьсцѣ*, *божьстѣ*, им. п. мн. ч. *божьсци*, *божьсти*; серб.-хорв. *даска* : *дасци*; ст.-сл. *дрѣзга*: мест. п. *дрѣздѣ*. В западнославянских языках и в белорусском языке и здесь, как и при первой палатализации, встречаются сочетания *šć*, *žďž*, ср.: чеш. *vojsko*: мест. п. др.-чеш. *vojščě* (сейчас *voišťě*), др.-пол. *w Polszcze*, др.-белорус. *въ Смоленьцѣ*; чеш. *nebeský*: др.-чеш. им. п. мн. ч. *nebešci* (> *nebešti*), др.-пол. им. п. мн. ч. *polszczy*; др.-чеш. *miezha*: мест. п. *mieždě*.

3) Сочетания *kvě*, *gvě* (*ě* < *oĭ*). Здесь действовала так называемая дистантная палатализация, когда согласные *k* и *g* не находились непосредственно перед следующим гласным *ě*. И происходила она только в одной части славянских языков: в восточно- и южнославянских языках. В западнославянских языках задненебные согласные *k* и *g* в сочетаниях *kvě*, *gvě* сохранились без изменения.

Примеры:

k^uoitos* (kvoitъ*): ст.-сл. *свѣтъ*, болг. *цвет*, мак. *цвет*, серб.-хорв. *цвѣт*, слов. *cvet*, рус. *цвет*, укр. *цвѣт* || *квіт* || пол. *kwiat*, чеш. *květina*, словц. *kvet(ina)*, луж. *kwět*, полаб. *k'ot*;

*g^uoizda (*gvoizda): ст.-сл. *dzvězda*, болг. *звезда*, мак. *звезда*, серб.-хорв. *zvézda*, слов. *zvezda* || пол. *gwiazda*, чеш. *hvězda*, словц. *hvezda*, в.-луж. *hwězda*, н.-луж. *gwězda*, полаб. *gózda*.

Возникает вопрос: происходила ли палатализация сочетаний *kv*, *gv* только перед гласным *ě* < *oj* или и перед другими гласными переднего ряда, перед *ь* и *i* < *ī*? Она происходила только перед гласным *ě*. Это можно доказать и фактически и теоретически.

а) Фактическое доказательство: имеются многочисленные примеры с *kv* и *gv* перед *i* и *ь* в южно- и восточнославянских языках: серб.-хорв. *gvíritи*, *gvíрати*, болг. *квилити*, укр. *квиліти*, *квилити*, рус. *квилиться* || *квёлиться*, *квилкий*, белорус. *квиту*, *квисць*, укр. *квинутити* < **квьптити*, *кветноуть*, *розквитне* и т.д.

Всюду, где в этих языках встречаются сочетания *cv*, *zv* перед гласными *i* и *ь*, эти сочетания возникли путем аналогии с однокорневыми словами, в которых употребление сочетаний *cv*, *zv* было фонетически обусловлено (ср. ст.-сл. *свьтq*, *свисти* и сходные формы в других южно- и восточнославянских языках).

б) Теоретическое доказательство: гласные *ь* < *ī* и *i* < *ī*, *ei* могли еще в период первой палатализации оказать палатализирующее воздействие на согласные *k* и *g*, находившиеся в сочетаниях *kv* и *gv*, т. к. являлись древними гласными передней зоны образования. Почему же этого не произошло и почему воздействовала лишь более поздняя вторая палатализация?

Почему палатализация сочетаний *kv*, *gv* не произошла во всех славянских языках?

Полагают, что это было обусловлено тем, что в западнославянских языках довольно рано, еще как диалектное явление, праславянский сонант *u* перешел в лабиодентальный согласный *v*, который препятствовал воздействию гласного переднего ряда *ě* на предшествовавший ему задненебный согласный. В южно- и восточнославянских языках, напротив, сонант *u* в период первой палатализации был еще билабиальным, что не мешало гласному переднего ряда *ě* воздействовать через него на предшествовавший задненебный согласный.

Примечания ко второй палатализации.

1) Звук *c'* > *c*, являясь аффрикатой, сохранился во всех славянских языках. Мягкость же он сохранил только в украинском языке.

2) Аффриката *dz'* > *dz* сохранилась полностью в польском языке, частично в македонском языке; в остальных славянских языках аффриката *dz* в связи с редукцией взрывного элемента перешла в согласный *z*.

3) Согласные *c'*, *dz'*, *s'*, возникшие в результате второй палатализации, имели в себе больше элемента *š*, нежели элемента *s'*; они были ближе к звукам *č*, *dž*, *š*, нежели к звукам *c*, *dz*, *s*. На основе чего сделан такой вывод?

а) На основе перехода *s'* > *š* в западнославянских языках.

б) На основе сочетаний $\acute{s}\acute{c}$, $\acute{z}d\acute{z}$ ($< sk, zg + \acute{e}, i$) в западнославянских языках, которые допускают фрикацию \acute{s} , \acute{z} , характерную и для согласных \acute{c} и $d\acute{z}$.

в) На основе различного развития в праславянском языке сочетаний ds, ts и согласного $c'(c)$: пока сочетания ds, ts упрощались в праславянском языке и переходили в s (ср. $*b\acute{o}d-s-on > bas\acute{ь} : *b\acute{o}d-ti, *v\acute{e}d-s-on > v\acute{e}s\acute{ь} : *ved-ti, *k\acute{e}it-s-on > \acute{c}\acute{i}s\acute{ь} : *k\acute{e}it-ti, *s\acute{ь}m\acute{e}t-s-on > s\acute{ь}m\acute{e}s\acute{ь} : (*s\acute{ь}m\acute{e}t-ti)$, до тех пор согласный $c'(c)$ оставался неизменным, что означает, что он по своей структуре не представлял собой \widehat{ts} .

г) На основе замещения в праславянском языке согласного c в заимствованных словах звуком s , а не звуком $c'(c)$: $syn\acute{ь}$ «башня» $< s\acute{u}n\acute{ь} < др.-в.-нем. z\acute{u}n$, которое показывает, что праславянский согласный $c'(c)$ по своей фонетико-физиологической характеристике не являлся настоящим согласным c .

8. Третья или прогрессивная палатализация. Эта палатализация происходила при следующих условиях:

$$\left. \begin{matrix} k \\ g \\ ch \end{matrix} \right\} \text{ после } \begin{matrix} \acute{b} \\ i \\ e \end{matrix} > \left\{ \begin{matrix} \acute{c}' \\ d\acute{z}' (> z) \\ s' \end{matrix} \right.$$

Примеры:

род. п. $ot\acute{ь}ca < *ot\acute{ь}ka$; род. п. $v\acute{e}n\acute{ь}ca < *v\acute{e}n\acute{ь}ka$, лит. $vainikas$; $ov\acute{ь}ca < *ov\acute{ь}ka$, др.-инд. $avik\acute{a}$; $dvidzati < *dvigati : dvign\acute{o}ti$, др.-в.-нем. $z\acute{w}ig\acute{o}n$; $st\acute{ь}dza < *st\acute{ь}ga$, лтш. $st\acute{i}ga$; $j\acute{e}dza < *j\acute{e}ga$, лит. $\acute{i}ngas$; род. п. $k\acute{ь}n\acute{e}dza < *k\acute{ь}n\acute{e}ga$, гот. $*kuning-$; $v\acute{ь}se < *v\acute{ь}cho$, лит. $v\acute{i}sas$; $lice < *liko$; $klicati < *klikati$, лтш. $kl\acute{i}kauti$.

Третья палатализация не происходила при указанных выше условиях в двух случаях:

а) когда после задненебного k, g или ch находился другой согласный и б) когда после задненебного стоял гласный u или $\acute{ь}$. Гласные \acute{u} и \acute{y} , переходя в u и $\acute{ь}$, передавали лабиализацию (\acute{u}) предшествовавшим согласным k, g и ch , что препятствовало их палатализации.

В данном случае, как и при второй палатализации, звук s' развивался в славянских языках также неодинаково: в западнославянских языках он перешел в \acute{s} , а в южных и восточных славянских языках – в s . Ср. ст.-сл. $v\acute{ь}s\acute{ь}$, болг. $vs\acute{i}cki, vs\acute{ь}ko$, мак. (диал.) $vezde$, серб.-хорв. (диал.) vas , слов. ves , рус. $ves\acute{ь}$, укр. $ves\acute{ь}$ || чеш. $v\acute{s}e, v\acute{s}e\acute{c}h$, словц. $v\acute{s}e, v\acute{s}etok$, пол. $wszelki, wszystek, zawsze$, н.-луж. $w\acute{s}en, w\acute{s}ako$, в.-луж. $w\acute{s}\acute{o}n, w\acute{s}ako$.

В связи с третьей палатализацией возникает много спорных и неясных положений. Так, например, оказывается дискуссионной проблема, какие именно гласные препятствовали прохождению третьей палатализации. Шахматов считал, что таковыми гласными являлись $\acute{ь}, u, o, \acute{o}$, Зубатый – $\acute{ь}, u, \acute{o}$, Лер-Сплавинский – $\acute{ь}, u, i$, и, наконец, Трубецкой – $\acute{o}i$ и \acute{o} .

Нерешенным остается также вопрос, какая палатализация, вторая или третья, является более древней. Белич считает, что вторая. Он ссылается на формы мест. п. ед. ч. типа *otъci : bodzě*, из которых первая форма возникла из **otъcě* под влиянием третьей палатализации. Трубецкой, наоборот, доказывает, что третья палатализация происходила раньше второй. Он ссылается на переход *jo > je, ъ > ь*, который должен был произойти после третьей палатализации, но значительно раньше монофтонгизации дифтонгов. Гуйер соглашается с Трубецким.

9. Йотация. Йотация представляет собой слияние согласного *j* с предшествующим согласным в качественно новый звук. Исключением являются губные согласные, которые при слиянии с *j* имеют свою специфику, какую – увидим позднее.

От указанных выше палатализации йотация отличается, во-первых, формально, т. к. касается всех согласных, а не только заднебных; и во-вторых, она совпадает только с первой палатализацией. Вторая и третья палатализации отличаются от йотации и по результатам – дают развитие палатализованных *k, g, ch* перед гласными переднего ряда или после них.

До процесса йотации праславянский язык имел для каждого согласного палатализованные и лабиовелярные варианты согласных. Йотация привела к возникновению третьего варианта: появились так называемые палатальные или мягкие согласные. Эти три праславянских типа согласных лучше всего видны у согласного *l*; ср. *polъ, polica, pol'e < *poljon*.

Йотация резко отделяет праславянский язык от балтийских языков, в которых она не произошла. Исключением является литовский язык, так как в нем имеются *č* и *dž < tj, dj*.

Посмотрим, как отдельные согласные и сочетания согласных подвергались йотации в праславянском языке и каким путем шло их дальнейшее развитие в отдельных славянских языках.

1) **Сочетания *sj, zj*.** Эти сочетания развивались в праславянском языке параллельно: *sj > śj > s' > ṣ́, zj > źj > z' > ẓ́*. При этом было безразлично, каково происхождение *s*: восходит ли он к индоевропейскому *s* или к индоевропейскому *k'*; впрочем согласный *z* мог быть только из индоевропейских *g'* и *g'h*,

Примеры:

*češq > *česjq : česati (s < s); pišq < *pisjq : pьsati (s < k'); nošъ < *nozjos < *nog'h-; vežq < *vezjq : vezati < *ang'h-*.

Для праславянских звуков *ṣ́* и *ẓ́* характерным являлось: а) что эти звуки артикуляционно не менялись, исключением было только иноязычное влияние (ср. цакавизм в сербскохорватском языке и т. п.), и б) что они в большинстве славянских языков отвердели. В настоящее время мягкие звуки *ṣ̌* и *ẓ̌* имеются только в нижнелужицком языке и в некоторых русских диалектах.

2) **Сочетания *kj, gj, chj*.** В праславянском языке эти сочетания развивались следующим образом: *kj > k'j > k' > t'ṣ́ > č̣, gj > g'j > g' > d'ẓ́ > ẓ́, chj*

> *ch'j* > *ch'* > *'š* > *š*. Это означает, что направление развития и его результаты совпали с результатами, полученными после первой палатализации заднебных согласных *k^e*, *g^e*, *ch^e* = *č*, *ž*, *š*.

Примеры:

plašť < **plakjos* : *plakati*; *lože* < **logjon*, греч. *λόχος*, < **logh-*; *duša* < **duchja* : *duchъ*; *sěča* < **sěkja*, лат. *secāre*; *lъzq* < **lъgjq*: *lъgati*; *sušq* < **suchjg* : *suchъ*.

Что касается развития праславянского звука *č* в славянских языках, то здесь необходимо подчеркнуть два момента: а) что в нижнелужицком языке *č* перешел в *c* и б) что в большинстве славянских языков он отвердел, т. е. *č* > *č*; мягким этот звук сохранился в русском и верхнелужицком языках, в икавском диалекте сербскохорватского языка, в некоторых болгарских говорах и кое-где еще.

3) **Сочетания** *skj*, *zgj*. В развитии и в рефлексах нет какого-либо различия между этими сочетаниями и сочетаниями *sk^e*, *zg^e*. Следовательно, *skj* > *šč*, а *zgj* > *ždž*, которые в дальнейшем развивались в славянских языках так, как было указано при первой палатализации.

Примеры:

**jъkjg* : ст.-сл. *ištq*, болг. *ища*, серб.-хорв. *иштем* (икав, *iščem*), слов. *iščem* (резьян. *iščem*), пол. *iszczę*, рус. *ищу*, лит. *ieškóti*, др.-в.-нем. *eiscôn*; слов. *piščem* || *piskam* : *piskati*; ст.-сл. *pleštq* < **pleskjg* : *pleskati*; серб.-хорв. *биштем* (икав. *biščem*) < **biskjg* : *biskati*; серб.-хорв. *vrístim* < *vriskjg* : *vrištati* < **vriskēti*; серб.-хорв. *zvíždim* < **zvizgjg* : *zvíždati* < **zvizgēti*; рус. *брызжу* < **bryzgjg* : *брызгать*; серб.-хорв. *бриждим* < **bryzgjg* : *бриждати* < **bryzgēti*; пол. *miażdże* < **mězgjg* : *miazga*.

4) **Сочетания** *nj*, *lj*, *rj*. В праславянском языке эти сочетания развивались так: *nj* > *n'j* > *n'*, *lj* > *l'j* > *l'*, *rj* > *r'j* > *r'*. Мы исходим из предположения, что согласный *j*, превратив предварительно согласные *n*, *l*, *r* в палатальные, утратился после них подобно тому, как он утрачивается после мягких согласных в сербскохорватском языке (ср. *нѡ̆жу* < *но́ + жу*) *чѡ̆жу* < *чѡ̆ + жу* : *ствѡ̆ржу*).

Примеры:

**konjos*: ст.-сл. *konъ*, болг. *конят*, мак. *коњ*, серб.-хорв. *коњ*, слов. *konj*, рус. *конь*, укр. *кинь*, белорус. *конь*, чеш. *kiň*, словц. *kôň*, пол. *koń*, в.-луж. *kón*;

**vonjā*: с.-сл. *von'a*, болг. *воня*, серб.-хорв. *вѡ̆ња*, слов. *vonja*, др.-рус. *воня*, укр. *воня*, чеш. *vůně*, словц. *vôňa*, пол. *woń*, в.-луж. *woń*;

**voljā*: ст.-сл. *vol'a*, болг. *воля*, мак. *воља*, серб.-хорв. *вѡ̆ља*, слов. *volja*, рус. *воля*, укр. *воля*, белорус. *воля*, чеш. *vůle*, словц. *lol'a*, пол. *wola*, луж. *wola*;

**poljon*: ст.-сл. *pol'e*, болг. *поле*, мак. *поле*, серб.-хорв. *поље*, слов. *polje*, рус. *поле*, укр. *поле*, белорус. *поле*, чеш. *pole*, словц. *pole*, пол. *pole*, в.-луж. *polo*, н.-луж. *pólo*;

**bourja*: ст.-сл. *bur'a*, болг. *бура* || *буря*, мак. *бура*, серб.-хорв. *бу̀ра*, слов. *burja*, рус. *буря*, укр. *буря*, белорус. *бура*, чеш. *bouře*, словц. *bura*, пол. *burza*;

**morjon*: ст.-сл. *mor'e*, болг. *море*, мак. *море*, серб.-хорв. *мо̀ре*, слов. *morje*, рус. *море*, укр. *море*, белорус. *море*, чеш. *moře*, словц. *more*, пол. *morze*, луж. *morjo*.

Согласный *n'*. В качестве альвеолярного сонорного согласного он сохранился во всех славянских языках. Его частичное отверждение (депалатализация) встречается, в основном перед гласными *e* и *i*, в украинском, болгарском и македонском языках.

Согласные *l*, *l^e*, *l'*. Как уже указывалось раньше, это были три праславянских типа одного и того же основного звука. Розвадовский исходит из следующего предположения: к концу праславянской эпохи исконная тройственность этих согласных перешла в двойственность: а) в севернославянских языках это упрощение произошло таким образом, что твердый согласный *l* сохранился в них, а согласные *l^e* и *l'* слились в один звук: где – в *l'*, а где – в *l^e*, т. е. *polъ*, *pol'ica*, *pol'e* || *poB polъ*, *pol^eica*, *pol^ee*; б) в южнославянских языках упрощение шло другим путем: в них сохранялся мягкий согласный *l'*, а согласный *l^e* и *l* слились в один звук, в средний *l*: *pol^eъ*, *pol^eica*, *pol'e*.

Насколько это предположение подтверждают данные славянских языков?

а) Южнославянские языки. Все четыре живых южнославянских языка фактически сохраняют праславянский согласный *l'*, при этом а) при значительном сужении его употребления в македонском и болгарском языках и б) при значительном уменьшении его мягкости в этих двух языках, в которых *l' = л ·* .

Для согласных *l* и *l^e* положение значительно сложнее. Наиболее простое положение в сербскохорватском языке, в котором твердый согласный *l* перешел в *l =* среднему *l* и тем самым полностью совпал с рефлексом согласного *l^e*. В македонском литературном языке, основу которого составили центральные македонские говоры, согласный *l^e > l' = л ·* , а согласный *l > l*, который намного тверже обычного среднеславянского и средневропейского согласного *l*, но значительно мягче польско-русского согласного *l* (галицкий диалект сохраняет звук *l*) . В болгарском языке согласные *l* и *l^e* совпали в *l*, который намного тверже обычного среднего *l*, но значительно мягче польского и русского *l* (некоторые восточные и западные болгарские диалекты сохраняют звук *l*) .

В словенском языке различие между согласными *l* и *l^e* сохранялось долго. В словенском литературном языке, основу которого составляют

доленьские говоры, согласные t и t^e перед гласными совпали и дали $l =$ среднему l , в то время как согласный t перед согласными и в конце слова перешел в \underline{t} (в конце XVI – начале XVII вв.).

Старославянский язык имел мягкий согласный l' – это несомненно. Но мы не знаем, в какой степени различались друг от друга согласные t и t^e .

б) Восточнославянские языки. В них представлены согласные l' и $t^e > l'$; некоторое ограничение касается украинского языка, в котором вместо прежних звуков l' и t^e перед гласными e и i в настоящее время выступает согласный t . Прежний t во всех трех языках сохранился как велярный согласный t , лишь в белорусском и украинском языках перед согласными и в конце слова он перешел в $\underline{t} = \underline{t}'$, соответствующий v ; в украинском языке в позиции перед согласными это изменение наблюдается только в некоторых случаях.

в) Западнославянские языки. В польском языке согласные l' и t^e совпали и дали звук l' . Согласный t сохранился как велярный, очень твердый звук t . В чешском языке полностью упростилась прежняя система звуков t , t^e , l' : в настоящее время в нем вместо этих трех звуков представлен согласный $l =$ среднему l . Таково положение в чешском литературном языке, в отличие от которого некоторые чешские диалекты сохраняют t (\underline{t}).

В словацком литературном языке, основу которого составляют среднесловацкие говоры, согласные l' и t^e совпали и дали, как и в польском языке, звук l' ; прежний согласный t перешел в $l =$ среднему l .

В лужицких языках находим, в основном, то же, что и в польском, т. е.: а) в одних говорах представлены звуки t и $l' < l'$ и t^e ; б) в других говорах – звук $\underline{t} < t$ и звук l' ($< l'$ и t^e), изменившийся в определенных фонетических условиях в звук $l =$ среднему l .

Согласный r' Разбираем, конечно, только праславянский согласный r' .

Этот звук развивался в славянских языках неодинаково.

а) Восточнославянские языки. Из восточнославянских языков праславянский звук r' сохранился в русском и украинском языках. При этом в украинском языке перед гласными e и u выступает твердый согласный r : *море (= more): моря*. В белорусском языке согласный r' отвердел: *бура, бунтар, пекар, пузыр, бондар*.

б) Южнославянские языки. Из южнославянских языков мягкий согласный r' сохранялся в старославянском языке: *рѣра, рѣра'ати, ор'о*. Затем этот согласный r' сохранился частично в болгарском языке: *заря, моря, варя, варят, овчаря, млекаря*. В сербскохорватском и македонском языках нет никаких следов мягкого r' . Но они сохранились в словенском языке, где мягкий согласный r' в позиции перед гласными перешел в сочетание rj , а в позиции перед согласными и в конце слова изменился в согласный r : *zarja, storjen, udarjen, poudarjati, orjem, tesarja : tesar, morje : morski, širje : širši, gorje*.

в) Западнославянские языки. В двух западнорусских языках, в чешском и польском, праславянский согласный r' перешел в аффрикату $\check{r} = r\check{z}$; в польском языке этот переход произошел в конце XII в., а в чешском языке – в XIII в. Эта аффриката возникла в обоих языках аналогичным путем: 1) $r' > r^{\check{z}}$, т. е. звук r развил фрикацию после себя; 2) $r^{\check{z}} > r\check{z}$, т. е. r отвердел и свелся к обычной вибрации, фрикация же развилась в полный фрикативный элемент. Аффриката \check{r} до сих пор сохраняется в чешском литературном языке и в диалектах: *přání, stvoření, mořský, pekař, kuchař*. В польском языке она употреблялась еще в XVII в. Позднее, в связи с утратой вибрации, в подавляющем числе польских диалектов она перешла в \check{z} (= $r\check{z}$) и \check{s} (= $r\check{z}$). В кашубско-словинской группе до сих пор сохраняется \check{r} . Таково же положение и в некоторых польских диалектах. Ср. примеры с $r' > r\check{z} > \check{z}$ (\check{s}) в польском языке: *stworzenie, piekarz, kucharz*.

В словацком языке мягкий согласный r' отвердел: *morský, prianie, stvorenie, pekár, kuchár*.

В лужицких языках сохранились следы праславянского согласного r' : ср. *morjo < mor'e*, в обоих языках.

5) Сочетания *pj, bj, mj, vj*. Эти сочетания развивались в славянских языках по-разному в зависимости от того, употреблялись ли они в начале слова (*pj, bj*) или в суффиксальных слогах (*pj, bj, mj, vj*). В первом случае вместо указанных сочетаний во всех славянских языках представлены pl' , bl' ; во втором случае возникли pl' , bl' , ml' , vl' только в восточно- и южнославянских языках, а в западнорусских языках сочетания губных согласных с j сохранились без изменения. Это, конечно, имеет значение только как общая констатация, т. к. в обеих группах языков имеется достаточное количество исключений, при этом разного типа и в значительном количестве.

Примеры:

а) для сочетаний *pj, bj* в начале слова:

**pjuti, *pjujǫ, *pjъvati*, лит. *spiáuju*: ст.-сл. $pl'ъvati$, $pl'ujǫ$, болг. *плюя*, мак. *плука*, *плукне*, серб.-хорв. *пљува̀ти*, *пљу̀жем*, слов. *pljuvati, pljujem*, рус. *плевать, плюю*, укр. *плювати, плюю*, белорус. *плюваць*, чеш. *plíti, pliji*, словц. $pl'ut'$, $pl'ujem$, пол. *pluć, pluje, plwać*, в.-луж. *pluwać, pluju*, н.-луж. *pluwaś, pliju*; гот. род. п. *biudis*: ст.-сл. $bl'udo$, болг. *блюдо*, мак. *бљудо*, серб.-хорв. *бљудо*, рус. *блюдо*, укр. *блюдо*, пол. *bluda*, луж. *blido*;

б) для сочетаний *pj, bj, mj, vj* в суффиксальных слогах:

**kirjǫ*: ст.-сл. $kirpl'ǫ$, болг. *купя*, мак. *купен*, серб.-хорв. *кѹпљен*, слов. *kirpljen*, рус. *куплю*, укр. *куплю* || пол. *kupię, kupionu*, чеш. *kupený*, словц. *kupený*, н.-луж. *kirju*, в.-луж. *kirju*; **grabje*: серб.-хорв. *грѣбље*, слов. *grablje*, рус. *грабли*, укр. *грабли* || пол. *grabie*, чеш. *hrábě*, н.-луж. *grabie*, в.-луж. *hrabie*, **gubjǫ*: ст.-сл. $gubl'ǫ$, болг. *губя*, мак. *загубен*, серб.-хорв. *изгубљен*, слов.

izgubljen, рус. *зублю*, укр. *зублю* || пол. *gubię, zgubiony*, чеш. *zhubený*, словц. *zhubený*, н.-луж. *gubju*, в.-луж. *hubju*;

**zemjā*: ст.-сл. *zeml'a*, болг. *земя*, мак. *земја*, серб.-хорв. *зѐмља*, слов. *zemlja*, рус., укр., белорус. *земля* || пол. *ziemia*, словц. *zem*, чеш. *země*, н.-луж. *zemja*, в.-луж. *zetja*;

**lovjq*: ст.-сл. *lovl'q*, болг. *ловя*, мак. *ловење*, серб.-хорв. *уловљен*, слов. *ulovljen*, рус. *ловлю*, укр. *ловлю* || пол. *łowię*, чеш. *ulovený*, словц. *ulovený*.

Представители наиболее старых лингвистических направлений объясняют йотацию сочетаний *pj*, *bj*, *tj*, *vj* довольно просто: между *p*, *b*, *t*, *v* и *j* вставлялся *l* (отсюда название *l'*-эпентетикум), и сочетания *plj* и т. п. дали *pl'* и т. п. за счет йотации звука *l*.

Представители более нового лингвистического направления (т. е. лингвисты 20-х годов) объясняли переход сочетаний типа *pj* в сочетания типа *pl'* немного иначе: *pj* > *p'j*, а между *p'* и следующим *j* развился – из-за постепенного и длительного перехода от губного взрыва к положению языка в зоне среднего неба – специальный переходный звук *l'*. В настоящее время по-разному смотрят на этот переход.

б) **Сочетания *tj*, *dj***. Эти сочетания очень характерны для славянских языков: во-первых, по своему фонетическому развитию, во-вторых, по своим окончательным рефлексам и, в-третьих, по распределению этих рефлексов в отдельных группах славянских языков и в отдельных славянских языках.

Примеры:

**světjā*: ст.-сл. *svěšta*, болг. *свещ*, мак. *свеќа*, серб.-хорв. (шток) *свѣћа*, серб.-хорв. (чакав.) *svīt'ǎ*, слов. *sveča*; рус. *свеча*, белорус. *свеча*, укр. *свіча*; пол. *świeca*, чеш. *svíce*, словц. *sviesa*, н.-луж. *swěса*, в.-луж. *swěса*;

**medjā*; ст.-сл. *mežda*, болг. *межда*, мак. *меѓа*, серб.-хорв. (шток.) *међа*, серб.-хорв. (чакав.) *mejǎ*; слов. *meja*; рус. *межа*, белорус. *межа*, укр. *межа*; пол. *miedza*, полаб. *midza*, словц. *medza*, чеш. *meze*, н.-луж. *tjaza*, в.-луж. *mieza*.

Как видно из приведенных примеров, сочетания *tj* и *dj* развивались неодинаково в славянских языках. Во всех восточнославянских языках вместо указанных сочетаний употребляются *č* и *ž*; в западнославянских языках – *c* и *dz*, при этом в польском, полабском и словацком языках – *c* и *dz*, а в чешском, нижнелужицком и верхнелужицком – *c* и *z*, где *z* возник вследствие упрощения аффрикаты *вж*. Южнославянские языки в этом отношении не представляют единства. В них находим: в старославянском и болгарском языках сочетания *št* и *žd*; в македонском языке *k'*, *g'* (в южномакедонских диалектах – сочетания *šć* и *ždž*); в сербскохорватском языке: одни рефлексy представлены в штокавском диалекте = *ć* и *đ* (в тимочских говорах – *č* и *dž*, в некоторых икавских и неикавских говорах *č* и *dž*) и другие рефлексy – в чакавском диалекте = *t'* и *j*; в словенском языке употребляются *č* (в диалектах *ć*) и *j*.

7) Сочетания *ktī, gtī, chtī*. Для этих сочетаний во всех славянских языках, как и для сочетания *tj*, находим сходные рефлексы.

Так мы имеем:

**rektī*: ст.-сл. *rešti*, серб.-хорв. *pèhu*, слов. *reči*; др.-рус. *речи*; чеш. *řici*, словц. *riect'*, пол. *rzec*, н.-луж. *rjas*, в.-луж. *rjes*;

**noktīs*: ст.-сл. *nošть*, болг. *нощ*, мак. *ноќ*, серб.-хорв. *ноћ*, слов. *noč*; рус. *ночь*, укр. *ніч*, белорус. *ноч*; чеш., словц., пол. *noc*, н.-луж. *nos*, в.-луж. *nós*, полаб. *nūs*;

**mogtī*: ст.-сл. *mošti*, серб.-хорв. *mòhu*, слов. *moči*; др.-рус. *мочи*, укр. *мочи*; чеш. *moci*, словц. *môct'*, пол. *mós*, н.-луж. *mós*, в.-луж. *mós*;

**mogtīs*: ст.-сл. *mošть*, болг. *мощ*, мак. *моќ*, серб.-хорв. *môћ*, слов. *moč*; рус. *мочь*, укр. *міч*; чеш. *moc*, словц. *moc*, пол. *moc*, в.-луж. *mós*;

**verchtī*: ст.-сл. *vrěšti*, серб.-хорв. *vrījèhu*,

Белич предполагает, что развитие праславянских сочетаний *kti, ktъ, chtī* шло следующим путем: **pekti* = *pek-ti* > *pe-kti* > *pe-k'ti* > *pe-ṛiti* > *pe-t'i*; **verchti* = *verch-ti* > *ver-chti* > *ver-ch'ti* > *ver-ṛiti* > *ver-t'i*. Это означает, что в сочетаниях *kt, cht*, образовавшихся в связи с действием закона открытого слога, возникли палатальные согласные *k', ch'* которые, оказавшись в позиции перед взрывным согласным, утратились, оставив след в виде неслогового *ṛ*. В результате возникло сочетание *ṛit*, которое развилось так же, как и этимологическое сочетание *tj*, т.е. дало *t'*.

8) Сочетания *stj, zdj*. Эти сочетания в славянских языках развивались так же, как и сочетания *sk^e, zg^e* и *skj, zgj*, т.е. изменились в *šć, žďž* ($\parallel > šć, žďž$) $\parallel > št, žd$ $\parallel št', žd' \parallel > šć, žďž$. И в данном случае, как и при изменении сочетаний *sk^e, zg^e, skj, zgj*, от общего направления развития отличаются чакавский диалект сербскохорватского языка, в котором представлены *št* и *žj*, икавский диалект с отражением в нем *šć* и *žď* и говоры словенского юго-запада с употреблением *šć*. Как мы уже отметили в отношении сочетаний *sk^e, zg^e*, мы считаем, что различие между чакавскими и икавскими рефлексами, с одной стороны, и рефлексами, представленными в других славянских языках, с другой, является старым, праславянским: рефлекс сочетаний *sk^e, zg^e, skj, zgj* и сочетаний *stj, zdj* в чакавском и икавском диалектах совпали потому, что сочетания *šć, žďž* в этих диалектах перешли в *št', žd' < stj, zdj*.

Примеры:

**pustjq, *pustjenъ*: ст.-сл. *puštq*, болг. *пущен*, мак. *пуштен*, серб.-хорв. *пүштен*, чакав. *pŭšt'en*, икав. *pŭšćen*, слов. *pušćen*; рус. *пущу*, укр. *пущу*; пол. *puszcze*, чеш. *puštěn*;

**ězdjǫ*, **ězdjā*, **ězdjati*: цел. *jaždǫ*, *jažda*, серб.-хорв. *jěžђење* < *ježdenje*, слов. *jěža*, *jěženje*; рус. *езжу*, укр. *їжджу*; пол. *jeżdże*, чеш. *zajížděti*, луж. *jězdžu*.

10. Упрощение согласных в сочетаниях согласных. Наиболее наглядно праславянский закон открытого слога проявился в возникновении и упрощении сочетаний согласных. Его сущность сводилась к следующему: никакой согласный в известный период развития праславянского языка не мог закрывать слог – все согласные отходили к последующему слогу. В языковом отношении он проявлялся следующим образом: если в начале слова не могло употребляться какое-либо сочетание согласных, то оно не могло употребляться и в начале слога.

Другими словами: закон открытого слога обусловил возникновение сочетаний согласных в пределах слога. а) Эти сочетания согласных могли быть известны праславянскому языку с давнего времени, и тогда не происходило упрощения или какого-либо другого изменения в сочетании согласных. б) Эти сочетания согласных могли быть новыми, не известными прежде, сочетания, которых язык не терпел, и тогда возникала ассимиляция первого согласного последующему (в редких случаях наоборот: второго предшествующему) и затем происходила редукция его артикуляции или же какое-либо другое фонетическое изменение его. Это означает, что не происходило ассимиляции и упрощения в случаях типа *рě-snъ*, *мě-sto*, *че-znǫti*, *ja-zva*, ибо сочетания *sn*, *st*, *zn*, *zv* могли употребляться и в начале слова.

Ассимиляция и упрощение наступали в случаях типа *svъ-tnǫti*, *съ-рпъ*, *о-рса*, *да-дмъ*, ибо сочетания *tn*, *pn*, *ps*, *dm* не могли стоять в начале слова.

Говоря об упрощении сочетаний согласных в праславянском языке мы опираемся на материал, приведенный Лескиным для старославянского языка.

Из материала, приведенного Лескиным, видно, что в праславянском языке возможны были четыре типа сочетаний согласных:

а) когда сочетание согласных начиналось с фрикативного согласного *s* или *z*;

б) когда сочетание согласных начиналось с какого-либо взрывного согласного: *p*, *b*, *t*, *d*, *k*, *g* или с фрикативного *ch*;

в) когда сочетание согласных начиналось с сонанта: *r*, *l*, *n*, *m*, *v*;

г) когда в сочетании согласных были представлены два одинаковых согласных (геминаты).

1) С теоретической точки зрения, фрикативные *s* и *z* могли употребляться перед всеми согласными, т. к. не утрачивались ни в одном из возможных сочетаний; другое дело, что не все сочетания подтверждаются примерами.

Так, и в начале, и в середине слова имеем примеры со следующими сохранившимися сочетаниями:

а) с начальным согласным *s* – *sn*: *sněgъ*, лит. *sniėgas*, *pěsnъ*; *sl*: *sluti*, лтш. *sluvēt*, *paslъ*; *sm*: *směchъ*, *pismę*; *sv*: *světiti*, лит. *švaitųty*, *vьlsvi*, *sp*: *spėti*, лит. *spėti*, *luspa*; *st*: *stati*, *nesti*; *sk*: *skočiti*, *iskati*;

б) с начальным согласным *z* – *zn*: *znati*, греч. *γνώvai*, *čeznōti*; *zl*: *izlězlъ*; *zv*: *zvонъ*, *jazva*; *zd*: *mъzda*; *zg*: *mozgъ*; *zb*: *izbyti*, лит. *išbūti*.

Сочетания *sr*, *ze*. Эти сочетания изменились в *str*, *zdr* путем развития зубного взрывного согласного между *s* и *r*, *z* и *r*. Это старое изменение: вероятно, более древнее, предшествовавшее действию закона открытого слога, во всяком случае, оно не связано с ним. Встречается оно и в других индоевропейских языках.

Примеры: *struja*: лит. *sraujà*, др.-инд. *srávati*, греч. *σρέFω*; *ostrъ* < **osrъ*: лит. *aštrūs*, греч. *οκρος*; *рьstrъ* < **pisrъ* : *рьsati*, греч. *ποικίλος*;

2) Взрывные согласные могли употребляться только перед сонантами, да и то не перед всеми.

Например: а) взрывные задненебные *k* и *g* и фрикативный задненебный *ch* могли употребляться перед четырьмя сонантами: *n*, *r*, *l*, *v*.

Ср. сочетания – *kn*: *tъknōti*; *kl*: *klasti*, *teklъ*; *kr*: *krasti*, *mokrъ*; *gn*: *gněvъ*, *běgnōti*; *gr*: *grobъ*, *igra*; *gl*: *mъgla*; *gv*: *gvozďъ*; *chn*: *dъchnōti*; *chr*: *chromъ*, *vichrъ*; *chl*: *chlěbъ*, *dręchlъ*; *chv*: *chvsla*, *vъchvъ*.

б) Взрывные зубные *t* и *d* могли употребляться только перед двумя сонантами: *r* и *v*.

Ср. сочетания – *tr*: *tręsti*, *qtrъ*; *tv*: *tvoriti*, *kļetva*; *dr*: *drugъ*, *mōdrъ*; *dv*: *dvignōti*.

в) Взрывные губные *p* и *b* могли употребляться только перед двумя сонантами: *r* и *l*.

Ср. сочетания – *pr*: *prositi*, *veprъ*; *pl*: *pletq*, *teplъ*; *br*: *bratrъ*, *dobrъ*; *bl*: *blęsti*.

Это были сочетания, которые не подвергались упрощению в праславянском языке и в которых первый согласный сохранялся. Но имеется достаточное количество сочетаний, в которых взрывной согласный, с которого начиналось сочетание, утрачивался, что было обусловлено регрессивной ассимиляцией и затем редукцией артикуляции.

Подробности этой утраты.

а) Сочетания *ps*, *bs* (< *ps*), *ts*, *ds* (< *ts*). Они упростились в *s*: *osa* < **opsa*, лит. *vapsà*, лат. *vespa*, др.-в.-нем. *wafsa*; 1 л. ед. ч. аор. *grěsъ* < **grēpson* < **grēbson* : *grēbq*; *čisъ* < **keitson* : *čisti* < **keitti*; *věsъ* < **vētson* < **vēdson* : *vedq*; *basъ* < **bōt-son* < **bōdson* : *bodq*; 2 л. ед. ч. наст, вр.: *dasi*, *věsi* < **dādsi*, **vēdsi* : *dadęть*, *vędęть*; *kqsъ* < **konsos* < **kondsos* : лит. *kāndu*.

Сложные сочетания *tsl*, *dsl* > *sl*: *čislo* < **čitslo*: *čъtq*, *gqsli* < **gqsli* : *gōdq*.

Сложное сочетание *tsm* > *sm*: *čismę* < **čitsmę* : *čisti* < **keitti*.

б) **Сочетания** *ks* и *gs* (< *ks*). Эти сочетания упростились в *kch* > *ch*: 1 л. ед. ч. аор *těchъ* < **těkchon* < *těkson*; *žachъ* < **gēchъ* < **gěkchon* < **gěkson* < **gēgson*.

Сложные сочетания *kst* и *gst* (< *kst*) > *st*: 2 л. мн. ч. аор. *rěste* < **rēkste*; ст.-сл. *běstvo* < **běkstvo* < **bęgstvo* : *běgati*.

в) **Сочетание** *kt*. а) Перед гласными *i* и *ь* оно изменилось в *t'*; см. об этом в разделе о сочетаниях *kti*, *gti*, *chti*; б) в остальных случаях оно упростилось в *t*: *pęть* < **penk''tos*, лит. *peñktas*; *potъ* < **poktos* : *pekъ*; *pletъ* < **plektъ*, лат. *plecto*.

г) **Сочетания** *pt*, *bt* (< *pt*). Они упростились в *t*: ст.-сл. *teti* < **tepti* : *tepъ*, *greti* < **grebti* : *grebъ*; *dlato* < **dolto* < **dolpto* < **dolbto*, др.-прусс. *dalptan*, цсл. *izdlъbъ*; *suti* < **seupti* ; *съръ*, лит. *sùpti*.

д) **Сочетания** *pn*, *bn*, *tn*, *dn*. Они упростились в *n*: *сѣнь* < **сърnos*, лит. *sãrnas*, греч. \Leftrightarrow πνος, др.-инд. *svárna-*; *kanъti* < **kapnъti* : *kapati*; *дѣно* < **dubno*: лит. *dùgnas* < **dubnas*, лтш. *dubens*; цсл. *svъnъti* < *svъtnъti*, серб.-хорв. *svànuti*: ст.-сл. *svitati*, *světъ*; *възпрѣнъti* < **възпрѣdnъti*: *prędati*; *възбъnъti* < **възбъdnъti* : *bъděti*.

Примечание. Пол. *więdnąć*, чеш. *vadnouti*: ст.-сл. *vēnъti*, рус. *вянуть*, серб.-хорв. *вѣнути*, слов. *veniti* являются несомненно вторичными, образованными по аналогии с причастиями *więdłъ*, *vadlъ*.

е) **Сочетания** *dm*, *tm*. Они упростились в *m*: *damъ* < **dadmi*, *вѣтъ* < **vēdmi* : *dadęть*, *věděti*; *plemę* < **pledme* : *plodъ*; *ruměнь* < **roudmēn-*: серб.-хорв. *rudeti se*, лит. *raũdas*; *vrěmę* < **vertmen-*: *vrětěti sę*.

В большинстве славянских языков сохранение согласного *d* перед *m* в сочетаниях *bdm* > *dm* в числительных *sedmъ*, *sedmъ* (греч. \square βδομος) неясно и объясняется по-разному: ст.-сл. *sedmъ*, *sedmъ*, болг. *седем*, *седми*, мак. *седум*, *седми*, серб.-хорв. *сѣдам*, *сѣдми*, слов. *sedem*, *sedmi*, пол. *siedem*, *siódmy*, кашуб. *sétəm*, *sódmí*, чеш. *sedm*, *sedmý*, словц. *sedem*, *sedmy*, в.-луж. *sedom*, *sedmy*, н.-луж. *sedum*, *sedumu* || рус. *семь*, *седьмой*, диал. *сѣмый*, белорус. *сем*, *сѣмы*, укр. *сім*, *сьомий*.

ж) **Сочетания** *bv*. Оно упростилось в *b* – это единственное сочетание, где произошла прогрессивная ассимиляция: ст.-сл. *oblaco* < **ob-volko*, *obratiti* < **ob-vortiti*: *vratiti*; *obiti* < **ob-viti*, лит. *vųti*.

з) Сложное сочетание *skn* > *sn*: *тѣснь* < **těsknъ* : серб.-хорв. *teskòba*.

и) **Сочетание *tt*** (< *tt* и *dt*). Это сочетание изменилось еще в индоевропейском языке и дало неодинаковые рефлексy в отдельных индоевропейских языках; в праславянском оно изменилось в *st*: *tt* > *tst* > *st*.

Ср.: *mesti* < **metti* : *meto*, лит. *mèsti, metù*; *čьсть* < **kistis* < **kittis* : *čьto*, др.-инд. *cittis*, ав. *čisti-*; *vesti* < **vetti* < *vedti* : *vedo*, лит. *yezù, vèsti*; *vedù* < **sěsti* < **sětti*: лит. *sěsti*, ав. *ni-šasta*, лат. *sessus*.

Для сочетания *dd* отсутствуют бесспорные примеры.

к) **Сочетания *tl, dl***. Они развивались неодинаково в славянских языках: в восточно- и южнославянских языках они упростились в *l*, в других языках – западнославянских – они сохранились без изменения.

Ср.: *pletlь*: ст.-сл. *plelь, plela, pleli*, болг. *плел, плела, плели*, мак. *плел, плела, плели*, серб.-хорв. *плѐо, плѐла, плѐли*, слов. *plel, plela, pleli* – рус. *плел, плела, плели*, укр. *плели*, белорус. *плеў, пляла* – чеш. *pletl, pletla*, словц. *pletol, pletla*, пол. *plótl, plotla*, н.-луж. *pletl, pletla*, в.-луж. *pletl, pletla*; **ordlo* (лит. *árklas*): ст.-сл. *rало*, болг. *рало*, мак. *рало*, серб.-хорв. *рѣло*, слов. *rало* – рус. *рало*, укр. *рало*, белорус. *рало* – чеш. *rádlo*, словц. *radlo*, пол. *radlo*, н.-луж. *radlo*, в.-луж. *radlo*.

Реликтовое явление, как бы связанное с сохранением сочетаний *tl, dl*, наблюдается как на славянском востоке, так и на славянском юге: на востоке – в псковском и новгородском диалектах русского языка, на юге – в диалектах словенского севера.

3) Сонанты, если их рассмотреть с теоретической точки зрения, могли употребляться перед всеми согласными, при этом они подвергались тем или иным изменениям.

Так: а) *r* и *l* вокализовались, перешли в слоговые *r* и *l*, которые в дальнейшем неодинаково развивались по отдельным группам славянских языков; ср. отдел о дифтонгах с сонантами *r* и *l*; б) *n* и *m* утрачивались, передавая носовую артикуляцию предшествующему гласному; ср. отдел о дифтонгах с сонантами *n* и *m*; в) *v* перед согласными утрачивался, если учитывать один единственный пример: *žiti* < **ži-vti*, который с этимологической стороны может быть объяснен и по-другому (ср. лит. *gyjù, gýti*).

4) Когда вследствие уподобления или каких-либо других фонетических изменений в непосредственном соприкосновении оказывались два одинаковых согласных, то они в праславянском языке всегда переходили в один согласный.

Ср.: *osь* < **ossis* < **ok'sis* < **ak'sis*: лат. *axis*, лит. *ašis*; *veslo* < **vesslo* < **vezslo*; 1 л. ед. ч. аор. *něсь* < **nēs-s-on*, *otvrěсь* < **otvēr-s-on* < **otvērz-s-on*; *jesi* < **jes-si*: **jes-mi, jes-tī*.

11. Согласные в конце слова. В конце слова в праславянском языке было представлено всего пять согласных: *d, t, n, s, r*. Все они редуцировались, утратились. Исключение касалось только согласного *n* в позиции после

долгих гласных. Утрата указанных согласных была связана с законом открытого слога.

Примеры:

для *d*: *to* < **tod*, лит. *tà-i*, др.-инд. *tát*, лат. *istud* < **istod*, гот. *þat-a*; **vǫlkā*, лит. *vilko*, др.-инд. *vṛkāḍ*, лат. *meritōd* < **-ōd*;

для *t*: 3 л. ед. ч. повел. накл. *beri*: др.-инд. *bhāret*, греч. φέροι, гот. *bairai* < **bheroit*; 3 л. мн. ч. аор. *padq* < **padont*, *mogq* < **mogont*, греч. φερον < φεροντ, λιπον < λιποντ, др.-инд. *ábharan* < **ábharant*;

для *n*: вин. п. ед. ч. *synъ* < **sūnun*: лит. *sūnu*, др.-прусс. *sunun*, др.-инд. *sūnīm*; вин. п. ед. ч. *gostъ* < **gostin*; лит. *nāktj*, др.-прусс. *naktin*, греч. πόλιν, др.-инд. *agnīm* < **-in*;

для *s*: 2 л. ед. ч. повел. накл. *beri*, греч. φέροις, др.-инд. *bhāres*, гот. *bairais* < **bherois*; им. п. ед. ч. *synъ*: лит. *sūnūs*, гот. *sunus*, лат. *manus*, др.-инд. *sūnūs*, греч. πῆχυσ < **-ūs*; им. п. ед. ч. *gostъ*; лат. *hostis*, лит. *akis*, гот. *ansts*, греч. πόλις, др.-инд. *áviṣ* < **-is*;

для *r*: *mati*, **dūkti*: греч. μήτηρ, лат. *māter*, греч. θυγάτηρ, гот. *daúhtar*, лит. *mótė*, *duktė* < **mātēr*, *dhūgātēr*

12. Развитие палатализованных согласных в славянских языках.

Речь идет о праславянских согласных *p^e*, *b^e*, *m^e*, *v^e*, *t^e*, *d^e*, *n^e*, *s^e*, *z^e*, *l^e*, *r^e*, т. е. о согласных *p*, *b*, *m*, *v*, *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *l*, *r*, употреблявшихся перед гласными переднего ряда: *ь*, *i*, *e*, *ě*, *ę*.

Их развитие шло следующим образом.

1) Южнославянские языки.

В южнославянских языках положение довольно простое: праславянские согласные *p^e*, *b^e*, *m^e*, *v^e*, *t^e*, *d^e*, *n^e*, *s^e*, *z^e*, *l^e*, *r^e* утратили в этих языках палатальность и перешли в твердые *p*, *b*, *m*, *v*, *t*, *d*, *n*, *s*, *z*, *l*, *r*.

2) Западнославянские языки.

а) Чешский язык: *p^e*, *b^e*, *m^e*, *v^e*, *s^e*, *z^e*, *l^e*, > *p*, *b*, *m*, *v*, *s*, *z*, *l*, т. е. эти согласные утратили в чешском языке палатальность и отвердели; согласный *r^e* > *r'* > *ř* в позиции перед всеми гласными переднего ряда, кроме позиции перед *e* < *ɣ*: *stařec*, *tvořiti*, *věřiti*, *řici*, *řiditi* (< *ređiti*), *řezati*, *řekl*, *břeh*, *řeka*. Согласные *t^e*, *d^e*, *n^e* сохранили в чешском языке палатальность, развив ее в полную палатализацию: *t^e*, *d^e*, *n^e* > *t'*, *d'*, *n'*. Это наблюдалось перед гласными *i* (< *i*, *ě*) и *e* (< *ě*, *ę*): *divný*, *tichý*, *nit*, *díl*; *děd*, *těsný*, *řekněte*; *jehně*, *těžký*. Перед этимологическим *e* и *e* < *ɣ* согласные *t*, *d* и *n* в чешском языке являются твердыми, отвердели они еще в XIV в.

б) Словацкий язык. Он кое в чем отличается от чешского языка: согласные *p^e*, *b^e*, *m^e*, *v^e*, *s^e*, *z^e*, *r^e* изменились в словацком языке в *p*, *b*, *v*, *m*, *s*, *z*, *r*, т. е. эти согласные утратили в словацком языке палатальность и отвердели. Что касается согласных *t^e*, *d^e*, *n^e*, *l^e*, то они сохранили бывшую мягкость и

развили ее в полную палатализацию = t' , d' , n' , l' , а именно: перед гласными i , e (< e , $ь$, $ě$) и a < $ę$: *divný*, *divoch*, *nit'*, *nízky*, *tichý*, *tišit'*, *lipa*, *lice*; *decko* (< *děťsko*), *deravý*, *desat'*, *ded*, *deň*, *denný*, *nebo*, *nebespečenstvo*, *neha* (< *něga*), *teplý*, *telo*, *tenký*, *l'an* (< *lъnъ*), *les* (< *lěsъ**), *letiet'* (< *letěti*), *ležat'*, *lev* (< *lъvъ*), *t'ahat'*, (< *tęgati*), *jahňa* (< *jagne*), *hl'adat'* (< *gledati*).

в) Польский язык. Он, наряду с русским языком, является единственным славянским языком, в котором все праславянские палатализованные согласные перешли в палатальные: праславянские согласные p^e , b^e , m^e , v^e , t^e , d^e , n^e , s^e , z^e , l^e , r^e дали в нем p' , b' , m' , v' , $t' > č$, $d' > dź$, n' , s' , z' , l' , $r' > ř > rz$.

Несколько примеров: *pieczesz* (< *pečešъ*), *bierzesz* (< *berešъ*), *mieciesz* (< *metešъ*), *wiedziecie* (< *vedete*), *niesiesz* (< *nesešъ*), *zielony* (< *zelenyjъ*), *siostra* (< *sestra*), *ciemny* (< *тъмънъ*), *dzień* (< *dъnъ*), *wieś* (< *vъsъ*), *ciągnąć* (< *tęgnōti*), *wiązać* (*vęzati*), *mięso* (< *męso*).

г) Лужицкие языки. Положение, с учетом небольших и вторичных различий, такое же, как и в польском языке.

3) Восточнославянские языки.

а) Русский язык. В нем, как и в польском языке, все праславянские палатализованные согласные перешли в палатальные: p^e , b^e , m^e , v^e , t^e , d^e , n^e , s^e , z^e , l^e , $r^e > p'$, b' , m' , v' , t' , d' , n' , s' , z' , l' , r' .

Несколько примеров: *берег*, *берешь*, *береза*, *печь*, *медведь*, *вера*, *ходить*, *писать*, *девять*, *день*, *дети*, *сено*, *зеленый*, *лев*, *лежать*.

б) Белорусский язык. Часть согласных изменилась в нем как и в русском языке, т. е. праславянские p^e , b^e , m^e , v^e , n^e , s^e , z^e , l^e перешли в p' , b' , m' , v' , n' , s' , z' , l' . Другая же часть согласных дала иные результаты. А именно: $r^e > r'$ в белорусском языке отвердел и выступает как твердый согласный во всех позициях: *бераг* (= рус. *берег*), *бяроза* (= *береза*), *бярэ* (= *берет*), *гразь* (= *грязь*), *рэзаць* (= *резать*), *рэшата* (= *решето*). Кроме того, согласные t^e и $d^e > t'$ и d' , как и в польском языке, перешли в белорусском языке в течение XVI в. в мягкие аффрикаты s и $dz = č$ и $dź$ (так называемое белорусское цеканье и дзеканье): *одзін* (= *один*), *дзед* (= *дед*), *дзень* (= *день*), *дзеці* (= *дети*), *ідзець* (= *идет*), *цень* (= *тень*), *ціхі* (= *тихий*), *жыць* (= *жить*), *пісаць* (= *писать*), *чытаць* (= *читать*).

в) Украинский язык. Он отличается от русского и белорусского языков твердым произношением бышших палатализованных согласных в позиции перед e и этимологическим i . Это – так называемая украинская диспалатализация палатальных согласных, которая развивалась постепенно в период с XII по XV вв.

Впрочем, и в украинском языке праславянские палатализованные согласные в позиции перед гласными $ь$, $i < ě$, $i < e$ в закрытом слого и ' $a < ę$ перешли в палатальные: *день*, *пень*, (= *den'*, *pen'*), *тисто* (= *tisto*), *міло*, *сіно*, *сліпий*, *гніздо*, *вітер*, *кість*, *молодіть*, *радість*, *лебідь*, *жолудь*, *грудь*, *дитя*, *тягнути*, *клятва*, *лід* (= *l'id*) – *леду*, *мід* (= *m'id*) – *меду*, *ячмінь* (= *jačm'in'*) – *ячменю*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиптиева Р. В. Сравнительная грамматика славянских языков. Учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Филология». Калининград, 1996
2. Адливанкин С.Ю., Мишланов В.А., Фролова И.А. Праславянский язык. Учеб. пособие. Пермь, 2003
3. *Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Введение. Фонетика. М., 1961
4. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередование. Именные основы. М., 1974.
5. Бирнбаум Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции, пер. с англ., М., 1987.
6. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
7. Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984
8. Булахов М.Г., Жовтобрюх М.А., Кодухов В.И. Восточнославянские языки. М., 1987
9. Гаспаров Б., Сигалов П. Сравнительная грамматика славянских языков. В 2-х т. Тарту, 1974.
10. Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
11. *Кондрашов Н.А. Учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1986.
12. *Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М.: УРСС, 2002
13. Ломтев Т.П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. Москва, 1961.
14. Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956.
15. *Мейе А. Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001
16. Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963
17. Поржезинский В. К. Сравнительная грамматика славянских языков 2-е изд. М., 1916.
18. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915.
19. Селищев А. М. Старославянский язык. В 2-х т. М., 1951-1952.
20. Селищев А.М. Славянское языкознание. Том 1: Западославянские языки. М., 1941.
21. Славянские языки. Очерки грамматики западославянских и южнославянских языков. Под ред. А.Г. Широковой, В.П. Гудкова. Москва, 1977.
22. *Супрун А.Е., Калюта А. М. Введение в славянскую филологию. [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов]. Якубинский Л. П. Очерки по истории древнерусского языка., М., 1945.

23. *Супрун А.Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
24. *Ягич И. В.* История славянской филологии. Спб., 1910.
25. *Безпалько О. П., Бойчук М. К., Жовтобрюх М. Л., Самійленко С. П., Тараненко І. Й.* Исторична граматика української мови. Вид. 2-е Київ, 1962.
26. *Белић А.* Историја српскохрватског језика I, II. Београд, 1960, 1962.
27. *Benni T., Los J., Nitsch K., Rozwadowski J. Ulaszyn H.* Gramatyka języka polskiego. Krakow. 1923.
28. *Brugmann K.* Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg. 1897-1916.
29. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1902-1904.
30. *Endzelin J.* Altpreußische Grammatik. Riga, 1944.
31. *Endzelin J.* Lettische Grammatik. Riga, 1922.
32. *Horálek K.* Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1962.
33. *Hujer O.* Úvod do dějin jazyka českého. Praha, 1946. (Введение в историю чешского языка. М., 1953)
34. *Hujer O.* Vývoj jazyka československého. – В кн.: Ceskoslovenská vlastivěda. Díl III. Jazyk. Praha, 1934.
35. *Конески Б.* Историја македонског језика. Београд-Скопје, 1966.
36. *Lehr-Splawiński T., Bartula Cz.* Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym. Wrocław-Kraków, 1959.
37. *Lehr-Splawiński T.* Gramatyka polabska. Lwów, 1922.
38. *Lehr-Splawiński T., Kuraszkiewicz W., Slawski F.* Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954.
39. *Leskien A.* Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
40. *Leskien A.* Grammatik der serbo-kroatischen Sprache. Heidelberg, 1914.
41. *Leskien A.* Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache. Heidelberg, 1909.
42. *Leskien A.* Litauisches Lesebuch mit Grammatik und Wörterbuch. Heidelberg, 1919.
43. *Meillet A.* Introduction a l'étude comparative des langues indo-europeenes. Paris, 1937; Études sur l'étym. et le vocab. du vieux slave. I-II, 1905.
44. *Meillet A.* Les dialectes indo-europeens. Paris. 1908.
45. *Mikkola J.* Urslawische Grammatik. Bd. I-III. Heidelberg, 1913; 1942, 1950.
46. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen. Bde. I-IV. Wien, 1852-1883.
47. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.
48. *Младенов С.* История на българския език. София, 1935.
49. *Младенов С.* Сравнително индоевропейско езиковедство. София, 1936.
50. *Nahtigal R.* Slovanski jeziki. Ljubljana, 1952; Славянские языки. М., 1963.

51. *Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konzonantizem. Ljubljana, 1924.
52. *Ramovš F.* Morfologija slovenskega jezika. Ljubljana. 1952.
53. *Stieber L.* Zarys gramatyki porownawczej jezykow slowiaskich. Warszawa, 1979.
54. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. V. 1, 2, Lyon-Paris, 1950, 1958.
55. *Vaillant A.* Manuel du vieux slave. V. 1, 2. Paris, 1948.
56. *Vondrák W.* Vergleichende slawische Grammatik. Bd. I, II. Göttingen, 1924, 1928.